А. А. Кауфманъ.

Сибирское переселеніе

НА ИСХОДѢ XIX ВѢКА.

Историко-статистическій очеркъ.

I. Новѣйшее законодательство и мѣры къ упорядоченію переселеній.
II. Цифровыя данныя о ходачествѣ и переселеніи.

2-ое изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Киршбаума, Дворцовая пл., д. М-ва Финансовъ.
1901

„Пров 38“

ПРОВ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Ноября 1901 года.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

985
31

Настоящій очеркъ былъ первоначально напечатанъ въ видѣ статьи въ «Русскомъ экономическомъ обозрѣніи». Неожиданно для меня обнаружившійся большой спросъ на отдѣльные оттиски этой статьи, въ немного дней исчерпавшій весь имѣвшійся у меня довольно значительный запасъ такихъ оттисковъ, побуждаетъ меня выпустить очеркъ настоящимъ вторымъ изданіемъ. Я прекрасно сознаю, что, будучи написанъ для помѣщенія въ спеціальномъ журналѣ, мой очеркъ для самостоятельнаго изданія требовалъ-бы довольно серьезныхъ дополненій и переработки; въ частности, у меня была мысль, для приданія очерку большей закругленности, слить его съ одною изъ моихъ болѣе раннихъ работъ по переселенческому вопросу—именно со статьею «Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній». Недостатокъ времени не позволилъ-бы мнѣ, однако, выполнить это намѣреніе раньше нѣсколькихъ, можетъ быть и многихъ мѣсяцевъ,—а потому я рѣшаюсь предложить свой очеркъ вниманію публики въ совершенно неизмѣненномъ видѣ. Я надѣюсь, что достигаемая благодаря этому большая своевременность появленія въ болѣе широкую публику использованнаго мною матеріала искупитъ нѣкоторую незаконченность и внѣшніе недостатки изложенія, которые могли-бы быть устранены при упомянутой выше переработкѣ.

А. К.

16 Ноября 1901 года.
С.-Петербургъ

I.

Новѣйшее законодательство и мѣры къ упорядоченію переселеній.

1900 годъ обогатилъ литературу переселенческаго вопроса рядомъ оффиціальныхъ изданій, имѣющихъ характеръ частью историческихъ обзоровъ, частью сборниковъ статистическаго матеріала. Изъ этихъ изданій надо назвать, прежде всего, изданную канцеляріею комитета министровъ, по случаю парижской выставки 1900 года, книгу «Колонизація Сибири въ связи съ общимъ переселенческимъ вопросомъ», краткое извлеченіе изъ которой издано на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Essai sur l'histoire de la colonisation en Sibérie». Мы отводимъ этой книгѣ первое мѣсто, потому что какъ по широтѣ поставленной темы, такъ и по характеру изложенія, она доступна для болѣе широкой публики, нежели тѣ изданія, о которыхъ будетъ рѣчь ниже: тогда какъ эти послѣднія либо вовсе не доступны для чтенія, а даютъ лишь матеріалъ, могущій служить для справокъ и для научной переработки, либо будутъ прочитаны лишь немногими спеціалистами, — «Колонизація Сибири», можно думать, прочтется каждымъ, кто интересуется переселенческимъ дѣломъ и кто пожелаетъ составить себѣ ясное и, въ общемъ, достаточно полное представленіе объ его прошломъ и его современномъ положеніи.

Имѣя цѣлью дать «историческій обзоръ процесса передвиженія части населенія Европейской Россіи за Уралъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ «охватить область правительственныхъ мѣропріятій» по переселенческому вопросу (предисловіе, стр. I и III), названная книга состоитъ изъ восьми главъ. Первыя двѣ и часть третьей представляютъ собою бѣглый очеркъ исторіи заселенія Сибири и послѣдовательныхъ смѣнъ правительственной политики, начиная отъ первыхъ зачатковъ колонизаціи Зауралья и кончая моментомъ учрежденія комитета сибирской желѣзной дороги,—причемъ очеркъ этотъ для всего времени до конца XVIII столѣтія составленъ исключительно по литературнымъ матеріаламъ,

для XIX же вѣка использовано немало архивнаго матеріала, что придаетъ обзору, до извѣстной степени, характеръ работы по первоисточникамъ. Еще въ большей мѣрѣ этотъ характеръ присущъ очерку современнаго положенія переселенческаго дѣла и въ частности — переселенія на казенныя земли Сибири и въ Степной край, занимающему бо́льшую половину третьей и почти цѣликомъ четвертую и пятую главы: читатель найдетъ здѣсь полную картину разносторонней законодательной и распорядительной дѣятельности верховнаго, въ настоящее время, руководителя дѣломъ колонизаціи Сибири—комитета сибирской желѣзной дороги, и обзоръ мѣропріятій послѣднихъ лѣтъ, направленныхъ къ урегулированію переселеній и къ улучшенію условій какъ передвиженія переселенцевъ, такъ и устройства ихъ на мѣстахъ новаго водворенія. Шестая и седьмая главы посвящены обзору условій переселенія на Амурско-Приморскую окраину и въ Алтайскій округъ, на земли кабинета Его Величества, — мѣстности, колонизація которыхъ поставлена въ совершенно исключительныя, въ сравненіи съ остальными частями Сибири, условія. Обзоръ законодательства, правительственныхъ распоряженій и мѣропріятій составляетъ, такимъ образомъ, главное содержаніе 3—7 главъ разсматриваемой книги; но въ тѣхъ же главахъ разбросаны и фактическія данныя о размѣрахъ и причинахъ выселеній изъ разныхъ мѣстностей Европейской Россіи, о качественномъ, такъ сказать, составѣ выселяющихся и о размѣрахъ водворенія переселенцевъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. И наконецъ восьмая, небольшая глава, озаглавленная «вліяніе переселеній на экономическій бытъ сибирскихъ новоселовъ и на нѣкоторыя стороны мѣстной жизни», затрогиваетъ рядъ разнообразныхъ вопросовъ, начиная съ вопроса о хозяйственномъ положеніи переселенцевъ на мѣстахъ новаго водворенія и кончая вопросами о значеніи переселенцевъ для культурной и экономической жизни Сибири и о ея колонизаціонной емкости. Эти послѣдніе вопросы, впрочемъ, составитель разсматриваемой книги затрогиваетъ лишь немногими словами, не пытаясь не только дать имъ самостоятельнаго рѣшенія, но даже свести весь, довольно обширный, имѣющійся литературный и фактическій матеріалъ; довольно поверхностно авторъ касается также и вопроса о хозяйственныхъ результатахъ переселенія для самихъ переселяющихся, ограничиваясь краткимъ сводомъ уже сказаннаго въ литературѣ переселенческаго вопроса. Значительно подробнѣе разработанъ вопросъ о выселеніи изъ Европейской Россіи, хотя и здѣсь авторъ даетъ мало своего, а лишь добросовѣстно сводитъ уже ранѣе разработанныя данныя и высказанныя мнѣнія. Вообще, центръ тяжести книги не въ этихъ фактическихъ, бытовыхъ вопросахъ; несмотря на свое широкое заглавіе и на широко поставленную въ предисловіи задачу, книга является обзоромъ не столько «колонизаціи Сибири», сколько колонизаціонной политики русскаго правитель-

ства,—и въ этомъ именно и заключается ея значеніе, выдвигающее ее изъ ряда обычныхъ выставочныхъ изданій: характеристика какъ послѣдовательныхъ смѣнъ переселенческой политики въ теченіе XIX столѣтія, такъ и въ особенности—современнаго періода этой политики дается на основаніи очень добросовѣстной и достаточно полной сводки обширнаго оффиціальнаго матеріала, трудно доступнаго или даже вовсе недоступнаго не только для широкой публики, но даже для большинства лицъ, прикосновенныхъ къ переселенческому дѣлу или спеціально имъ интересующихся. Разсматриваемая книга представляетъ собою, въ данномъ отношеніи, единственный въ своемъ родѣ источникъ для ознакомленія съ ходомъ и настоящимъ положеніемъ переселенческаго дѣла и послужитъ цѣннымъ пособіемъ для будущаго историка русскихъ переселеній. Значеніе книги не умаляется и нѣсколько оптимистическимъ тономъ, которымъ — какъ отмѣчалось въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ [1])— окрашено изложеніе и который является необходимою принадлежностью оффиціальныхъ изданій подобнаго рода: оптимизмъ автора нигдѣ не идетъ въ ущербъ фактической точности изложенія; если же для читателя—какъ отмѣчалось рецензентами—остается иногда неяснымъ, въ какія формы выливались въ дѣйствительности тѣ или другія изъ принимавшихся въ интересахъ переселенія мѣръ, — то это обстоятельство слѣдуетъ отнести не столько на счетъ оптимизма автора, сколько на счетъ недостаточности, а главное — слишкомъ случайнаго характера данныхъ, которыми можно было бы располагать въ настоящее время для всесторонней оцѣнки дѣйствительнаго значенія принимавшихся мѣръ.

Существеннымъ дополненіемъ къ разсмотрѣнной книгѣ является изданный министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, при ближайшемъ участіи пишущаго эти строки, «Очеркъ работъ по заготовленію переселенческихъ участковъ» за время съ 1893 по 1899 годы, также изданный и во французскомъ извлеченіи подъ заглавіемъ «Aperçu historique des travaux d'arpentage и т. д.». Этотъ обзоръ, къ которому приложенъ полный списокъ переселенческихъ участковъ съ данными о ихъ размѣрахъ, свойствахъ и объ ихъ заселеніи, представляетъ собою объемистую работу, которая, однако, въ виду ея крайне спеціальнаго характера, едва-ли можетъ представить интересъ для сколько-нибудь широкой публики и которая прочтется развѣ только лицами, имѣющими ближайшее отношеніе къ дѣлу водворенія и земельнаго устройства переселенцевъ, а затѣмъ—дастъ будущимъ историкамъ переселенческаго дѣла и русской поземельной политики немало цѣннаго, въ значительной мѣрѣ архивнаго, матеріала. Болѣе общій интересъ предоставляетъ только шестая, послѣдняя глава «Очерка», въ которой подведены итоги землеотводныхъ работъ за весь періодъ

[1]) «Народное хозяйство», 1900 г. № 8, стр. 157, рецензія г. В. В.

1893—1899 годовъ и сдѣланъ опытъ статистической разработки данныхъ о размѣрахъ, свойствахъ и заселеніи участковъ. Нѣкоторые изъ получившихся здѣсь любопытныхъ выводовъ будутъ нами использованы въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Дальнѣйшія изданія, когорыхъ мы должны коснуться, имѣютъ уже исключительно характеръ сборниковъ сырого матеріала. Изъ этихъ изданій назовемъ, прежде всего, результаты той статистики переселенческаго движенія, которая съ 1894 года ведется въ Челябинскѣ, этомъ главномъ пріемномъ или, точнѣе, проходномъ пунктѣ для сибирскихъ переселенцевъ. Регистрація переселенцевъ, проходящихъ въ Сибирь, обратныхъ, а также ходоковъ, идущихъ въ Сибирь и изъ Сибири, ведется въ Челябинскѣ двоякимъ способомъ. Прежде всего, каждый переселенецъ или ходокъ опрашивается въ канцеляріи переселенческаго чиновника, завѣдующаго челябинскимъ пунктомъ, по краткой программѣ, охватывающей слѣдующіе вопросы: для переселенцевъ и ходоковъ идущихъ въ Сибирь—мѣсто причисленія, направленіе переселенія, составъ семьи съ подраздѣленіемъ по полу и двумъ возрастнымъ группамъ, наличность или отсутствіе разрѣшенія на переселеніе, количество земли и скота на родинѣ, количество багажа, путевыя издержки до Челябинска, и, наконецъ,—обстоятельства, побудившія на переселеніе. У возвращающихся изъ Сибири спрашивается мѣсто причисленія на родинѣ и мѣсто, откуда возвращаются, составъ семьи, наличность или отсутствіе разрѣшенія на переселеніе, продолжительность пребыванія въ Сибири и причины возвращенія. Независимо отъ этой такъ называемой «общей регистраціи», въ Челябинскѣ ведется еще и другая, болѣе подробная статистическая регистрація. Возникнувъ первоначально въ Тюмени, по иниціативѣ отряда студентовъ-медиковъ, приглашеннаго въ 1893 году для поданія медицинской помощи переселенцамъ, регистрація эта ведется особо приглашаемыми статистиками по чрезвычайно, даже до излишества, подробной программѣ, состоящей изъ бланка для опроса переселенческихъ партій и изъ трехъ карточекъ: для переселенческихъ семей, идущихъ въ Сибирь, для обратныхъ переселенцевъ и для ходоковъ, которые опрашиваются и въ передній, и въ обратный путь. Я позволилъ себѣ назвать программы «до излишества подробными»: я сомнѣваюсь именно въ томъ, чтобы до крайности детальныя данныя, которыя заносятся въ карточки статистическаго опроса, были когда-либо использованы сколько-нибудь исчерпывающимъ образомъ. А между тѣмъ, благодаря подробности программъ, опросъ каждой семьи требуетъ столько времени, что статистики не имѣютъ возможности опрашивать *всѣхъ* переселенцевъ, а опрашиваютъ лишь столько, сколько удается опросить въ теченіе того времени, которое переселенческимъ партіямъ приходится проводить въ Челябинскѣ въ ожиданіи возможности попасть на поѣздъ. Опросить

удается, очевидно, тѣмъ меньшую часть проходящихъ переселенцевъ, чѣмъ большая масса ихъ скопляется, въ каждое данное время, въ Челябинскѣ, благодаря чему въ опросномъ матеріалѣ далеко неравномѣрно представлены проходящія въ разное время года группы переселенцевъ, а слѣдовательно и выводы, могущіе быть сдѣланными на основаніи этого матеріала, лишь съ извѣстными оговорками могли бы быть распространяемы на всю переселенческую массу; въ общихъ же за цѣлыя переселенческія кампаніи итогахъ было опрошено: въ 1895 году — 6,898 семей или 50,3%, въ 1896 г.—4,340 семей или всего 15,2% общаго числа переселенческихъ семей, прошедшихъ черезъ общую регистрацію. Благодаря—надо думать—той же чрезмѣрной подробности программъ, при ограниченности средствъ, отпущенныхъ на разработку, результаты какъ общей регистраціи переселенцевъ, такъ и статистическаго опроса (послѣдніе лишь частью), опубликованы до настоящаго времени лишь за 1895 и 1896 годы, данныя же партіоннаго опроса, равно какъ и значительная часть данныхъ, занесенныхъ на статистическія карточки переселенцевъ и ходоковъ, и посейчасъ не опубликованы даже за названные только что, уже достаточно удаленные отъ настоящаго времени, годы.

Появившіеся въ печати результаты общей регистраціи переселенцевъ на челябинскомъ пунктѣ[1]) представляютъ собою, за каждый годъ, небольшую книжку съ слѣдующими основными таблицами: о состояніи хозяйства переселенцевъ на родинѣ (38 графъ), о распредѣленіи переселенческихъ семей по числу душъ, количеству багажа, мѣсту вселенія, характеру свѣдѣній, побудившихъ на переселеніе, и времени прибытія въ Сибирь (87 графъ); объ обратныхъ переселенцахъ, съ показаніемъ мѣстъ, откуда они возвращаются, продолжительности пребыванія въ Сибири и причинъ обратнаго переселенія; о ходокахъ, прошедшихъ въ Сибирь, съ подраздѣленіемъ на ходоковъ отъ семей и отъ партій и съ показаніемъ числа душъ, представителями которыхъ являлись ходоки, мѣстъ, куда они шли на поиски, и времени прохожденія черезъ Челябинскъ; наконецъ, о ходокахъ, возвращающихся изъ Сибири, съ показаніемъ мѣстностей, гдѣ были произведены поиски, результата этихъ послѣднихъ, а для ходоковъ, не зачислившихъ за собою земли—причинъ подобной неудачи. Во всѣхъ таблицахъ переселенцы и ходоки сгруппированы по губерніямъ, раіонамъ и полосамъ Европейской Россіи и по наличности или отсутствію законнаго разрѣшенія на переселеніе. Результаты статистическаго опроса пред-

---

[1]) «Цифровый матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь, извлеченный изъ книгъ общей регистраціи переселенцевъ, проходившихъ черезъ Челябинскъ въ такомъ-то году».

ставляютъ собою для каждаго года довольно толстый томъ 1). Основною здѣсь является таблица, въ которой подробнѣйшимъ образомъ (470 графъ) разработаны данныя о составѣ переселенческихъ семей, грамотности, живомъ и мертвомъ инвентарѣ, землевладѣніи, арендѣ (этому вопросу посвящено болѣе ста графъ), земледѣліи, промыслахъ, продовольствіи, платежахъ и недоимкахъ и кредитѣ,—причемъ переселенческія семьи сгруппированы по мѣстамъ выхода, разрядамъ крестьянъ и по характеру землепользованія. За этою основною, непропорціонально разросшеюся таблицею слѣдуетъ комбинаціонная таблица, въ которой важнѣйшія данныя, характеризующія составъ и благосостояніе переселенческихъ семей, разработаны въ комбинаціи съ рабочею силою и размѣрами землевладѣнія; таблица съ данными объ условіяхъ и результатахъ ликвидаціи земли и имущества и о расходахъ по сборамъ на переселеніе; таблица съ данными о составѣ переселявшихся семей, характерѣ свѣдѣній о новыхъ мѣстахъ, количествѣ багажа, путевыхъ расходахъ, задержкахъ, заболѣваемости и смертности въ пути. Наконецъ, особыя, сравнительно небольшія таблицы посвящены обратнымъ переселенцамъ и ходокамъ; первые характеризуются по семейному составу, степени благосостоянія, достигнутой въ Сибири, размѣру денежныхъ средствъ, взятыхъ съ собой съ родины и принесенныхъ въ Сибирь, характеру свѣдѣній, побудившихъ на переселеніе, и съ особенною подробностью—по имущественному положенію до переселенія въ Сибирь; для ходоковъ пока напечатаны только свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи ихъ семей по гораздо болѣе краткой программѣ, нежели по какой соотвѣтственныя данныя разработаны для семейныхъ переселенцевъ.

Изъ сдѣланнаго краткаго перечня содержанія таблицъ читатель видитъ, какую массу матеріала для характеристики переселенцевъ и переселеческаго движенія даютъ и общая регистрація и статистическій опросъ переселенцевъ. Нельзя не пожелать, чтобы руководителямъ этого дѣла удалось довести до конца изданіе результатовъ статистическаго опроса,—а главное, чтобы лица, руководившія регистраціей и опросомъ, не ограничились изданіемъ таблицъ, а дали также и научную разработку содержащагося въ нихъ фактическаго матеріала: въ виду громоздкости этого послѣдняго, трудно ожидать, чтобы онъ былъ съ надлежащею полнотою разработанъ кѣмъ-либо инымъ, кромѣ лицъ, вложившихъ свою душу въ организацію опроса и иодсчета опроснаго матеріала, и притомъ—что особенно важно—едва ли кто либо, кромѣ этихъ именно лицъ, въ состояніи правильно установить взаимное отно-

---

1) «Цифровый матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь, собранный въ такомъ-то году статистическимъ переселенческимъ отрядомъ подъ руководствомъ Г. А. Пріймака».

шеніе между дополняющими и контролирующими другъ друга данными общей регистраціи и данными статистическаго опроса переселенцевъ.

Существеннымъ дополненіемъ къ разсмотрѣнному только-что изданію является предпринятое, по иниціативѣ статсъ-секретаря Куломзина, изданіе канцеляріи комитета министровъ — «Статистическія данныя по переселенческому дѣлу въ Сибири»; до настоящаго времени появилось два выпуска этого изданія: въ 1899 году — со свѣдѣніями за 1897 годъ, и въ 1900 году — со свѣдѣніями за 1898 годъ. Публикуемыя здѣсь свѣдѣнія распадаются на три отдѣла; движеніе переселенцевъ и ходоковъ въ Сибирь и обратно; устройство и матеріальное благосостояніе переселенцевъ въ Сибири, и выдача переселенцамъ ссудъ. Данныя о переселенческомъ движеніи представляютъ собою результаты предварительнаго подсчета данныхъ той самой «общей регистраціи» переселенцевъ, которая затѣмъ, въ болѣе полной разработкѣ, даетъ матеріалъ для спеціальнаго изданія, охарактеризованнаго на предыдущихъ страницахъ; въ этотъ подсчетъ совершенно не входятъ данныя, могущія служить для характеристики хозяйственнаго положенія переселяющихся; ходаческое и переселенческое движеніе характеризуется лишь съ точки зрѣнія мѣстъ выхода, наличности или отсутствія разрѣшенія, направленія движенія, для ходоковъ — съ точки зрѣнія результата произведенныхъ поисковъ, а для обратныхъ переселенцевъ и ходоковъ, не зачислившихъ за собою земли, — въ отношеніи причинъ, обусловившихъ неудачу переселенія или ходачества. Сравнительно меньшая подробность подсчета данныхъ о движеніи переселенцевъ и ходоковъ съ избыткомъ искупается большею своевременностью выхода въ свѣтъ изданія канцеляріи комитета министровъ, которое на цѣлыхъ два года опередило спеціальное изданіе результатовъ челябинской регистраціи и такимъ образомъ даетъ матеріалъ гораздо болѣе свѣжій и пригодный для пользованія. Меньшее значеніе имѣютъ, по моему мнѣнію, объемистыя таблицы, имѣющія цѣлью обрисовать устройство и матеріальное благосостояніе переселенцевъ въ Сибири. За 1897 годъ такія таблицы были напечатаны: нѣкоторыя — по 669 поселкамъ, другія по 454, 241 и 221 поселку. За 1898 годъ разработаны и изданы свѣдѣнія по 2,026 переселенческимъ поселкамъ съ 99,855 дворами и болѣе нежели полумилліономъ жителей, т. е. по всѣмъ безъ исключенія поселкамъ, образованнымъ въ Сибири и Степномъ краѣ, не исключая Алтайскаго округа и Уссурійской окраины. Свѣдѣнія эти разработаны въ видѣ слѣдующихъ главнѣйшихъ таблицъ: прежде всего идетъ «вѣдомость о водвореніи» переселенцевъ, съ показаніемъ, по каждому поселку, годовъ заселенія, числа дворовъ, населенія съ подраздѣленіемъ по полу, числа головъ главнѣйшихъ видовъ скота, количества земледѣльческихъ орудій и земли подъ посѣвомъ. «Вѣдомость о матеріальномъ благосостояніи переселенцевъ» сообщаетъ данныя о числѣ семей съ распредѣленіемъ

по отсутствію или наличности жилища, постояннаго или временнаго, по количеству лошадей и рогатаго скота, по наличности или отсутствію мелкаго скота, земледѣльческихъ орудій и вообще самостоятельнаго хозяйства, а также данныя о размѣрахъ посѣвной площади; всѣ эти данныя приводятся въ поволостныхъ итогахъ, но за то переселенческіе дворы сгруппированы по времени прибытія переселенцевъ. Третья вѣдомость, составленная уже въ поуѣздныхъ итогахъ, но опять-таки съ распредѣленіемъ переселенческихъ семей по времени прибытія, даетъ свѣдѣнія о сравнительномъ матеріальномъ благосостояніи переселенцевъ на родинѣ и въ Сибири, именно о числѣ семей, имѣвшихъ лошадей, рогатый скотъ, мелкій скотъ, земледѣльческія орудія и самостоятельное хозяйство, и о количествѣ тѣхъ лошадей, рогатаго и мелкаго скота и земледѣльческихъ орудій, которыми эти переселенцы располагали на родинѣ, — и соотвѣтственныя цифры, характеризующія благосостояніе переселенцевъ на мѣстѣ новаго водворенія.

Въ количественномъ отношеніи эти данныя представляютъ собою, въ настоящее время, единственный въ своемъ родѣ цифровый матеріалъ для характеристики результатовъ сибирскаго переселенія: въ то время, какъ всѣ производившіяся до сихъ поръ статистическія описанія переселенческихъ поселковъ распространялись лишь на тѣ или другіе, болѣе или менѣе незначительные, раіоны и охватывали въ каждомъ раіонѣ небольшое число тысячъ переселенческихъ дворовъ (только въ Алтайскомъ округѣ число переписанныхъ переселенческихъ дворовъ доходитъ до 18 тыс.), — причемъ изслѣдованія въ отдѣльныхъ раіонахъ производились по разнообразнымъ программамъ, сильно затрудняющимъ подведеніе итоговъ и сопоставленіе данныхъ по различнымъ раіонамъ, — здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цифровымъ матеріаломъ, охватывающимъ *всѣ* существовавшіе въ 1898 году переселенческіе поселки, собраннымъ по одной программѣ и притомъ пріуроченнымъ къ одному моменту,—слѣдовательно, допускающимъ подведеніе общихъ для всей массы сибирскихъ переселенцевъ итоговъ. По своей внутренней цѣнности собранный матеріалъ не выдерживаетъ, однако, сравненія съ данными, собиравшимися въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири путемъ мѣстнаго экспедиціоннаго изслѣдованія: какъ видно изъ предисловія къ изданію канцеляріи комитета министровъ за 1898 годъ, свѣдѣнія собирались «путемъ разсылки черезъ губернаторовъ крестьянскимъ начальникамъ особыхъ бланокъ вѣдомостей». Другими словами, свѣдѣнія получались обычнымъ канцелярскимъ путемъ, причемъ едва ли можно думать, чтобы крестьянскіе начальники, обремененные самыми разнообразными служебными обязанностями, лично собирали данныя для заполненія присланныхъ имъ вопросныхъ листковъ; по всей вѣроятности, они обращались къ обычному источнику оффиціальной статистики — къ волостнымъ старшинамъ и писарямъ. Какимъ способомъ эти послѣдніе

добывали требовавшіяся отъ нихъ свѣдѣнія, — на это нѣтъ прямыхъ указаній. Но независимо уже отъ того, что волостные писаря и вообще являются ненадежнымъ органомъ для статистическихъ опросовъ, — самая постановка вопросовъ едва-ли способна была облегчить полученіе правильныхъ и удобосравнимыхъ отвѣтовъ: такіе термины, какъ «постоянное» и «временное жилище» и въ особенности — «самостоятельное хозяйство», допускаютъ самое разнообразное пониманіе; на правильные отвѣты по соотвѣтственнымъ вопросамъ было бы, поэтому, трудно разсчитывать даже въ томъ случаѣ, если бы свѣдѣнія собирались опытными въ статистическомъ опросѣ регистраторами, — для волостныхъ же писарей и тому подобныхъ случайныхъ и недостаточно интеллигентныхъ регистраторовъ доставленіе по этимъ вопросамъ достаточно удобосравнимыхъ свѣдѣній было, какъ намъ кажется, совершенно непосильною задачею.

Наконецъ, третья часть опубликованнаго канцеляріей комитета министровъ цифроваго матеріала, какъ упомянуто, касается выдачи переселенцамъ ссудъ. Кромѣ небольшихъ табличекъ, посвященныхъ выдачѣ путевыхъ ссудъ, мы находимъ здѣсь, прежде всего, вѣдомость объ общей выдачѣ ссудъ на мѣстахъ водворенія, въ которой приведены, по каждому поселку особо (а всего по 1,068 поселкамъ), данныя о числѣ семей, получившихъ и не получившихъ ссудъ, и объ общей суммѣ выданныхъ ссудъ, безъ подраздѣленія по категоріямъ; затѣмъ, въ поволостныхъ итогахъ приведены данныя о распредѣленіи ссудъ, выданныхъ въ 1898 году, по предметамъ назначенія (ссуды на домообзаводство, на посѣвъ и продовольствіе и на сооруженіе жилищъ), и наконецъ въ особой таблицѣ, въ поволостныхъ-же итогахъ, приведены отдѣльно данныя о ссудахъ, выданныхъ переселенцамъ прежнихъ лѣтъ и переселенцаиъ отчетнаго 1898 года, а также данныя о распредѣленіи получавшихъ ссуды семей по общему размѣру полученныхъ ссудъ всѣхъ видовъ и наименованій.

Мы совершенно не задаемся цѣлью исчерпать въ настоящемъ очеркѣ богатаго фактическаго матеріала, заключающагося въ той серіи изданій, содержаніе которой мы обозрѣли на предыдущихъ страницахъ; это было-бы совершенно невозможно сдѣлать въ сколько-нибудь тѣсныхъ рамкахъ, потому что, напримѣръ, полная разработка однихъ только данныхъ челябинской регистраціи могла бы составить содержаніе цѣлой книги. Намъ приходится поэтому выбирать между однимъ изъ двухъ путей: либо дать бѣглый обзоръ всего содержанія интересующихъ насъ изданій и главнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ можно прійти на основаніи опубликованнаго матеріала, — либо остановиться на небольшемъ числѣ вопросовъ, но зато подвергнуть эти послѣдніе болѣе или менѣе

детальной разработкѣ. Мы думаемъ, что поступимъ въ интересахъ читателя, если остановимся на этомъ послѣднемъ способѣ. Намъ представляется интереснымъ, прежде всего, представить читателю хотя и сжатую, но по возможности полную картину современнаго положенія переселенческаго дѣла, или точнѣе — переселенческой политики, въ томъ видѣ, въ какомъ эта послѣдняя обрисовывается по даннымъ, такъ полно сведеннымъ въ книгѣ «Колонизація Сибири». Но чтобы ярче оттѣнить характеръ современной переселенческой политики и дать понятіе о томъ рѣзкомъ переворотѣ, который знаменуютъ собою, въ данномъ отношеніи, законы и мѣропріятія послѣдняго десятилѣтія, мы считаемъ небезполезнымъ — пользуясь тою-же книгою — въ нѣсколькихъ бѣглыхъ штрихахъ охарактеризовать тѣ направленія въ области переселенческой политики, которыя смѣняли другъ друга въ теченіе предыдущихъ десятилѣтій XIX столѣтія. Мы не имѣемъ при этомъ въ виду сообщить читателю что-либо новое сравнительно съ тою характеристикою этихъ направленій, которая была представлена хотя-бы, напр., въ нашей статьѣ «Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній [1]); но намъ кажется небезынтереснымъ охарактеризовать взаимно-смѣнявшіяся направленія подлинными словами оффиціальнаго изданія, авторъ котораго располагалъ документальнымъ матеріаломъ безусловной достовѣрности.

Не останавливаясь сколько-нибудь подробно на отношеніи правительства къ сибирскому переселенію до начала XIX столѣтія, достаточно сказать, что отношеніе это опредѣлялось почти исключительно однимъ соображеніемъ: государственною необходимостью въ заселеніи обширной, но пустынной сибирской окраины. Первыя двѣ трети XIX столѣтія—все время съ 1799 до 1861 года—являются эпохой, «въ теченіе которой правительство переходило отъ прежней системы заселенія Сибири—главнымъ образомъ лишь въ интересахъ страны—къ новому направленію, при которомъ выгоды для заселяемаго края совмѣщались съ интересами самихъ колонизаторовъ» [2]). Послѣднимъ представителемъ стараго направленія являлся указъ 1799 года о заселеніи Забайкалья, вызванный исключительно политическою необходимостью развитія сношеній съ Китаемъ. Напротивъ, изданный по иниціативѣ Сперанскаго указъ 1822 года о разрѣшеніи казеннымъ крестьянамъ всѣхъ губерній переселенія въ Сибирь являлся первымъ «выразителемъ зарождавшагося въ законодательствѣ новаго направленія, характеризовавшагося стремленіемъ предоставить большій земельный просторъ по крайней мѣрѣ той части населенія внутреннихъ губерній, которая въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ не была связана личною зависимостью отъ помѣ-

---

[1]) «Сборникъ правовѣдѣнія и обществ. знаній», т. VIII

[2]) «Колонизація Сибири», стр. 93.

щиковъ» [1]). Къ 40-мъ годамъ это направленіе нашло себѣ вполнѣ опредѣленное выраженіе въ дѣятельности учрежденнаго въ то время министерства государственныхъ имуществъ, давшаго весьма стройную и въ общемъ, вполнѣ удачную организацію дѣлу переселенія государственныхъ крестьянъ изъ сравнительно густо заселенныхъ мѣстностей на многоземельныя окраины Имперіи. Однако,—какъ отмѣчаетъ авторъ «Колонизаціи Сибири» [2]), «представленіе о желательности содѣйствія процессу естественнаго разселенія народа по государственной территоріи въ то время не успѣло еще вполнѣ проникнуть въ сознаніе законодательныхъ сферъ»; послѣдовательное и широкое проведеніе въ жизнь этого принципа являлось результатомъ почти исключительно личныхъ воззрѣній и личной энергіи графа П. Д. Киселева, памяти котораго профессоръ Исаевъ недаромъ посвятилъ свою книгу о переселеніяхъ. Стоило гр. Киселеву сойти со сцены,—и колонизаціонныя мѣропріятія правительства пріостановились, а крестьянская реформа повлекла за собою, какъ извѣстно, рѣзкое измѣненіе въ принципіальныхъ воззрѣніяхъ правительства: дѣятельное сочувствіе дѣлу разселенія крестьянъ на государственной территоріи смѣняется «пассивнымъ и по существу даже отрицательнымъ отношеніемъ къ вопросу о крестьянскихъ переселеніяхъ» [3]). Это отрицательное отношеніе вытекало, до извѣстной степени, изъ господствовавшихъ въ то время манчестерскихъ воззрѣній на послѣдствія освобожденія крестьянъ, такъ сильно отразившихся на всемъ вообще крестьянскомъ законодательствѣ и правительственной политикѣ первыхъ послѣ освобожденія десятилѣтій: предполагалось, «что крестьяне, освобожденные изъ личной зависимости отъ помѣщиковъ и надѣленные землею, не будетъ нуждаться для поднятія ихъ благосостоянія въ прежней правительственной опекѣ, и что отдѣльныя лица сельскаго состоянія найдутъ возможность обезпечить свое существованіе наемнымъ трудомъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ въ случаѣ, если бы доходность ихъ земли оказалась недостаточною для удовлетворенія ихъ потребностей» [4]). Не безъ вліянія было также и опасеніе, чтобы дарованіе освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости крестьянамъ права переселенія на казенныя земли не привело къ развитію «вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи»,—опасеніе, которое «раздѣлялось и большинствомъ помѣстныхъ владѣльцевъ, лишенныхъ послѣ 1861 года даровой труда крѣпостныхъ и поставленныхъ въ необходимость обращаться при обработкѣ своихъ земель къ наемному труду крестьянъ или сдавать свою землю въ аренду послѣднимъ же; при такихъ условіяхъ

[1]) Стр. 64.
[2]) Стр. 93.
[3]) Стр. 96.
[4]) Стр. 96.

уходъ крестьянъ на многоземельныя окраины представлялся землевладѣльцамъ весьма нежелательнымъ, угрожая имъ возвышеніемъ цѣнъ на рабочія руки и уменьшеніемъ спроса на ихъ земли».

Такимъ образомъ, и господствовавшія теоретическія воззрѣнія, и—что̀, несомнѣнно, играло наиболѣе важную роль—насущные интересы самаго вліятельнаго общественнаго класса одинаково побуждали правительство отрицательно относиться къ крестьянскимъ переселеніямъ,—и какъ законодательство, такъ и административная практика 60-хъ и 70-хъ годовъ всецѣло носятъ на себѣ отпечатокъ именно этого отрицательнаго отношенія. Но съ жизнью бороться трудно,—а между тѣмъ жизненныя условія послѣ освобожденія крестьянъ отнюдь не могли способствовать уменьшенію потребности къ переселенію; напротивъ—«теченіе народной жизни создавало условія, въ силу которыхъ потребность въ переселеніяхъ стала въ пореформенную эпоху ощущаться крестьянами съ постепенно возрастающею силою» [1]): обстоятельства, при которыхъ совершилось освобожденіе, «сдѣлали послѣдствія неправильнаго разселенія бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ еще болѣе чувствительными для послѣднихъ». Если, поэтому, еще въ первой половинѣ XIX вѣка давало себя чувствовать, во многихъ мѣстностяхъ, извѣстное перенаселеніе (конечно, относительное),—то въ пореформенную эпоху излишекъ населенія въ сравненіи съ емкостью территоріи «выступилъ съ особою интенсивностью, совершенно заслонивъ собою, въ качествѣ основной причины выселеній, остальные мотивы уходовъ крестьянъ за Уралъ, какъ-то: недовольство существующимъ правовымъ строемъ (бѣгство крѣпостныхъ крестьянъ), стремленіе къ религіозной свободѣ (переселенія раскольниковъ) и т. п.». «Необходимость считаться съ постепенно обострявшимся дѣйствіемъ малоземелья—резюмируетъ оффиціальное изданіе,—съ одной стороны, и опасеніе придать переселеніямъ нежелательные для правительства размѣры,—съ другой, составили тѣ основныя начала, которыми характеризовалось законодательство 80-хъ годовъ, когда оно, послѣ двадцатилѣтняго почти вполнѣ пассивнаго отношенія къ переселеніямъ, наконецъ, приступило къ нѣкоторому облегченію для крестьянъ условій перехода на новыя мѣста» [2]). Натискъ жизни нашелъ себѣ выраженіе, напр., въ ходатайствѣ черниговскаго земства, указывавшаго на желательность распространенія на всѣхъ вообще крестьянъ Черниговской губерніи права водворенія на казенныхъ земляхъ восточныхъ губерній [3]), — или въ заключеніяхъ собраннаго въ 1881 году совѣщанія свѣдущихъ людей, которые считали нужнымъ «признать право каждаго сельскаго обывателя на свободный переходъ на новыя мѣста». Напротивъ, недовѣр-

[1]) Стр 97.
[2]) Стр. 98—99.
[3]) Стр. 105.

чивое отношеніе правительственныхъ сферъ къ переселеніямъ вполнѣ ясно выразилось въ представленіи трехъ министровъ, послужившемъ поводомъ къ изданію извѣстныхъ временныхъ правилъ 10 іюля 1881 года, или во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. А. Толстого, объ изданіи общаго переселенческаго закона. Считая вполнѣ выясненною невозможность «оставить переселенческое дѣло въ его настоящемъ неопредѣленномъ положеніи», три министра предлагали мѣры, способныя «удовлетворить, безъ особой огласки, выразившейся потребности отдѣльныхъ группъ землевладѣльческихъ классовъ къ водворенію на новыхъ мѣстахъ» [1]); а гр. Д. А. Толстой, въ своемъ докладѣ, указывалъ на невозможность допустить ту свободу переселеній, которой требовало совѣщаніе свѣдущихъ людей; онъ допускалъ переходъ крестьянъ на новыя мѣста лишь въ той мѣрѣ, въ какой эта потребность дѣйствительно назрѣла въ каждомъ частномъ случаѣ, и полагалъ предоставить администраціи право останавливать переходъ на новыя мѣста, выдачу паспортовъ и распродажу крестьянскаго имущества, когда выяснится, что переселеніе предпринимается недостаточно осмотрительно, безъ необходимыхъ средствъ и ясно намѣченной цѣли. Согласно съ этими общими принципами, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ выработанъ проектъ общаго переселенческаго закона. Однако, и этотъ проектъ показался государственному совѣту составленнымъ недостаточно осторожно: признавъ, что «прогрессивный, изъ года въ годъ, приростъ населенія заставляетъ правительство не закрывать возможности переселенія, какъ единственнаго средства къ уменьшенію крайней густоты населенія»,—государственный совѣтъ нашелъ, однако, необходимымъ придать выработаннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ правиламъ болѣе скромную постановку, ограничиваясь изданіемъ постановленій, опредѣляющихъ собственно порядокъ заселенія казенныхъ земель въ случаяхъ, когда то будетъ признано правительствомъ полезнымъ и необходимымъ» [2]).

Господствовавшее, такимъ образомъ, въ правительственныхъ сферахъ убѣжденіе въ необходимости сдерживать переселенческое движеніе въ возможно тѣсныхъ размѣрахъ выразилось не только въ установленномъ правилами 1881 г. и затѣмъ — общимъ переселенческимъ закономъ 13 іюля 1889 г. сложномъ и стѣснительномъ порядкѣ разрѣшенія переселенія; оно нашло себѣ реальное выраженіе и въ скромныхъ размѣрахъ кредитовъ, которые отпускались на переселенческое дѣло [3]): на содѣйствіе переселенцамъ въ 1884 году было отпущено 40,000 руб., въ слѣдующіе же годы размѣры отпуска были сокращены

---

[1]) Стр. 106.
[2]) Стр. 113.
[3]) Стр. 112.

даже до 20,000 рублей. Если незначительный размѣръ ассигнованій на содѣйствіе переселенпамъ является одною изъ серьезныхъ причинъ тѣхъ общеизвѣстныхъ бѣдствій, которыя переселенцамъ въ то время приходилось испытывать во время пути, то едва ли не еще болѣе серьезное значеніе имѣла недостаточность средствъ, которыя расходовались на заготовленіе земель для переселенцевъ: на это дѣло отпускалось, начиная съ 1885 года, по 40,000 рублей въ годъ, причемъ на счетъ этой ничтожной суммы должно было производиться какъ самое обмежеваніе участковъ, такъ и весьма нелегкая операція водворенія на нихъ переселенцевъ.

Трудно сказать, чрезъ сколько времени давленіе жизни, въ формѣ все возрастающаго самовольнаго движенія въ Сибирь, само собою привело-бы къ измѣненію правительственной политики по переселенческому вопросу. Возможно, что отрицательное отношеніе къ переселенію продержалась-бы еще долго, если бы на помощь не явилось до нѣкоторой степени случайное обстоятельство—именно приступъ къ сооруженію сибирской желѣзной дороги [1]). Прежде всего, проложеніе желѣзной дороги значительно облегчало и удешевляло движеніе переселенцевъ въ Сибирь, что должно было привести къ усиленію самовольнаго движенія переселенцевъ. Съ другой стороны, и самое отношеніе правительства къ этому явленію должно было измѣниться радикальнымъ образомъ: предпринятая, по преимуществу, по общеполитическимъ соображеніямъ, постройка сибирской желѣзной дороги лишь при условіи заселенія и промышленнаго развитія Сибири могла принести народному и государственному хозяйству всю ту пользу, какую вообще способны приносить подобнаго рода предпріятія; въ частности—лишь при этомъ условіи можно было ожидать возмѣщенія связанныхъ съ сооруженіемъ дороги огромныхъ затратъ Неудивительно, поэтому, что въ Высочайшемъ рескриптѣ объ учрежденіи комитета сибирской желѣзной дороги дѣло сооруженія послѣдней было поставлено въ ближайшую связь съ «тѣми предположеніями, которыя должны способствовать заселенію и промышленному развитію Сибири», что высшее завѣдываніе дѣломъ заселенія Сибири было отнесено къ компетенціи того учрежденія, которое было образовано для высшаго руководительства дѣломъ сооруженія дороги,—и что вновь учрежденный комитетъ сибирской желѣзной дороги въ первомъ-же своемъ засѣданіи занялся вопросомъ о возможно широкой и правильной постановкѣ переселенія въ Сибирь [2]).

Такимъ образомъ, правительство какъ будто опять возвращается къ той точкѣ зрѣнія, съ которой переселеніе разсматривалось до начала XIX столѣтія,—переселеніе въ Сибирь опять начинаетъ разсматриваться преимущественно съ точки зрѣнія интересовъ колонизуемой

[1]) См. «Очеркъ работъ по образованію переселенческихъ участковъ», стр. 21.

[2]) Тамъ же, стр. 21—23.

окраины, причемъ эта послѣдняя разсматривается не столько какъ *Сибирь*, сколько какъ «раіонъ сибирской желѣзной дороги». Но комитетъ сибирской желѣзной дороги, взявшій на себя высшее руководство дѣломъ переселенія въ Сибирь, не могъ оставить безъ вниманія и общегосударственное его значеніе—его значеніе съ точки зрѣнія интересовъ тѣхъ раіоновъ, откуда идутъ переселенцы, и съ точки зрѣнія общенародной экономіи. Въ частности, комитетъ долженъ былъ разобраться въ тѣхъ опасеніяхъ, которыя ранѣе доминировали въ правительственныхъ сферахъ и которыя побуждали правительство стремиться не къ развитію, а наоборотъ—къ возможному ограниченію переселеній. Комитетъ рѣшительно и—можно думать—безповоротно отвергъ эти опасенія и сталъ на точку зрѣнія, въ общемъ безусловно благопріятную для переселеній. «Руководящимъ принципомъ—читаемъ мы въ оффиціальномъ изданіи канцеляріи комитета министровъ [1])—въ предположеніяхъ, выработанныхъ по вопросу о регулированіи переселеній, послужила высказанная въ засѣданіи комитета отъ 8 марта 1895 года, Августѣйшимъ предсѣдателемъ послѣдняго, Государемъ Императоромъ, мысль, что къ крестьянскимъ переселеніямъ слѣдуетъ относиться безъ особыхъ опасеній, правительственное же воздѣйствіе должно направляться къ тому, чтобы переселеніе носило характеръ болѣе сознательный и получило вполнѣ правильную постановку. При обсужденіи размѣровъ и характера переселенческаго движенія, комитетъ усматривалъ, что выселеніе крестьянъ изъ малоземельныхъ внутреннихъ губерній Россіи не можетъ оказывать неблагопріятнаго вліянія на экономическое развитіе страны въ виду того, что численность такого выселенія является весьма незначительною въ сравненіи съ ежегоднымъ приростомъ населенія, достигающимъ 1½ милліона человѣкъ. Съ другой стороны, комитетомъ было обращено вниманіе на крайне благотворное вліяніе переселеній на политическое и экономическое развитіе Сибири, способствующихъ насажденію тамъ русской культуры и содѣйствующихъ достиженію правительствомъ задачи ближайшаго объединенія нашихъ азіятскихъ владѣній съ Европейскою Россіей. Подобная постановка вопроса—замѣчаетъ оффиціальное изданіе—сразу положила конецъ всѣмъ опасеніямъ и колебаніямъ въ воззрѣніи на переселенческій вопросъ, которыя оказывали свое вліяніе еще при разработкѣ переселенческаго закона 1889 года».

Прежде, нежели обратиться къ обзору того, что сдѣлано сибирскимъ комитетомъ для развитія и упорядоченія переселенія, остановимся въ немногихъ словахъ на томъ значеніи, которое имѣло для дѣла колонизаціи Сибири самое учрежденіе комитета. Какъ выше упомянуто, предсѣдательствованіе въ комитетѣ, при самомъ учрежденіи

[1]) «Колонизація Сибири», стр. 121—122.

послѣдняго, было возложено на Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, Который оставилъ за собою предсѣдательство въ этомъ учрежденіи и по восшествіи на престолъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ распоряженіе комитета предоставленъ особый «фондъ вспомогательныхъ предпріятій сибирской желѣзной дороги» (первоначально въ размѣрѣ 14 милліоновъ), подлежавшій расходованію, главнымъ образомъ, на нужды колонизаціи Сибири. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, комитетъ сразу получилъ финансовую возможность повести дѣло съ такою широтою, какая была бы едва-ли мыслима при обычномъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ и ассигнованія средствъ,—а личное участіе въ дѣлахъ комитета Государя Императора поставило переселенческое дѣло, до извѣстной степени, подъ непосредственное покровительство верховной власти и тѣмъ самымъ обезпечило переселенію дѣятельное сочувствіе какъ центральныхъ вѣдомствъ, такъ и мѣстной администраціи районовъ выселенія и въ особенности — подлежавшихъ заселенію губерній и областей Сибири. Немаловажное значеніе имѣло, затѣмъ, учрежденіе при комитетѣ особой подготовительной коммисіи [1]), подъ предсѣдательствомъ управляющаго дѣлами комитета, ст.-секр. А. Н. Куломзина, изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ, прямо или косвенно заинтересованныхъ въ дѣлѣ колонизаціи и переселенія. Въ этой коммисіи—взамѣнъ обычныхъ письменныхъ сношеній между вѣдомствами — производится предварительная разработка связанныхъ съ колонизаціею Сибири вопросовъ, поступающихъ затѣмъ на разрѣшеніе сибирскаго комитета; благодаря этому устраняется неизбѣжная при обычномъ канцелярскомъ порядкѣ волокита,—а то широкое употребленіе, которое предсѣдатель коммисіи дѣлаетъ изъ своего права приглашать въ ея засѣданія лицъ, по характеру своей дѣятельности могущихъ содѣйствовать всестороннему выясненію обсуждаемыхъ вопросовъ, не стѣсняясь занимаемымъ этими лицами въ служебной іерархіи положеніемъ,—вноситъ въ обсужденіе дѣлъ немало оживленія и приводитъ коммисію въ болѣе близкое соприкосновеніе съ дѣйствительностью, нежели это возможно при обычномъ порядкѣ предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ.

Учрежденіе комитета сибирской желѣзной дороги относится къ тому времени, когда совершенное истощеніе запаса заготовленныхъ участковъ заставило, какъ выше упомянуто, совершенно пріостановить легальное переселеніе въ Сибирь. Комитетъ долженъ былъ, поэтому, въ первыхъ-же своихъ засѣданіяхъ направить свое вниманіе на эту сторону дѣла и въ широкихъ размѣрахъ организовать землеотводныя работы. Въ виду техническаго, въ значительной мѣрѣ, характера этихъ работъ, мы не будемъ входить здѣсь въ какія-либо подробности, а приведемъ лишь нѣсколько цифръ, которыя покажутъ читателю, какъ ши-

[1]) Стр. 121.

роко было поставлено дѣло. Мы упоминали выше, что съ 1885 года до времени учрежденія комитета на работы по заготовленію въ Сибири земель для переселенцевъ отпускалось въ годъ всего по 40,000 рублей. Сибирскій комитетъ въ первый-же годъ своего существованія назначилъ на этотъ предметъ 229,550 рублей; затѣмъ, почти непрерывно возрастая, ассигнованіе собственно на работы по образованію переселенческихъ участковъ достигло къ 1901 году 640,000 рублей,—всего же за девятилѣтіе 1893 — 1901 годовъ на это дѣло было отпущено 3.577,860 рублей, или въ среднемъ по 397,540 рублей на каждый годъ девятилѣтія,—почти вдесятеро болѣе, нежели отпускалось до учрежденія комитета [1]). Къ указанной суммѣ надо, однако, добавить еще нѣкоторыя другія ассигнованія, имѣющія непосредственное отношеніе къ дѣлу заготовленія земель для переселенцевъ: такъ, ради выясненія площадей, могущихъ быть использованными для нуждъ русской колонизаціи въ киргизскихъ степяхъ, съ 1896 года работаетъ большая статистическая экспедиція подъ руководствомъ извѣстнаго статистика Ф. А. Щербины, на содержаніе которой отпущено 222,260 рублей; на работы по осушкѣ болотистыхъ земель и по обводненію участковъ въ безводныхъ и маловодныхъ степныхъ раіонахъ ассигновано за время съ 1895 по 1901 годъ 1.717,240 рублей [2]),—и такимъ образомъ общая сумма издержекъ изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій сибирской желѣзной дороги на землеотводныя работы и другія неразрывно съ ними связанныя операціи достигаетъ за девятилѣтіе 5.517,360 рублей, или въ среднемъ по 613,000 рублей въ годъ,—причемъ не прекратился и прежній отпускъ 40,000 рублей въ годъ изъ общихъ средствъ государственнаго казначейства.

Результаты землеотводныхъ работъ за семилѣтіе 1893—1899 гг., за которое имѣются полныя отчетныя данныя (за 1900 годъ есть пока лишь предварительныя свѣдѣнія, не поддающіяся подъитоживанію съ данными за предшествующіе годы), выражаются въ 6,479,000 десятинъ, замежеванныхъ въ переселенческіе участки, емкостью на 347.870 душъ мужескаго пола, или приблизительно 700,000 душъ обоего пола; въ среднемъ на каждый годъ это даетъ 926 тыс. десятинъ, или почти 50 тыс. душевыхъ долей. Значеніе этихъ цифръ станетъ ясніе для читателя, если принять въ соображеніе, что за восьмилѣтіе 1885 — 1892 гг. общая площадь заготовленныхъ участковъ не превысила 722 тыс. дес., или въ среднемъ на годъ — 90 тыс. десятинъ, — такъ что средняя годовая площадь отводимыхъ подъ заселеніе земель за время съ 1893 года вдесятеро превышаетъ

[1]) «Очеркъ раб. по образ. перес. участк», стр. 275, а также журналъ подготов. коммисіи № 100.

[2]) См. тотъ же журналъ и справки къ нему

соотвѣтственную величину за восьмилѣтіе, непосредственно предшествующее учрежденію сибирскаго комитета [1]).

«Нечего и говорить — читаемъ мы въ «Очеркѣ работъ по образованію переселенческихъ участковъ» [2]), какое вліяніе такой огромный количественный результатъ землеотводныхъ работъ долженъ былъ имѣть на весь ходъ дѣла устройства переселенцевъ въ Сибири. Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ недостаточность запаса заготовленныхъ участковъ вела къ постояннымъ замѣшательствамъ и затрудненіямъ и въ концѣ-концовъ заставила даже совершенно пріостановить выдачу разрѣшеній на переселеніе. При современной постановкѣ землеотводныхъ работъ ничто подобное не мыслимо: послѣдній случай, когда наплывъ переселенцевъ, казалось, долженъ былъ породить извѣстныя затрудненія, во избѣжаніе которыхъ были приняты экстренныя мѣры, относится къ 1896 году. Съ того времени запасъ свободныхъ душевыхъ долей, переходящій съ одного года на другой, постоянно соотвѣтствуетъ среднему годовому спросу на землю», составляя обыкновенно около 100,000 душевыхъ долей и лишь въ исключительныхъ случаяхъ опускаясь до 60,000 долей, — цифры, все же еще совершенно достаточной для того, чтобы удовлетворить годовому спросу со стороны той собственно части переселенцевъ, которая ищетъ водворенія въ районѣ казенныхъ земель Сибири

Устраненіе постоянно ощущавшагося ранѣе недостатка въ обмеженныхъ участкахъ, пригодныхъ для водворенія переселенцевъ, въ связи, конечно, съ измѣненіемъ отношенія правительства къ сибирскому переселенію, имѣло непосредственнымъ послѣдствіемъ измѣненіе порядка выдачи разрѣшеній на переселеніе. По общему переселенческому закону 13 іюля 1889 года, изданному въ то время, когда недостатокъ въ участкахъ давалъ себя чувствовать, можно сказать, каждую минуту, выдача разрѣшеній на переселеніе зависѣла отъ соглашенія двухъ министерствъ—внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ,—причемъ участіе этого послѣдняго должно было гарантировать, въ каждомъ случаѣ, наличность свободнаго земельнаго участка, на которомъ могли-бы быть водворены переселяющіеся Такой порядокъ, очевидно, былъ связанъ съ крайнею медленностью въ разрѣшеніи ходатайствъ о переселеніи, что вызывалось какъ сосредоточеніемъ дѣла въ центральномъ управленіи, при неустранимой необходимости участія въ немъ и мѣстныхъ учрежденій, такъ и требованіемъ предварительныхъ сношеній двухъ министерствъ по поводу каждаго отдѣльнаго ходатайства, и—независимо отъ всѣхъ прочихъ неудобствъ — неизбѣжно

---

[1]) «Очеркъ работъ», стр. 278, и отчетное представленіе министерства земледѣлія 12 октября 1900 г., № 1536.

[2]) См. стр. 278.

приводило къ усиленію самовольныхъ переселеній [1]). Благодаря значительному развитію землеотводныхъ работъ необходимость соразмѣрять выдачу разрѣшеній съ положеніемъ этихъ работъ исчезла: «такъ какъ въ раіонѣ сибирской жел. дор.—читаемъ мы въ изданіи канцеляріи комитета министровъ [2])—переселенческіе участки имѣлись уже въ достаточномъ количествѣ, а въ будущемъ такіе участки, по установленному тотчасъ же вслѣдъ за учрежденіемъ сибирскаго комитета порядку, должны были отмежевываться заблаговременно и передаваться въ вѣдѣніе мѣстныхъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ, то представлялось возможнымъ, въ видахъ ускоренія выдачи разрѣшеній на переселеніе, поручить завѣдываніе этимъ дѣломъ, по отношенію къ Сибири, одному министерству внутреннихъ дѣлъ, съ правомъ децентрализовать въ потребныхъ случаяхъ дѣятельность по выдачѣ разрѣшеній, уполномочивая на это органы мѣстнаго управленія, а именно —губернскія по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія».

Получивъ, въ силу закона 15 апрѣля 1896 года, право самостоятельно разрѣшать переселеніе въ Сибирь и вмѣстѣ съ тѣмъ — передовѣрять свои полномочія губернскимъ властямъ, министерство внутреннихъ дѣлъ весьма широко воспользовалось этимъ послѣднимъ правомъ: оно предоставило именно всѣмъ губернаторамъ собственною властью разрѣшать переселеніе въ Сибирь, за собою же оставило лишь общее руководительство дѣломъ переселенія, осуществляемое преимущественно въ формѣ изданія циркуляровъ съ руководящими указаніями относительно тѣхъ принциповъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться, и порядка, котораго слѣдуетъ держаться при выдачѣ разрѣшеній на переселеніе.

Значительно облегчивъ выдачу разрѣшеній на переселеніе, правительство, въ лицѣ сибирскаго комитета и вновь учрежденнаго въ концѣ 1896 года переселенческаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ, обратило все свое вниманіе на то, чтобы придать переселенческому движенію въ Сибирь возможно бо́льшую сознательность. Общеизвѣстный фактъ, что переселенческое движеніе носило — а отчасти и продолжаетъ носить—въ значительной мѣрѣ стихійный характеръ: разъ въ какой-либо мѣстности появилась «переселенческая горячка», люди оставляютъ родныя мѣста, сплошь и рядомъ, безъ сколько-нибудь яснаго представленія о томъ, куда имъ предстоитъ переселяться [3]); на переселеніе пускаются то подъ вліяніемъ писемъ отъ болѣе раннихъ переселенцевъ, изображающихъ «новыя мѣста», нерѣдко, въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ, то подъ вліяніемъ «распространяю-

---

[1]) «Колониз. Сибири», стр. 176.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 172

щихся среди крестьянъ, всегда болѣе или менѣе далекихъ отъ истины слуховъ о сибирскомъ привольѣ, подъ вліяніемъ которыхъ переселенцы часто двигаются въ глушь совершенно наудачу, не имѣя дѣйствительнаго представленія даже о самой мѣстности, куда они направляются, и часто вполнѣ обманываясь въ своихъ ожиданіяхъ при приходѣ на новыя мѣста». Подобные слухи возникаютъ по всякому, иногда самому неподходящему поводу; какъ не разъ отмѣчалось и литературою, и оффиціальными источниками, и какъ подтверждается послѣднимъ оффиціальнымъ изданіемъ канцеляріи комитета министровъ [1]), такимъ поводомъ служило каждое распоряженіе правительства, касавшееся до переселенія,—даже извѣстный циркуляръ 1892 года *о пріостановкѣ переселенія* въ Сибирь. Мало пользы приносила въ данномъ отношеніи и доступная для народа литература [2]); по вполнѣ справедливому замѣчанію составителя «Колонизаціи Сибири», народныя книжки о переселеніи «въ большинствѣ случаевъ изображаютъ жизнь въ Сибири, скрывая дурныя стороны ея, въ освѣщеніи наиболѣе привлекательномъ для народнаго представленія, и какъ бы подтверждаютъ печатнымъ словомъ крайне искаженные ходячіе слухи о Сибири».

Орудіемъ для распространенія въ народѣ болѣе правильныхъ представленій о Сибири и объ условіяхъ переселенія было избрано, прежде всего, печатное слово: первымъ шагомъ въ этомъ направленіи была изданная въ концѣ 1896 г., по иниціативѣ статсъ-секретаря Куломзина, полуторакопѣечная книжка „Сибирское переселеніе“, которая распространена была, черезъ посредство уѣздныхъ крестьянскихъ учрежденій и земскихъ управъ, въ количествѣ 400,000 экземпляровъ; а затѣмъ за систематическую издательскую дѣятельность въ данномъ направленіи взялось вновь учрежденное переселенческое управленіе, которое выпускаетъ, съ одной стороны, справочныя книжки, предназначаемыя для должностныхъ лицъ, соприкасающихся съ крестьянами на мѣстахъ выхода переселенцевъ, а съ другой — народныя брошюры со свѣдѣніями о Сибири и объ условіяхъ переселенія и устройства на новыхъ мѣстахъ.

Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, данныхъ, которыя позволили бы намъ судить, въ какой мѣрѣ дѣйствительно распространились среди народныхъ массъ предназначенныя для нихъ изданія. Но во всякомъ случаѣ мы не возлагаемъ на этотъ способъ распространенія въ народѣ правильныхъ понятій о Сибири слишкомъ большихъ надеждъ, — не возлагаемъ уже потому, что зараженный позывомъ къ переселенію крестьянинъ, который даже объявленія съ прямыми *запрещеніями*

---

[1]) Стр. 173.

[2]) Исключеніе составляетъ выдержавшая два изданія, прекрасная книжка «Разсказы о Западной Сибири».

истолковывалъ въ смыслѣ *приглашенія* къ переселенію, не затруднится понять сообщаемыя въ народныхъ брошюркахъ свѣдѣнія въ смыслѣ, наиболѣе отвѣчающемъ его преувеличеннымъ представленіямъ и мечтамъ. Мы склонны, напротивъ, придавать громадное положительное значеніе мѣрамъ другого порядка, также направленнымъ къ развитію въ народѣ сознательнаго отношенія къ переселенію, — именно мѣрамъ къ поощренію ходачества. Какъ извѣстно, ходачество представляетъ собою явленіе, выработанное самою жизнью и существовавшее въ довольно широкихъ размѣрахъ даже въ то время, когда правительство не только не принимало никакихъ мѣръ къ упорядоченію переселеній, но направляло все свое вниманіе на то, чтобы какъ-нибудь обуздать это, казавшееся нежелательнымъ и опаснымъ, движеніе; не вдаваясь въ этомъ отношеніи въ какія-либо подробности, достаточно указать на то, что, напримѣръ, изъ 4,559 семей, переселившихся за время 1880—1894 гг. и опрошенныхъ авторомъ настоящаго очерка въ раіонѣ казенныхъ земель Томской губерніи, 870 семей, или почти одна пятая, прибѣгали къ предварительной посылкѣ ходоковъ или къ производству предварительныхъ развѣдокъ черезъ кого-либо изъ членовъ семьи. Но въ то время разсматриваемое явленіе отнюдь не пользовалось сочувствіемъ правительства [1]): «право посылки ходоковъ, признаваемое за переселенцами еще въ дореформенную эпоху, послѣ 1861 года вовсе не упоминалось въ законодательствѣ, встрѣчая въ это время далеко несочувственное отношеніе администраціи, вслѣдствіе существовавшихъ тогда опасеній, чтобы ходоки своими разсказами о сибирскомъ привольѣ не поощряли крестьянъ къ массовымъ переселеніямъ». Однако, «разсказы о сибирскомъ привольѣ» — какъ въ томъ пришлось убѣдиться — проникали въ массы разнообразнѣйшими путями, и это приволье рисовалось въ такихъ заманчивыхъ картинахъ, которыя нерѣдко разсѣивались, какъ миражъ, при первомъ же соприкосновеніи съ сибирскою дѣйствительностью. Отсюда, естественно, должна была родиться мысль, что лучшимъ средствомъ противъ необдуманнаго переселенія должно быть непосредственное, на мѣстѣ, ознакомленіе мечтающихъ о переселеніи съ этою дѣйствительностью,—что такое ознакомленіе способно многихъ отрезвить и удержать отъ задуманнаго подъ впечатлѣніемъ фантастическихъ слуховъ и разсказовъ переселенія. И дѣйствительно, въ основу правительственной политики въ изучаемую нами эпоху 90-хъ годовъ кладется совершенно позабытая-было мысль, что «сообщенія ходоковъ, какъ лицъ, представляющихся въ глазахъ крестьянъ особенно опытными и заслуживающими довѣрія, могутъ успѣшнѣе всего содѣйствовать уясненію для сельскихъ обывателей дѣйствительныхъ условій жизни въ Сибири и сообщить всему переселенческому движенію харак-

[1]) «Колонизація Сибири», стр. 166.

теръ обдуманности и устойчивости» [1]). Взглядъ этотъ, нашедшій себѣ нѣкоторое, хотя и не вполнѣ опредѣленное, выраженіе уже въ руководящемъ циркулярѣ, изданномъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1894 году, затѣмъ окончательно ясно выразился въ законѣ 15 апрѣля 1896 г., который предоставилъ крестьянамъ, получившимъ разрѣшеніе на переселеніе, право отправлять ходоками лицъ, избранныхъ изъ среды самихъ переселяющихся и утвержденныхъ мѣстною администраціею; ходокамъ предоставлено осматривать заготовленныя для заселенія земли и зачислять ихъ за собою и за своими довѣрителями, по числу въ ихъ семьяхъ мужскихъ душъ, срокомъ на два года, въ теченіе которыхъ зачисленныя душевыя доли оставляются за зачислившими и не могутъ быть предоставляемы никому другому. Дальнѣйшія мѣры къ развитію ходачества явились результатомъ поѣздки въ Сибирь, въ 1896 году, статсъ-секретаря Куломзина: въ его отчетѣ отмѣчены были нерѣдкіе случаи, когда отправленные отъ имени цѣлыхъ обществъ или вообще болѣе значительныхъ переселенческихъ партій ходоки вводили въ заблужденіе своихъ довѣрителей, и отсюда дѣлался выводъ относительно желательности поощренія такъ называемаго «семейнаго ходачества», т. е. посылки ходоковъ отъ каждой отдѣльной семьи, изъ числа ея членовъ,—какъ формы ходачества, способной дать каждому переселяющемуся наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ — наилучшимъ образомъ выяснить степень соотвѣтствія условій водворенія на новыхъ мѣстахъ индивидуальнымъ условіямъ и потребностямъ каждой отдѣльной семьи. Мысль А. Н. Куломзина нашла себѣ осуществленіе на практикѣ: закономъ 7 декабря 1896 г. каждой семьѣ, желающей переселяться въ Сибирь, было предоставлено право, до исходатайствованія разрѣшенія на переселеніе, посылать изъ своего состава ходока для выбора и зачисленія на два года земель, съ выдачею этимъ ходокамъ ходаческихъ свидѣтельствъ, предоставляющихъ имъ, между прочимъ, право на проѣздъ по удешевленному переселенческому тарифу и на полученіе путевыхъ ссудъ.

Законами 15 апрѣля и 7 декабря 1896 года посылка ходоковъ и, въ частности, семейныхъ ходоковъ была предоставлена усмотрѣнію переселяющихся. Послѣдовавшими затѣмъ циркулярными разъясненіями министерства внутреннихъ дѣлъ [2]) посылка ходоковъ сдѣлана обязательною—самая выдача разрѣшеній на переселеніе обусловлена предварительною посылкою ходока, и притомъ администраціи въ раіонахъ выселенія рекомендовано прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы склонять переселенцевъ къ посылкѣ семейныхъ, а не артельныхъ ходоковъ. Съ другой стороны, однако, всѣмъ ходатайствующимъ о переселеніи,

[1]) Стр. 168.

[2]) Цирк. 20 января 1897 г., № 1.

если они выполнили требованіе относительно предварительной отправки ходоковъ и, слѣдовательно, идутъ на переселеніе съ достаточною сознательностью, предоставлено право безъ дальнѣйшей задержки получать, въ обмѣнъ на ходаческія, установленныя для легальныхъ переселенцевъ проходныя свидѣтельства.

Въ результатѣ изложенныхъ мѣръ система предварительнаго разрѣшенія переселеній, въ сущности, отмѣнена: выдаваемое въ формѣ проходного свидѣтельства разрѣшеніе является простымъ удостовѣреніемъ того, что желающій переселиться посылалъ ходока, — а право посылки ходока, какъ упомянуто, предоставлено всякому, имѣющему въ виду переселиться — и черезъ него зачислилъ за собою землю. Если, тѣмъ не менѣе, въ печати и посейчасъ встрѣчаются еще жалобы на сложность существующаго порядка выдачи разрѣшеній и на вытекающую отсюда проволочку,—то эта послѣдняя должна быть, думается намъ, отнесена уже не столько на счетъ недостатковъ спеціальнаго законодательства о переселеніи, сколько на счетъ общихъ недостатковъ нашего мѣстнаго управленія и канцелярскихъ порядковъ.

Однимъ изъ основныхъ мотивовъ, побуждавшихъ правительство, шагъ за шагомъ, упрощать порядокъ выдачи разрѣшеній на переселеніе и въ концѣ-концовъ, фактически отмѣнить для лицъ, посылавшихъ ходоковъ, самое требованіе предварительнаго разрѣшенія, являлось стремленіе прекратить или, по крайней мѣрѣ, по возможности сократить самовольное переселеніе, ускользающее изъ-подъ правительственнаго контроля и руководительства [1]). Несмотря на это самовольныя переселенія продолжаются и — надо думать — будутъ продолжаться, и сибирскому комитету необходимо было установить опредѣленное отношеніе къ этому явленію. Какъ извѣстно читателю, общій переселенческій законъ 13 іюля 1889 г. грозилъ лицамъ, переселяющимся безъ установленнаго разрѣшенія, принудительнымъ возвращеніемъ на родину,—угроза, впрочемъ, остававшаяся безъ практическаго примѣненія: послѣднее было пріостанавливаемо рядомъ послѣдовавшихъ одно за другимъ, въ теченіе 1892 — 1894 гг., Высочайшихъ повелѣній, которыми разрѣшалось причислять и надѣлять землею самовольныхъ переселенцевъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ заставали упомянутыя Высочайшія повелѣнія. Принципіальному обсужденію вопросъ о самовольныхъ переселеніяхъ былъ подвергнутъ въ томъ-же засѣданіи сибирскаго комитета (8 марта 1895 г.), въ которомъ, какъ выше упоминалось, были установлены, вообще, основные принципы переселенческой политики комитета. Въ засѣданіи этомъ, какъ сообщаетъ намъ оффиціальное изданіе канцеляріи комитета министровъ [2]), Августѣйшимъ Предсѣдателемъ

---

[1]) «Колон. Сибири», стр. 168

[2]) Стр. 163—164.

комитета была высказана мысль, легшая въ основаніе всей послѣдующей политики комитета по разсматриваемому вопросу и заключавшаяся въ «признаніи крайней нежелательности принудительнаго возвращенія на родину переселенцевъ, хотя бы и самовольно покинувшихъ мѣста постоянной осѣдлости, въ виду того, что такіе выходцы, порвавъ всякія связи съ сельскими обществами и обнищавъ въ пути, едва-ли будутъ охотно приняты вновь въ среду своихъ прежнихъ односельчанъ. Вполнѣ присоединяясь къ такой мысли своего Августѣйшаго Предсѣдателя, комитетъ въ то-же время призналъ нецѣлесообразнымъ и принудительное возвращеніе тѣхъ самовольныхъ переселенцевъ, которые находились еще на пути въ Сибирь, вслѣдствіе затруднительности для мѣстныхъ властей распознавать такихъ переселенцевъ отъ сельскихъ обывателей, направляющихся по краткосрочнымъ паспортамъ на отхожіе заработки, и въ виду возможности причиненія матеріальнаго ущерба лицамъ, ошибочно подозрѣваемымъ въ самовольномъ переселеніи. Эти соображенія побудили комитетъ совершенно отказаться на будущее время отъ примѣненія какихъ-либо принудительныхъ мѣръ по отношенію къ самовольнымъ выходцамъ и признать полезною разработку въ законодательномъ порядкѣ предположеній о такихъ мѣропріятіяхъ, которыя могли бы ослабить размѣры самовольныхъ переселеній путемъ возбужденія сознательности и обдуманности въ средѣ крестьянъ, стремящихся выселяться». Единственною, затѣмъ, мѣрою, примѣнимою для борьбы противъ такого несомнѣнно нежелательнаго, но насильственнымъ путемъ неустранимаго явленія, какъ самовольныя переселенія, была признана выработка правилъ, «которыя провели бы рѣзкое различіе между положеніемъ законныхъ и самовольныхъ переселенцевъ при ихъ водвореніи на новыхъ мѣстахъ и въ то-же время устраняли бы необходимость періодическаго изданія отдѣльныхъ узаконеній для сравненія правъ той и другой группы переселенцевъ [1])»; рѣшено было воздѣйствовать на сознаніе самихъ переселенцевъ, «дѣйствуя въ томъ направленіи, чтобы переселенцы твердо знали, что̀ именно они теряютъ, оставляя старыя мѣста безъ установленнаго разрѣшенія, и какія льготы они пріобрѣтаютъ при испрошеніи послѣдняго; для такого направленія переселенцевъ въ сторону законнаго пути (независимо отъ изложенныхъ выше мѣръ, направленныхъ собственно къ его облегченію и упрощенію), надлежало обставить этотъ путь такъ, чтобы онъ представлялся особенно выгоднымъ въ сравненіи съ путемъ, сопряженнымъ съ обходомъ закона». Ради достиженія этой цѣли установлены для самовольныхъ переселенцевъ значительныя ограниченія тѣхъ льготъ при слѣдованіи въ Сибирь и при водвореніи на новыхъ мѣстахъ, которыя нынѣ предоставлены легальнымъ переселенцамъ: самовольные

[1]) Стр. 165

переселенцы лишены во время пути права пользованія льготнымъ переселенческимъ тарифомъ, что̀ болѣе чѣмъ вчетверо удорожаетъ для нихъ проѣздъ; на имѣющихся переселенческихъ участкахъ имъ разрѣшается водворяться лишь «по мѣрѣ возможности», т. е. если остаются свободныя земли за водвореніемъ всѣхъ переселенцевъ, имѣющихъ проходныя свидѣтельства; вмѣстѣ съ тѣмъ на самовольныхъ переселенцевъ не распространяются ни установленныя для другихъ отсрочки отбыванія воинской повинности, ни сложеніе недоимокъ, которыя переводятся за самовольными переселенцами и взыскиваются съ нихъ на мѣстахъ новаго водворенія.

Такова, въ настоящее время, легальная обстановка переселенія въ Сибирь, которая, если, можетъ быть, и не вполнѣ свободна отъ недостатковъ, то во всякомъ случаѣ представляетъ собою неизмѣримый шагъ впередъ по сравненію съ тою обстановкой, которая существовала до учрежденія комитета сибирской желѣзной дороги. Обратимся теперь къ другимъ, не менѣе существеннымъ сторонамъ дѣла, и остановимся прежде всего на условіяхъ передвиженія переселенцевъ въ Сибирь. Мы не будемъ подробно останавливаться на мѣрахъ, принятыхъ къ удешевленію проѣзда переселенцевъ — эти мѣры болѣе или менѣе общеизвѣстны; напомнимъ только читателю, что для переселенцевъ, начиная съ 1898 года, установленъ льготный тарифъ, въ размѣрѣ стоимости дѣтскаго билета, другими словами одной четверти нормальнаго тарифа III класса, — при чемъ дѣти моложе 10 лѣтъ перевозятся безплатно. Насколько дешевъ, при этомъ тарифѣ, проѣздъ переселенцевъ, видно изъ примѣра, приводимаго въ изданіи канцеляріи комитета министровъ: проѣздъ переселенческой семьи средняго размѣра, пользующейся льготнымъ тарифомъ, отъ Орла до Томска обходится всего въ 14 р. 70 к., тогда какъ проѣздъ такой-же семьи по нормальному тарифу IV класса стоитъ 47 р. 80 к. — Мы не будемъ, по недостатку мѣста, входить и въ подробности по вопросу о томъ, что̀ сдѣлано частью на отпущенныя комитетомъ средства, частью, по его иниціативѣ, на средства министерства путей сообщенія, для улучшенія условій слѣдованія переселенцевъ въ смыслѣ быстроты передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ, устройства вагоновъ, снабженія переселенцевъ хлѣбомъ и горячею пищей, обезпеченія ихъ пріютомъ на случай остановокъ въ пути или оставленія поѣзда, врачебной помощи переселенцамъ и т. п. Всѣ эти подробности заняли бы слишкомъ много мѣста и притомъ едва-ли могли бы дать достаточно ясное представленіе о дѣйствительномъ положеніи каждой изъ перечисленныхъ сторонъ сложной современной организаціи передвиженія переселенцевъ. Мы позволимъ себѣ поэтому привести лишь данныя о размѣрахъ ассигнованій изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій сибирской желѣзной дороги на устройство и содержаніе переселенческихъ станцій и становищъ и на врачебно-продовольствен-

ную помощь переселенцамъ во время пути. Первое ассигнованіе на этотъ предметъ было сдѣлано въ 1894 году, въ сравнительно скромномъ размѣрѣ 76,062 рублей; въ 1895 году было отпущено болѣе чѣмъ вдвое—172,427 рублей, въ 1896 году—201,523 рубля; затѣмъ, ежегодно возрастая, размѣръ отпуска на названные предметы въ 1899 г. достигъ 305,118 р.; въ 1900 году отпущено было нѣсколько меньше—293,114 р., но зато въ 1901 г. размѣръ отпуска достигъ уже 352,320 р.,—общая же за восьмилѣтіе 1894—1901 гг. сумма отпусковъ на содержаніе переселенческихъ пунктовъ и врачебно-продовольственную помощь достигаетъ 1.983,278 р., не считая увеличивающагося, съ каждымъ годомъ, расхода на содержаніе многочисленныхъ чиновниковъ переселенческаго управленія, подъ руководствомъ извѣстныхъ дѣятелей, гг. Архипова и Станкевича, завѣдывающихъ передвиженіемъ переселенцевъ.

Мы не будемъ также входить въ подробности административно-техническаго характера по вопросу о порядкѣ водворенія переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Замѣтимъ только, что дѣло собственно водворенія, т. е. отвода заранѣе отграниченныхъ земель прибывающимъ переселенцамъ, ранѣе лежавшее, какъ и самое обмежеваніе участковъ, на органахъ министерства государственныхъ имуществъ, по закону 13 іюня 1893 года передано въ руки органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ—именно крестьянскихъ чиновниковъ (впослѣдствіи преобразованныхъ въ крестьянскіе начальники), тамъ же, гдѣ не существуетъ эта должность,—водвореніе переселенцевъ возлагается на чиновниковъ переселенческаго управленія, чиновниковъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторахъ и т. п.,—и затѣмъ на тѣхъ-же должностныхъ лицъ возлагается приведеніемъ въ исполненіе всѣхъ мѣръ, ближайшимъ образомъ направленныхъ къ упроченію благосостоянія переселенцевъ. Такъ какъ число крестьянскихъ чиновниковъ,—которые, притомъ, къ 1893 году введены были только въ западно-сибирскихъ губерніяхъ,—было очень незначительно, и они не имѣли возможности одновременно съ исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей по завѣдыванію старожилымъ крестьянскимъ населеніемъ выполнять и весьма сложныя функціи по устройству переселенцевъ, то были приняты мѣры къ значительному усиленію состава крестьянскихъ чиновниковъ въ западно-сибирскихъ губерніяхъ, для чего изъ фонда вспомогательныхъ предпріятій были отпущены спеціальныя суммы; по мѣрѣ усиленія переселенческаго движенія, должности крестьянскихъ чиновниковъ вводились и въ такихъ частяхъ Сибири, гдѣ ихъ раньше не было,—именно въ губерніяхъ Иркутской и Енисейской и въ Акмолинской области; въ раіонахъ особенно усиленнаго наплыва переселенцевъ крестьянскимъ чиновникамъ давались средства на усиленіе канцелярій, къ нѣкоторымъ изъ нихъ назначались особые помощники для исполненія обязанностей по устройству пересе-

ленцевъ, а иногда въ помощь имъ командировались и чиновники переселенческаго управленія.

Мы не будемъ, далѣе, останавливаться и на подробностяхъ земельнаго устройства переселенцевъ въ Сибири. Замѣтимъ только, что основанія отвода земельныхъ участковъ переселенцамъ остались тѣ же, какія установлены общимъ переселенческимъ закономъ 13 іюля 1889 года: земля отводится въ постоянное, безсрочное пользованіе образуемыхъ переселенцами обществъ, при чемъ избраніе первоначальной формы пользованія—общинной или подворной – зависитъ отъ рѣшенія простого большинства наличныхъ въ поселкѣ переселенцевъ, впослѣдствіи же переходъ отъ общиннаго къ подворному пользованію допускается на общихъ основаніяхъ, т. е. по приговору, постановленному двумя третями домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. При этомъ все пространство отводимаго переселенцамъ участка предоставляется, безраздѣльно, въ сельскохозяйственное пользованіе переселенцевъ; хотя, при этомъ, по временнымъ правиламъ 13 іюня 1893 года, на основаніи которыхъ производится обмежеваніе участковъ, эти послѣдніе должны быть обезпечены, по возможности, лѣсомъ, но пользованіе этимъ послѣднимъ не обставлено никакими ограниченіями Въ самое послѣднее время по тому и другому вопросу приняты нѣкоторыя новыя мѣры, узаконенныя положеніемъ комитета сибирской ж. д 22 іюня 1900 года, но до сихъ поръ почти не успѣвшія получить практическаго осуществленія. Прежде всего, въ виду неудобствъ, возникшихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на одномъ и томъ-же участкѣ водворялись переселенцы-общинники и переселенцы, склонные къ подворному владѣнію, а также въ виду имѣвшихъ мѣсто случаевъ, когда раздѣлъ на подворные участки производился наличными переселенцами до полнаго заселенія участковъ, съ явнымъ ущербомъ для тѣхъ семей, которыя могли-бы быть еще приселены, были изданы особыя правила, которыми регулируется порядокъ перехода къ подворному владѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ на правительственные органы, въ лицѣ крестьянскихъ чиновниковъ и особыхъ землемѣровъ, возложена обязанность содѣйствовать правильному и цѣлесообразному, съ хозяйственной точки зрѣнія, осуществленію раздѣла; въ то-же время, въ виду наплыва въ Сибирь массы переселенцевъ изъ западныхъ губерній и вытекающаго отсюда спроса на подворные участки, рѣшено на-ряду съ участками для водворенія болѣе или менѣе многочисленныхъ группъ переселенцевъ обмежевывать также и хуторскіе отрубы, включая въ составъ послѣднихъ такія площади удобныхъ для сельскохозяйственнаго пользованія земель, которыя по своей незначительности не могли бы быть использованы другимъ способомъ. Другая важная мѣра касается порядка отвода переселенцамъ лѣсовъ: будучи включаемы въ общую массу угодій переселенческаго участка, лѣсныя насажденія, особенно при разносоставности водворяв-

шихся на участкѣ переселенцевъ и отсутствіи между ними солидарности, подвергались усиленному истребленію; для борьбы съ послѣднимъ принимались административнымъ путемъ разныя палліативныя мѣры, остававшіяся болѣе или менѣе безрезультатными,—и потому въ настоящее время рѣшено выдѣлять изъ общей площади переселенческихъ участковъ особые лѣсные надѣлы, площадью до трехъ десятинъ на каждую подлежащую водворенію мужскую душу (или до одной пятой удобной площади участка), съ подчиненіемъ пользованія лѣсомъ на этихъ надѣлахъ тѣмъ самымъ ограничительнымъ постановленіямъ, которыя установлены закономъ 4-го іюня 1898 года для сибирскихъ старожиловъ.

Переходимъ теперь къ послѣднему изъ коренныхъ вопросовъ, касающихся устройства переселенцевъ — къ вопросу о ссудахъ, причемъ попутно коснемся и ссудъ, выдаваемыхъ переселенцамъ во время пути. Приведемъ прежде всего погодныя цифровыя данныя относительно размѣра суммъ, отпускавшихся на выдачу ссудъ переселенцамъ:

Годы.	Рубли.
1894	300,000
1895	546,000
1896	1 890,811
1897	1 390,000
1898	1 380,000
1899	1.600,000
1900	1 400,000
1901	1 600,000

Въ общей сложности за восьмилѣтіе 1894—1901 гг. на выдачу ссудъ переселенцамъ было, такимъ образомъ, ассигновано болѣе десяти милліоновъ руб.,—въ среднемъ на годъ по 1.383,500 руб. Если, затѣмъ, сопоставить приведенныя цифры съ общими размѣрами переселенія въ Сибирь за соотвѣтственные годы, то окажется, что въ среднемъ на каждаго переселившагося въ соотвѣтственномъ году, безъ различія пола и возраста, было отпущено: въ 1894 году — съ небольшимъ 4 рубля, въ 1895 году—нѣсколько болѣе 5 руб., въ 1896 году соотвѣтственная цифра поднимается до 9, въ 1897 году даже до 16 руб., затѣмъ въ два слѣдующихъ года понижается до 7 руб., въ 1900 году — падаетъ еще ниже, до 6 руб. съ небольшимъ. Сопоставленіе этихъ цифръ само по себѣ уже даетъ право на предположеніе, что потребность въ ссудахъ исчислялась въ одни годы сравнительно широко, въ другіе—въ гораздо болѣе тѣсныхъ рамкахъ. И дѣйствительно: по вопросу о ссудахъ въ политикѣ правительства, за время дѣятельности сибирскаго комитета, обнаруживаются довольно замѣтныя колебанія. Остановимся прежде всего на путевыхъ ссудахъ [1]). До учрежденія комитета, въ началѣ 90-хъ го-

[1]) «Колон. Сибири», стр. 189—190.

довъ, такія ссуды выдавались переселенцамъ при прохожденіи черезъ Тюмень, Томскъ и Челябинскъ, въ размѣрѣ 25 — 30 рублей на семью. Въ 1894 году сибирскимъ комитетомъ былъ установленъ тотъ общій принципъ, что размѣры путевыхъ ссудъ должны сообразоваться какъ съ протяженіемъ пути, предстоящаго переселенцамъ, такъ и съ избраннымъ ими способомъ передвиженія; наивысшій размѣръ путевыхъ ссудъ, выдаваемыхъ въ Тюмени и Челябинскѣ, былъ опредѣленъ въ 50 руб. на семью—цифра, приблизительно сообразованная со стоимостью проѣзда (съ содержаніемъ) отъ Тюмени до Томска; семьямъ, слѣдующимъ въ среднюю Сибирь и на Амуръ, разрѣшено было выдавать, при прохожденіи черезъ Томскъ, дополнительныя пособія, въ размѣрѣ также до 50 рублей. Изложенныя правила были существенно измѣнены въ 1899 году: исходя изъ того соображенія, что сооруженіе сибирской дороги, въ связи съ льготнымъ тарифомъ и другими мѣрами, принятыми для улучшенія условій слѣдованія переселенцевъ, привело къ значительному сокращенію стоимости передвиженія въ Сибирь, а слѣдовательно и самой потребности въ ссудахъ,—сибирскій комитетъ понизилъ максимальный размѣръ ссудъ до 30 рублей; самая выдача ссудъ допущена лишь при оставленіи переселенцами линіи желѣзной дороги, и только въ особо исключительныхъ случаяхъ допущено оказаніе помощи во время слѣдованія по желѣзному пути. Фактически путевыя ссуды выдаются лишь сравнительно небольшой части переселенцевъ; такъ, напримѣръ, въ 1896 году такія ссуды были выданы лишь въ 5,872 случаяхъ, причемъ средній размѣръ ихъ не превышалъ 10 рублей, а въ 1898 году путевыя ссуды были выданы лишь 4,786 семействамъ, т.-е. всего около одной пятой общаго количества прошедшихъ въ Сибирь семействъ.

Ссуды при водвореніи [1]), по утвержденнымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1891 году правиламъ, выдавались съ разрѣшенія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, министерства, по представленію мѣстнаго губернскаго или областного начальства, причемъ высшій размѣръ этого рода ссудъ былъ установленъ въ 200 рублей на семью. Нечего и говорить о томъ, съ какою проволочкою въ выдачѣ ссудъ былъ связанъ подобнаго рода порядокъ, и какія неблагопріятныя для переселенцевъ послѣдствія влекла за собой эта проволочка. Большою и неоспоримою заслугою сибирскаго комитета являются поэтому мѣры, принятыя ради упрощенія порядка разрѣшенія и ускоренія выдачи ссудъ. Эту цѣль преслѣдовали уже правила 5 іюня 1894 года, предоставившія губернскимъ и областнымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ собственною властью разрѣшать ходатайства о ссудахъ, представляя дѣло на разрѣшеніе министерства лишь въ случаяхъ необходимости выдать ссуду

[1]) Стр. 251—263

въ превышающемъ обычную предѣльную норму (см. ниже) размѣрѣ; дѣла о ссудахъ, по этимъ правиламъ, должны разсматриваться присутствіями внѣ очереди. Кредиты, предназначенные для выдачи ссудъ, оставались, по правиламъ 1894 года, въ распоряженіи губернскихъ и областныхъ учрежденій, и лишь по разрѣшеніи каждой отдѣльной ссуды разрѣшенная сумма переводилась въ распоряженіе соотвѣтствующаго крестьянскаго чиновника, который былъ обязанъ лично выдать ссуду переселенцамъ. Переводъ разрѣшенныхъ въ ссуду денегъ требовалъ, въ каждомъ случаѣ, довольно продолжительнаго времени; чтобы устранить и эту проволочку, весною 1896 года министерству внутреннихъ дѣлъ было предоставлено отпускать въ непосредственное распоряженіе крестьянскихъ чиновниковъ авансы до 3,000 рублей каждому съ тѣмъ, чтобы выдача ссудъ могла производиться изъ этихъ авансовъ немедленно по полученіи увѣдомленія о разрѣшеніи ссуды губернскимъ или областнымъ присутствіемъ; а въ декабрѣ того же года, по предложенію посѣтившаго лѣтомъ Сибирь ст.-секр. Куломзина, былъ сдѣланъ дальнѣйшій существенный шагъ къ упрощенію и децентрализаціи дѣла разрѣшенія и выдачи ссудъ: крестьянскимъ чиновникамъ предоставлено право по собственному усмотрѣнію выдавать ссуды изъ отпускаемыхъ имъ авансовъ, въ размѣрѣ до 30 рублей на семью, который предполагался достаточнымъ для удовлетворенія первоначальныхъ неотложныхъ потребностей переселенцевъ,—и только выдача дополнительныхъ ссудъ, сверхъ упомянутаго размѣра, разрѣшается и по настоящее время губернскими и областными учрежденіями.

Первоначально право на полученіе ссудъ предоставлялось лишь переселившимся съ законнаго разрѣшенія, и притомъ лишь тѣмъ изъ нихъ, которые водворялись на отдѣльныхъ переселенческихъ участкахъ; права на полученіе ссудъ были лишены, такимъ образомъ, какъ всѣ вообще самовольные переселенцы, такъ и тѣ изъ легальныхъ, которые водворялись въ селеніяхъ старожиловъ. Мало-по-малу, однако, кругъ лицъ, имѣющихъ право на ссуды, былъ значительно расширенъ: именно, весною 1896 года право на полученіе ссудъ было распространено на лицъ, переселяющихся въ Сибирь безъ законнаго разрѣшенія, причемъ министерство внутреннихъ дѣлъ и сибирскій комитетъ исходили изъ того соображенія [1]), что лишеніе самовольныхъ переселенцевъ права на ссуды, «не принося существенной пользы для пріостановки самовольнаго переселенія, могло бы подѣйствовать лишь вреднымъ образомъ на хозяйственное положеніе новоселовъ»,—что поэтому и самовольнымъ переселенцамъ слѣдуетъ предоставить «возможность скорѣйшаго и прочнаго домообзаводства и, такимъ образомъ, содѣйствовать развитію и среди этихъ переселенцевъ тѣхъ же платежныхъ и экономическихъ

[1]) Стр. 259.

силъ, какія пріобрѣтаютъ переселенцы, идущіе по разрѣшенію». Правда, выдача самовольнымъ переселенцамъ путевыхъ ссудъ была, какъ выше упомянуто, отмѣнена въ концѣ того-же 1896 года, — но правомъ на полученіе ссудъ на мѣстахъ водворенія самовольные переселенцы пользуются, наравнѣ съ легальными, и по настоящее время. Затѣмъ, въ результатѣ той-же поѣздки въ Сибирь А. Н. Куломзина, право на полученіе ссудъ было распространено и на переселенцевъ, водворяющихся въ селеніяхъ старожиловъ, при наличности лишь удостовѣренія мѣстнаго крестьянскаго чиновника о томъ, что ходатайствующій о ссудѣ переселенецъ «имѣетъ твердое намѣреніе завести собственное хозяйство [1])».

Въ видахъ экономіи мѣста, мы не будемъ входить въ подробности относительно подраздѣленія выдаваемыхъ переселенцамъ ссудъ по предметамъ; замѣтимъ только, что утвержденныя сибирскимъ комитетомъ правила 1894 года удерживаютъ еще установившееся подраздѣленіе ссудъ на продовольственныя и домообзаводственныя, и что затѣмъ къ этимъ двумъ разрядамъ ссудъ позже присоединился еще третій разрядъ— спеціально на постройку жилищъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется казенныхъ лѣсныхъ дачъ, изъ которыхъ переселенцамъ могли бы быть отпускаемы лѣсные матеріялы. Затѣмъ, однако, какъ мы узнаемъ изъ изданія канцеляріи министровъ [2]), подраздѣленіе ссудъ на продовольственныя и домообзаводственныя было признано нецѣлесообразнымъ: «существованіе особой категоріи ссудъ на продовольствіе порождало среди переселенцевъ взглядъ на подобныя ссуды, извѣстныя среди нихъ подъ названіемъ «харчевыхъ денегъ», какъ на своего рода «жалованье», вслѣдствіе чего подобной формулировкѣ выдачи ссудъ придавался совершенно нежелательный характеръ поощренія и вызова на переселеніе со стороны правительства»; а такъ какъ, къ тому-же, опытъ выяснилъ, что получаемыя въ ссуду деньги въ дѣйствительности расходуются совершенно безъ всякаго отношенія къ тому, отпущены ли онѣ на домообзаводство или на продовольствіе, то въ нынѣ дѣйствующихъ правилахъ 1899 года объединена выдача ссудъ на домообзаводство и посѣвъ и совершенно не упоминается о выдачѣ ссудъ на продовольствіе: переселенцы съ момента причисленія по мѣсту новаго водворенія пріобрѣтаютъ право на продовольственныя ссуды изъ мѣстныхъ средствъ, выдача же продовольственныхъ ссудъ непричисленнымъ переселенцамъ допускается лишь въ исключительныхъ случаяхъ, при неурожаяхъ, съ особаго каждый разъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ.

Вопросъ собственно о размѣрахъ ссудъ разрѣшался подъ вліяніемъ двоякаго рода соображеній: въ основаніе правилъ о ссудахъ — читаемъ мы въ отчетѣ комитета сибирской желѣзной дороги за 1893—

[1]) Стр. 260
[2]) Стр 254—255.

1897 гг. [1]),—«положена мысль, что правительство заинтересовано въ поддержкѣ переселенцевъ, дабы они, устраиваясь на новыхъ мѣстахъ, по возможности скорѣе дѣлались исправными домохозяевами и плательщиками податей. Размѣръ выдаваемыхъ пособій долженъ быть достаточнымъ для поддержки средняго по состоятельности переселенца, но отнюдь не столь значительнымъ, чтобы выходцы изъ Европейской Россіи могли разсчитывать устроить свое благосостояніе на новыхъ мѣстахъ лишь благодаря этимъ ссудамъ». Комитетъ сибирской желѣзной дороги въ одномъ изъ своихъ первыхъ засѣданій «призналъ возможнымъ придать всѣмъ мѣропріятіямъ по оказанію содѣйствія переселенцамъ значительно болѣе широкую постановку»,—причемъ основною задачею поставлялось «обезпеченіе скорѣйшаго и прочнаго устройства новоселовъ»; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, признавалась необходимою «всемѣрная бережливость и осторожность, дабы оказываемыя переселенцамъ вспомоществованія не вселили въ нихъ, а черезъ нихъ—и въ оставшихся на родинѣ ихъ родственникахъ и землякахъ, увѣренности, что въ Сибири, благодаря помощи правительства, можно легко устроиться безъ всякихъ собственныхъ затратъ» [2]). Въ первые годы дѣятельности комитета, какъ показываетъ быстрое въ то время возрастаніе цифръ ссудныхъ кредитовъ, преобладало первое изъ выразившихся въ приведенныхъ отрывкахъ теченій, побуждавшее къ увеличенію размѣровъ ссудъ; поэтому и предѣльныя нормы ссудъ были установлены довольно высокія: губернскимъ присутствіямъ предоставлялось разрѣшать домообзаводственныя ссуды въ размѣрѣ до ста рублей на семью, въ случаѣ же необходимости входить въ министерство внутреннихъ дѣлъ о выдачѣ дополнительныхъ ссудъ; сверхъ того, переселенцамъ выдавались продовольственныя ссуды по нормамъ, установленнымъ для старожилаго населенія, и сѣменныя — въ размѣрѣ, потребномъ для обсѣмененія двухъ десятинъ на семью. Съ конца 1896 года преобладаніе переходитъ ко второму, ограничительному теченію, что объясняется обнаружившеюся къ тому времени невозможностью возлагать слишкомъ большія надежды на колонизаціонную емкость Сибири. Выяснилось, что Сибирь можетъ принимать лишь ограниченное, по сравненію съ ранѣе возлагавшимися на нее надеждами, число переселенцевъ, и въ числѣ средствъ, направленныхъ къ тому, чтобы противодѣйствовать чрезмѣрному наплыву послѣднихъ, было намѣчено — на-ряду съ поощреніемъ ходачества, изданіемъ книжекъ для народа и т. п., — также и сокращеніе размѣровъ ссудъ, высокій размѣръ которыхъ, несомнѣнно, могъ способствовать усиленному притоку въ Сибирь выходцевъ изъ Европейской Россіи. Установленная правилами 1894 г. пре-

[1]) Стр. 35.

[2]) «Колон. Сибири», стр. 251—252

дѣльная норма въ 100 рублей на семью была, правда, удержана и при пересмотрѣ правилъ о ссудахъ весною 1896 года. Но фактически эта норма была понижена вдвое послѣдовавшимъ въ декабрѣ того-же года положеніемъ комитета сибирской желѣзной дороги, согласно которому первоначальная выдача ссудъ, производимая, какъ выше упомянуто, по усмотрѣнію крестьянскаго чиновника, не могла превышать 30 руб. на отдѣльную семью, а затѣмъ всѣ дополнительныя выдачи, разрѣшаемыя губернскимъ или областнымъ учрежденіемъ, должны были составлять не свыше 20 руб. въ среднемъ на каждую водворяющуюся въ участкѣ крестьянскаго чиновника переселенческую семью. Такое сокращеніе размѣра выдаваемыхъ на домообзаводство ссудъ придется признать особенно ощутительнымъ, если вспомнить, что самыя условія водворенія переселенцевъ въ Сибири значительно измѣнились къ худшему: за истощеніемъ запаса земель, расположенныхъ близко къ желѣзной дорогѣ и къ заселеннымъ раіонамъ, а въ то-же время легко доступныхъ для обращенія подъ культуру, переселенцамъ приходилось брать участки удаленные, заросшіе лѣсомъ и, слѣдовательно, болѣе трудные для раскультивированія; трудность обзаведенія, такимъ образомъ, замѣтно возросла, возможность заработковъ, напротивъ, сократилась, а потому самая потребность въ ссудахъ, естественно, должна была ощущаться сильнѣе, нежели въ первые годы дѣятельности комитета сибирской желѣзной дороги. Обстоятельства эти, на которыя единодушно указывала администрація сибирскихъ губерній и областей, побудили министерство внутреннихъ дѣлъ, при предстоящемъ въ 1899 году новомъ пересмотрѣ правилъ о ссудахъ, возбудить вопросъ о повышеніи предѣльной нормы ссудъ до 150 руб. на семью,—но вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ: подготовительная при комитетѣ сибирской желѣзной дороги коммисія признала необходимымъ послѣдовательно держаться того взгляда, что «правительство отнюдь не поощряетъ переселенія въ Сибирь и не устраиваетъ новоселовъ всецѣло на счетъ казны, а только оказываетъ имъ нѣкоторую помощь въ дѣйствительно затруднительныхъ случаяхъ [1])». Дѣйствующія нынѣ правила 1899 года удерживаютъ, поэтому, предѣльную 100-рублевую норму, въ которую притомъ входитъ, какъ выше упомянуто, не только домообзаводственная, но и сѣменная ссуда. Въ правилахъ 1899 года зато отсутствуетъ ограничительное указаніе на 20-рублевый размѣръ разрѣшаемыхъ губернскими присутствіями дополнительныхъ ссудъ, а крестьянскимъ чиновникамъ предоставлено право выдавать въ ссуду, въ исключительныхъ случаяхъ, и болѣе 30 руб., не свыше, однако, 50 рублей на семью, съ обязательствомъ подробно доносить, въ каждомъ случаѣ, о причинахъ выдачи ссуды въ повышенномъ сверхъ 30 руб. размѣрѣ.

[1]) Журналъ коммиси, 30 апр 1899 г. № 70.

Чтобы покончить съ вопросомъ о ссудахъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ ихъ возвращеніи. По правиламъ 1894 года для всѣхъ ссудъ назначался одинъ общій 10-лѣтній срокъ возврата, исчисляемый съ момента истеченія трехлѣтняго льготнаго срока со времени выдачи ссуды. Однако, уже во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Сибирь статсъ-секретаря Куломзина было указано на недостаточность, для большинства переселенцевъ, трехлѣтняго льготнаго срока, въ теченіе котораго хозяйственное благосостояніе ихъ еще не успѣваетъ достаточно окрѣпнуть, а затѣмъ опытъ выяснилъ, что и десятилѣтній срокъ возвращенія ссудъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ оказаться недостаточнымъ. Въ силу сказаннаго, по нынѣ дѣйствующимъ правиламъ 1899 года взысканіе ссудъ начинается лишь по истеченіи пяти лѣтъ со времени ихъ выдачи, и губернскимъ учрежденіямъ предоставлено продолжать срокъ выплаты по ссудамъ, въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія, до 20 лѣтъ, считая со времени истеченія льготнаго пятилѣтія

Къ сожалѣнію, наше не въ мѣру затянувшееся изложеніе не позволяетъ намъ войти въ какія-либо подробности относительно тѣхъ мѣропріятій комитета сибирской желѣзной дороги по переселенческому дѣлу, которыя можно обозначить общимъ названіемъ культурныхъ. Мѣропріятія эти преслѣдовали цѣль отчасти помощи переселенцамъ въ ихъ хозяйственномъ обзаведеніи на новыхъ мѣстахъ, отчасти же были направлены къ тому, чтобы поставить переселенцевъ въ культурную обстановку, болѣе или менѣе соотвѣтствующую той, къ которой они привыкли у себя на родинѣ. Задачи перваго рода преслѣдуютъ, напримѣръ, производимыя отчасти лѣснымъ вѣдомствомъ, отчасти переселенческимъ управленіемъ операціи по заготовкѣ лѣса для переселенцевъ безлѣсныхъ раіоновъ: лѣсъ заготовляется въ тѣхъ или другихъ лѣсныхъ дачахъ, доставляется частью по желѣзной дорогѣ, главнымъ же образомъ—водными путями, въ безлѣсныя мѣстности и здѣсь выдается переселенцамъ, по заготовительной цѣнѣ, въ счетъ назначенныхъ имъ ссудъ. Не менѣе существенное значеніе имѣютъ операціи казенныхъ складовъ земледѣльческихъ орудій, которые первоначально состояли въ вѣдомствѣ министерства земледѣлія, но съ 1898 года переданы въ завѣдываніе переселенческаго управленія, и которые преслѣдуютъ цѣль, съ одной стороны, предоставленія переселенцамъ возможности дешево пріобрѣтать предметы хозяйственнаго инвентаря, а съ другой—распространенія въ средѣ, какъ переселенцевъ, такъ и старожиловъ, лучшихъ земледѣльческихъ орудій. Нельзя не упомянуть, затѣмъ, о мѣрахъ къ усиленію медицинской помощи, о введеніи мирового суда, о прекращеніи ссылки въ раіонъ сибирской желѣзной дороги, — мѣропріятіяхъ, хотя и послѣдовавшихъ помимо сибирскаго комитета, но стоящихъ въ тѣснѣйшей внутренней связи съ его колонизаціонною политикою. За-

тѣмъ, непосредственно отъ комитета исходили мѣры, направленныя къ расширенію и развитію въ колонизаціонномъ раіонѣ почтовыхъ операцій,—мѣры, имѣвшія непосредственною цѣлью предоставить переселенцамъ тѣ самыя удобства въ отношеніи почтовыхъ сношеній, которыми они привыкли пользоваться на родинѣ. И, наконецъ, нельзя не упомянуть о мѣрахъ къ развитію въ раіонѣ сибирской желѣзной дороги церковнаго и школьнаго строительства. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что переселенцы, попавшіе въ рѣдко населенные раіоны Сибири, весьма остро ощущаютъ недостатокъ въ церквахъ, и это обстоятельство довольно часто отмѣчается даже въ качествѣ причины обратнаго переселенія. Чтобы удовлетворить этой потребности переселенцевъ, былъ образованъ особый фондъ, составляемый путемъ сбора добровольныхъ пожертвованій и находящійся въ непосредственномъ завѣдываніи подготовительной при сибирскомъ комитетѣ коммисіи. На счетъ этого фонда къ лѣту 1900 года была предпринята постройка 166 церквей и 106 школьныхъ зданій, изъ которыхъ къ тому-же времени было освящено 73 церкви и окончательно отстроено такое-же число школьныхъ зданій.

На этомъ мы закончимъ нашъ обзоръ правительственныхъ мѣропріятій въ области организаціи переселеній въ Сибирь за время нахожденія переселенческаго дѣла въ высшемъ завѣдываніи сибирскаго комитета. Обзоръ этотъ никоимъ образомъ не можетъ претендовать на полноту: мы стремились уловить лишь наиболѣе существенное, охарактеризовать собственно политику сибирскаго комитета въ переселенческомъ дѣлѣ, заставляющую, несомнѣнно, считать день его учрежденія началомъ новой эпохи въ исторіи русскихъ переселеній.

Весьма интересно и важно было-бы выяснить, какъ приводились въ дѣйствіе многообразныя и сложныя мѣры, предпринятыя въ видахъ упорядоченія переселенческаго дѣла. Къ сожалѣнію, дать сколько-нибудь полный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы не имѣемъ возможности за крайнею недостаточностью положительнаго фактическаго матеріала,—почему и ограничимся по данному вопросу немногими бѣглыми замѣчаніями. Ниже мы имѣемъ въ виду привести и анализировать нѣкоторыя цифровыя данныя, могущія пролить извѣстный свѣтъ, между прочимъ, и на то, что̀ достигнуто собственно въ отношеніи урегулированія переселенческаго движенія въ Сибирь. Здѣсь мы остановимся только въ немногихъ словахъ на мѣрахъ, направленныхъ къ улучшенію условій слѣдованія переселенцевъ въ Сибирь и къ облегченію имъ устройства на новомъ мѣстѣ.

Въ уже цитированной выше обстоятельной и въ общемъ сочувственной рецензіи [1]), посвященной «Колонизаціи Сибири», отмѣчается,

[1]) «Народн хозяйство», 1900 г., № 8, стр 158

между прочимъ, отсутствіе въ этой книгѣ свѣдѣній «о тѣхъ перипетіяхъ, какія испытываютъ иногда переселенцы, оставаясь много дней подъ дождемъ на желѣзнодорожныхъ станціяхъ, въ ожиданіи мѣстъ въ поѣздахъ для дальнѣйшаго путешествія, — перипетіяхъ, изъ которыхъ вы узнаете кое-что только изъ газетныхъ извѣстій». Намъ думается,— какъ мы уже высказывали въ началѣ настоящей статьи, — что отсутствіе подобнаго рода свѣдѣній не можетъ быть признано серьезнымъ пробѣломъ книги: тѣ газетныя извѣстія, о которыхъ упоминаетъ рецензентъ, имѣютъ слишкомъ случайный и отрывочный характеръ; притомъ они — какъ иначе и быть не можетъ — касаются только такихъ ненормальныхъ, исключительныхъ случаевъ, которые, именно благодаря своей ненормальности и исключительности, обратили на себя вниманіе корреспондентовъ, — а потому эти сообщенія едва-ли могутъ быть въ сколько-нибудь широкой мѣрѣ обобщаемы. Конечно, переселенческіе вагоны и въ настоящее время не вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ даже элементарнаго комфорта; несомнѣнный фактъ, что дружный натискъ переселенцевъ въ весенніе мѣсяцы, когда каждый спѣшитъ поспѣть въ Сибирь ко времени полевыхъ работъ, приводитъ иногда къ образованію заторовъ въ Челябинскѣ и заставляетъ переселенцевъ по нѣскольку дней ожидать возможности попасть на поѣздъ. Словомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что организація передвиженія переселенцевъ и въ настоящее время, несмотря на всѣ принятыя мѣры, не достигаетъ идеальнаго совершенства. Но намъ думается, что абсолютный критерій здѣсь не примѣнимъ; нельзя забывать прежде всего, что при условіяхъ постройки и оборудованія сибирской желѣзной дороги безостановочное передвиженіе такихъ большихъ массъ, какія скопляются въ весеннее время, совершенно недостижимо; достаточно, если задержки сведены къ возможному минимуму, и если переселенцы во время этихъ остановокъ поставлены въ сносныя условія; при оцѣнкѣ же этихъ послѣднихъ необходимо имѣть въ виду обычныя условія жизни русскаго крестьянина и въ особенности — условія его передвиженія хотя-бы, напримѣръ, на отхожіе заработки. Если же стать на такую, такъ сказать относительную, точку зрѣнія, то придется, по убѣжденію пишущаго эти строки, признать, что передвиженіе переселенцевъ обставлено въ общемъ удовлетворительно, и во всякомъ случаѣ не допускаетъ никакого сравненія съ воистину ужасными условіями передвиженія переселенцевъ въ 80-ые и въ началѣ 90-хъ годовъ. О значеніи тѣхъ или другихъ мѣръ лучше всего можно судить не по какимъ-либо частностямъ, а по результатамъ,—и мы, чтобы не затягивать изложенія, остановимся только на одномъ результатѣ — на размѣрахъ смертности переселенцевъ во время пути. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ полныхъ и удобосравнимыхъ данныхъ о смертности переселенцевъ въ болѣе ранній періодъ; но независимо отъ появлявшихся въ печати, въ разное время, сообщеній о

санитарномъ состояніи различныхъ переселенческихъ пунктовъ, мы можемъ сослаться, напримѣръ, на результаты произведеннаго нами лично подвориаго обслѣдованія переселенческихъ поселковъ раіона казенныхъ земель Томской губерніи, которое обнаружило, что смертность въ пути среди переселенцевъ, прибывшихъ въ этотъ раіонъ съ 1880 по 1894 годъ, достигла огромной цифры 3,6%. За рядъ же послѣднихъ лѣтъ смертность переселенцевъ во время пути выражалась въ слѣдующихъ относительныхъ величинахъ:

	Проценты.
Въ 1896 году	0,6
» 1897 »	0,4
» 1898 »	0,23
» 1899 »	0,17

Цифры эти, кажется намъ, не требуютъ комментаріевъ.

Обращаемся затѣмъ къ устройству переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ и скажемъ, сначала, нѣсколько словъ о землеотводныхъ работахъ. Опять-таки, въ мѣстной періодической печати встрѣчалось не мало указаній на единичные участки или даже цѣлыя группы участковъ, въ томъ или другомъ отношеніи не удовлетворяющихъ своему назначенію; имѣются и оффиціальныя указанія [1]) на то, что нѣкоторые изъ заготовленныхъ участковъ, иногда по почвеннымъ условіямъ, иногда по трудности разработки дѣвственнаго лѣса, иногда по избытку влаги въ почвѣ, иногда, напротивъ, по безводности, оказывались мало пригодными для заселенія. Нельзя, затѣмъ, не отмѣтить и одного существеннаго пробѣла въ общей постановкѣ землеотводныхъ работъ, который былъ допущенъ, въ первое время, въ маловодныхъ степныхъ раіонахъ западно-сибирскихъ губерній и особенно—Акмолинской области: участки образовывались, первоначально, безъ спеціальнаго изслѣдованія условій водоснабженія, и лишь позднѣе, когда водоснабженіе ряда участковъ, не только образованныхъ, но даже заселенныхъ, оказалось сомнительнымъ или же вовсе неудовлетворительнымъ, землеотводныя работы были поставлены въ нѣкоторую, впрочемъ, и посейчасъ недостаточно тѣсную, связь со спеціальными гидро-геологическими изысканіями и гидротехническими работами. Однако въ общемъ правилѣ, какъ можно думать, землеотводныя работы велись удовлетворительно. Право на рѣшительное сужденіе по этому вопросу мы получимъ, правда, лишь по истеченіи нѣкотораго времени, когда выяснится, насколько упрочилось благосостояніе осѣвшихъ на участкахъ переселенцевъ. Но нѣкоторымъ основаніемъ для сужденія о степени пригодности участковъ могутъ, несомнѣнно, послужить уже и данныя о заселеніи ихъ,—а эти данныя, какъ мы увидимъ во второй части нашего очерка, представ-

[1]) «Отчетъ предсѣдателя Выс. учр. коммисіи для изученія работъ по заготовл. перес. участк.». Спб. 1895; «Очеркъ раб. по образ. пересел. участковъ».

ляются въ общемъ вполнѣ утѣшительными и позволяютъ думать, что переселенческіе участки, въ массѣ, достаточно пригодны для заселенія. Во всякомъ случаѣ, будучи близко знакомъ съ исторіей работъ по образованію участковъ и принадлежа къ числу тѣхъ, кто въ свое время особенно настойчиво указывалъ на необходимость критическаго отношенія къ качеству заготовляемыхъ участковъ, я позволяю себѣ высказать, что въ данномъ отношеніи,—если не считать всегда возможныхъ отдѣльныхъ ошибокъ,—дѣлается все, что̀ можно сдѣлать. Если затѣмъ образуемые въ послѣдніе годы участки въ отношеніи почвы, легкости разработки, водоснабженія и т. п., далеко не всегда соотвѣтствуютъ всей совокупности требованій, которыя можно было бы предъявить въ интересахъ водворяемыхъ переселенцевъ, то это — слѣдствіе, главнымъ образомъ, обстоятельствъ, стоящихъ внѣ воли исполнителей землеотводныхъ работъ: сравнительно небольшой запасъ въ Сибири первосортныхъ, если можно такъ выразиться, земель въ настоящее время уже совершенно исчерпанъ; землеотводнымъ работамъ пришлось продвинуться частью въ маловодныя и засушливыя степи, частью въ дремучіе сибирскіе лѣса, и жизнь заставляетъ мириться съ недостатками образуемыхъ при подобныхъ условіяхъ участковъ. Я лично, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, высказывалъ рѣшительное сомнѣніе въ возможности заселенія переселенческихъ участковъ, заготовленныхъ въ 1894 году по окраинамъ томской тайги,—и въ то время, при наличности гораздо лучшихъ и легко доступныхъ для раскультивированія земель, на подтаежные участки, дѣйствительно, никто не хотѣлъ селиться. Въ настоящее время подтаежные и даже чисто таежные участки заселяются, при соотвѣтственномъ подборѣ переселенцевъ, вполнѣ успѣшно, и въ частности — нынѣ полностью заселены тѣ самые участки, которые шесть лѣтъ тому назадъ я лично признавалъ рѣшительно непригодными для заселенія.

Нѣсколько менѣе утѣшительны имѣющіяся данныя, касающіяся правительственнаго содѣйствія административному и хозяйственному устройству переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Какъ припомнитъ читатель, дѣло это цѣликомъ поручено крестьянскимъ чиновникамъ и губернскимъ и областнымъ учрежденіямъ, и въ этомъ, думается намъ, слѣдуетъ искать коренной причины того, что устройство переселенцевъ на мѣстахъ организовано—по всей видимости—менѣе удовлетворительно, нежели передвиженіе ихъ до мѣстъ водворенія: для завѣдыванія передвиженіемъ создана совершенно особая организація, и во главѣ ея стоятъ люди, для которыхъ переселенческое дѣло является, можно сказать, дѣломъ всей ихъ жизни. Устройство переселенцевъ на мѣстахъ возложено на должностныхъ лицъ, имѣющихъ, сверхъ того, весьма много другого дѣла по завѣдыванію старожилымъ населеніемъ, — и несмотря на всѣ усиленія личнаго состава, несмотря на денежныя выдачи на

усиленіе канцелярій, крестьянскіе чиновники и присутствія, повидимому, не имѣютъ возможности какъ слѣдуетъ справиться со всею совокупностью лежащихъ на нихъ сложныхъ обязанностей. Въ «отчетѣ» ст.-секр. Куломзина по поѣздкѣ въ Сибирь мы находимъ, напр., опредѣленное указаніе на то, что лишь немногіе изъ крестьянскихъ чиновниковъ сами производятъ водвореніе переселенцевъ на участкахъ, — «большинство же крестьянскихъ чиновниковъ сами не выѣзжаютъ на участокъ; они лишь дѣлаютъ разрѣшительныя надписи на представленныхъ имъ переселенцами документахъ и отправляютъ новоселовъ на мѣсто однихъ, а затѣмъ водвореніе совершается уже волостнымъ начальствомъ» [1]). При подобномъ порядкѣ—какъ удостовѣряетъ оффиціальное изданіе канцеляріи комитета министровъ [2]), — роль волостныхъ начальствъ при водвореніи переселенцевъ не простиралась далѣе исполненія необходимыхъ формальностей, благодаря чему, какъ было удостовѣрено въ томъ-же отчетѣ А. Н. Куломзина, селенія иногда располагались вовсе не на распланированныхъ для нихъ мѣстахъ, а бывали даже и такіе случаи, когда переселенцы селились и совсѣмъ внѣ границъ предназначеннаго имъ участка. Изъ того-же отчета ст.-секр. Куломзина мы узнаемъ далѣе, что небезукоризненно было поставлено и дѣло разсмотрѣнія ходатайствъ переселенцевъ о ссудахъ Наиболѣе правильнымъ путемъ для разбора ходатайствъ — по замѣчанію автора «отчета» [3]), являлась бы поѣздка самого крестьянскаго чиновника на участокъ и личный опросъ какъ заинтересованныхъ лицъ, такъ и другихъ переселенцевъ, прибывшихъ съ ними въ одной партіи; «но къ сожалѣнію — говоритъ А. Н. Куломзинъ — къ такому способу прибѣгаютъ лишь немногіе крестьянскіе чиновники; большинство ихъ довольствуется донесеніями волостныхъ старшинъ, которые, конечно, относятся къ дѣлу совершенно формально и опредѣляютъ размѣръ пособія согласно заявленію ходатайствующаго, не вникая въ степень его дѣйствительной нужды». Изложенныя указанія вызвали циркулярныя разъясненія министерства внутреннихъ дѣлъ относительно обязанности крестьянскихъ чиновниковъ лично совершать водвореніе переселенцевъ и лично же разбирать ходатайства ихъ о пособіяхъ [4]), — но, къ сожалѣнію, мы не располагаемъ столь компетентными свидѣтельствами о результатахъ этихъ указаній, какимъ для своего времени являлся «Отчетъ ст.-секр. Куломзина». Въ томъ же «отчетѣ» [5]) мы находимъ, затѣмъ, указанія на то, что требованіе закона, чтобы ходатайства переселенцевъ о ссудахъ разсматривались губернскими присутствіями внѣ

[1]) «Отчетъ», стр. 51
[2]) «Колон. Сибири», стр. 243.
[2]) Стр. 63.
[4]) «Колон. Сибири», стр. 258.
[5]) Стр. 70—71.

очереди, оставалось, въ значительной мѣрѣ, мертвой буквой: присутствія не успѣвали справляться съ дѣломъ, и, напримѣръ, въ томскомъ присутствіи лѣтомъ 1896 года ожидало разрѣшенія 423 дѣла о пособіяхъ, изъ которыхъ значительная часть касалась переселенцевъ, водворившихся еще въ 1895 году.

Довольно любопытнымъ матеріаломъ для сужденія о томъ, какъ выполнялись въ данномъ отношеніи предначертанія высшаго правительства, могутъ служить данныя о размѣрахъ ссудъ, выдававшихся переселенцамъ. Изъ 62,234 семей, водворенныхъ въ 1,013 переселенческихъ поселкахъ, образованныхъ на казенныхъ земляхъ Сибири (переселенцы на кабинетскихъ земляхъ ссудъ не получаютъ), ссуды получили 53,605 семей, причемъ въ среднемъ на воспользовавшуюся ссудой семью было выдано по 73,6 р., а на каждую водворенную семью — 63,4 р. Въ итогахъ по отдѣльнымъ губерніямъ и областямъ въ среднемъ на водворенную семью было выдано: въ Томской—64,4 р., въ Тобольской—79,6 р., въ Енисейской—51,9 р., въ Иркутской—51,4 р., въ Акмолинской области—51,0 р. Еще гораздо больше колебанія по-уѣздныхъ цифръ; такъ, въ Ишимскомъ уѣздѣ, Тобольской губерніи, средній на водворенную семью размѣръ ссуды составляетъ 93 рубля, въ Тарскомъ—62,7 р.; въ Красноярскомъ уѣздѣ, Енисейской губерніи, средній размѣръ ссуды 77,9 р., въ Канскомъ — 41,7 р., въ Минусинскомъ—даже 21,6 р.; въ Каинскомъ уѣздѣ, Томской губерній, средній размѣръ ссуды 87,0 р., въ Маріинскомъ—44,5 р.; въ Омскомъ уѣздѣ, Акмолинской области, средняя ссуда даже 108,4 р., въ Кокчетавскомъ — 33,3, въ Акмолинскомъ — 25,3 рубля [1]). Оффиціальное изданіе канцеляріи комитета министровъ [2]) объясняетъ подобныя колебанія въ размѣрѣ ссудъ прежде всего мѣстными условіями и въ томъ числѣ, преимущественно, недостаткомъ строеваго лѣса; затѣмъ — различіями въ экономической состоятельности водворявшихся въ разныхъ раіонахъ переселенцевъ, и лишь на послѣднемъ мѣстѣ упоминаетъ о вліяніи «нѣкоторыхъ особенностей въ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ тѣхъ лицъ, коимъ поручена, по закону, выдача ссудъ». Намъ кажется, напротивъ, что указанныхъ различій въ размѣрахъ ссудъ никакъ нельзя привести въ связь съ мѣстными особенностями; мы не имѣемъ, по крайней мѣрѣ, никакихъ данныхъ предполагать, чтобы обзаведеніе въ Иркутской и въ Енисейской губерніяхъ обходилось дешевле, нежели въ Тобольской, чтобы условія обзаведенія въ Тарскомъ уѣздѣ были легче сравнительно съ Ишимскимъ или въ Акмолинскомъ сравнительно съ Омскимъ; всѣ имѣющіяся данныя позволяютъ скорѣе предполагать

---

[1]) «Стат. данныя» за 1898 г., изд. канцел. комит. министр., введеніе стр. XXVII—XXVIII.

[2]) «Колон. Сибири», стр. 263.

противное. Равнымъ образомъ, едва-ли есть положительныя основанія утверждать, что иркутскіе переселенцы въ массѣ состоятельнѣе тобольскихъ, или маріинскіе—состоятельнѣе каинскихъ. Гораздо болѣе существенное значеніе, на нашъ взглядъ, имѣетъ обстоятельство, указываемое въ другомъ, также оффиціальномъ, изданіи [1]),—именно то, что Тобольская и Томская губерніи заселялись по преимуществу при дѣйствіи правилъ 1894 года, дозволявшихъ губернскимъ присутствіямъ разрѣшать ссуды въ размѣрѣ до 100 руб., тогда какъ средне-сибирскія губерніи и Акмолинская область заселялись, главнымъ образомъ, уже при дѣйствіи правилъ 1896 года, понизившихъ нормальный предѣлъ ссуды до 50 рублей. Но главная причина не поддающихся разумному объясненію колебаній въ среднихъ размѣрахъ ссудъ, какъ намъ кажется, заключается въ личныхъ усмотрѣніяхъ и воззрѣніяхъ тѣхъ должностныхъ лицъ, которыхъ голосу, въ данномъ случаѣ, предоставлено рѣшающее значеніе, т. е крестьянскихъ чиновниковъ: «если—читаемъ мы въ цитированномъ только что оффиціальномъ изданіи—остановить вниманіе на частныхъ цифрахъ и итогахъ по болѣе мелкимъ единицамъ, то можно замѣтить, что указанныя выше колебанія имѣютъ мѣсто въ различныхъ участкахъ одного и того-же уѣзда, и только въ одномъ и томъ-же участкѣ соотношеніе семей, получившихъ ссуду, съ общимъ ихъ числомъ, а равно и размѣръ ссуды на семью представляются довольно однородными. Подобное явленіе можно объяснить *только различнымъ отношеніемъ мѣстныхъ крестьянскихъ властей къ значенію ссудъ* [2]) въ крестьянскомъ обиходѣ, и въ этомъ различіи, казалось бы, лежитъ не послѣдняя (намъ думается, даже первая) причина колебаній въ размѣрахъ ссудъ».

Намъ лично кажется, что постановка дѣла устройства переселенцевъ на мѣстахъ новаго водворенія нуждается въ довольно серьезной реформѣ; законодательство послѣднихъ лѣтъ, сосредоточивъ высшее руководительство переселенческимъ дѣломъ въ рукахъ спеціальныхъ органовъ — сибирскаго комитета, подготовительной коммисіи и переселенческаго управленія министерства внутреннихъ дѣлъ, и создавъ особые мѣстные органы для завѣдыванія передвиженіемъ переселенцевъ и для землеотводныхъ работъ, остановилось на полпути и возложило труднѣйшую задачу устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ на обремененные и безъ того нелегкимъ дѣломъ органы мѣстнаго крестьянскаго управленія. Намъ кажется, что и эта сторона переселенческаго дѣла должна-бы быть ввѣрена особымъ должностнымъ лицамъ, для которыхъ, прежде всего, устройство переселенцевъ было бы такимъ-же жизненнымъ дѣломъ, какимъ передвиженіе переселенцевъ является для Архиповыхъ и Станкевичей, и которые, будучи органами спеціально-

---

[1]) «Стат. данныя», стр XXXI.

[2]) Курсивъ мой А. К.

переселенческихъ центральныхъ учрежденій, получали бы отъ нихъ то единообразное направленіе въ своей дѣятельности на пользу переселенія, котораго такъ недостаетъ нынѣшнимъ, болѣе или менѣе случайнымъ, мѣстнымъ органамъ по части устройства переселенцевъ. Нѣкоторое указаніе на цѣлесообразность учрежденія особыхъ должностныхъ лицъ для устройства переселенцевъ мы находимъ, между прочимъ, уже и въ «отчетѣ» ст.-секр. Куломзина [1]): во время поѣздки А. Н. Куломзина въ Сибирь, дѣло водворенія переселенцевъ въ Енисейской губерніи лежало на состоявшихъ при мѣстномъ генералъ-губернаторѣ переселенческихъ чиновникахъ, и хотя послѣднимъ приходилось, въ то-же время, завѣдывать продовольственными пунктами и вообще нести спеціально по переселенческому дѣлу рядъ разнообразныхъ и сложныхъ обязанностей, при которыхъ имъ было весьма «трудно относиться съ должною тщательностью къ отправленію всѣхъ своихъ обязанностей»,— тѣмъ не менѣе въ дѣятельности ихъ ст.-секр. Куломзинымъ не было усмотрѣно никакихъ упущеній въ родѣ тѣхъ, которыя найдены были, какъ упомянуто, въ дѣятельности большинства крестьянскихъ чиновниковъ. Что мысль о необходимости располагать для устройства переселенцевъ спеціальными должностными лицами нынѣ начинаетъ находить, хотя и слишкомъ медленно, доступъ въ правительственныя сферы, объ этомъ можно заключить, между прочимъ, по тому, что въ самые послѣдніе годы все учащаются командировки чиновниковъ переселенческаго управленія для исполненія обязанностей по устройству переселенцевъ въ такіе раіоны, которые представляются, въ томъ или другомъ отношеніи, особенно важными или трудными, или въ которыхъ, почему-либо, мѣстная крестьянская администрація окончательно не успѣваетъ справиться съ переселенческимъ дѣломъ.

Намъ остается, въ заключеніе, сказать нѣсколько словъ о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя мы позволили себѣ назвать хозяйственно-культурными. Къ сожалѣнію, мы слишкомъ мало знаемъ о качественной сторонѣ этихъ мѣропріятій: мы не знаемъ, напримѣръ, совершенно ничего о томъ, какъ производились переселенческія лѣсныя заготовки— имѣющіяся свѣдѣнія и слишкомъ случайны, и слишкомъ разнорѣчивы; мы ничего не знаемъ о постановкѣ почтовыхъ операцій; по части церковнаго и школьнаго строительства мы знаемъ только число строющихся или уже отстроенныхъ церковныхъ и школьныхъ зданій,—и совершенно ничего не знаемъ о томъ, какъ поставлена учебная часть въ сооруженныхъ на счетъ спеціальнаго фонда школахъ. Болѣе опредѣленныя и притомъ чрезвычайно интересныя свѣдѣнія мы имѣемъ только о дѣятельности сельскохозяйственныхъ складовъ. Переданные въ вѣдѣніе переселенческаго управленія въ началѣ 1898 года, склады эти

[1]) Стр. 61.

въ томъ-же 1898 году продали орудій и машинъ на 211,871 р., въ 1899 году — на 525,164 р., а за первую половину 1900 года продажа орудій достигла, по имѣющимся даннымъ, 451,454 р., такъ что за весь 1900 годъ можно было ожидать оборота не менѣе 750,000 рублей. Количество проданныхъ орудій выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Продано штукъ		
	1898 г	1899 г.	10 мѣсяцевъ 1900 г.
Плуговъ	2,122	4,676	6,127
Сабановъ (пермскихъ)	3,291	9,153	8,870
Сѣнокосилокъ	51	165	525
Конныхъ грабель	33	152	282
Жатвенныхъ машинъ	134	342	416
Вѣялокъ	318	719	272
Молотилокъ	80	182	57

Обширныя и притомъ все растущія (надо замѣтить, что на продажу 1900 года сокращающимъ образомъ повліялъ бывшій въ большей части колонизаціоннаго раіона неурожай) операціи сельскохозяйственныхъ складовъ показываютъ, какой важной потребности сибирскаго и, въ частности, переселенческаго хозяйства шли на-встрѣчу эти склады, какъ успѣшно они удовлетворяли этой потребности, и какимъ могучимъ факторомъ они могли бы послужить въ дѣлѣ качественнаго развитія сибирскаго земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и въ дѣлѣ упроченія благосостоянія переселенцевъ. Приходится поэтому очень пожалѣть, что финансовыя затрудненія, вызванныя ограниченностью того основнаго капитала, съ которымъ оперируютъ склады, сравнительно съ ихъ оборотами, угрожаютъ привести, уже въ настоящемъ 1901 году, къ нѣкоторому вынужденному сокращенію этихъ операцій.

II.

Цифровыя данныя о ходачествѣ и переселеніи [1]).

Въ настоящей, второй, части нашего очерка мы имѣемъ въ виду привести и анализировать важнѣйшія цифровыя данныя, способныя бросить свѣтъ на дѣйствительный характеръ переселенческаго движенія въ Сибирь въ срединѣ и въ концѣ 90-хъ годовъ, а частью—и на его вѣроятное ближайшее будущее.

Начнемъ съ *общихъ размѣровъ* переселенія, имѣя, впрочемъ, въ виду одно только сухопутное движеніе переселенцевъ черезъ Челябинскъ и Тюмень и оставляя въ сторонѣ происходящее при совершенно особыхъ условіяхъ морское переселеніе на дальній Востокъ.

	Прошло черезъ Тюмень и Челябинскъ человѣкъ [1]).
Въ 1893 г.	61,435
» 1894 »	72,612
» 1895 »	108,309
» 1896 »	202,302
» 1897 »	86,575
» 1898 »	205,645
« 1899 »	223,981
» 1900 »	219,263

Всего прошло въ Сибирь, за восьмилѣтіе, 1.180,122 человѣка, что̀ въ среднемъ на каждый годъ составляетъ по 147,515 человѣкъ,—почти вчетверо болѣе, нежели за восьмилѣтіе 1885—1892 гг., когда въ Сибирь прошло всего 327,652 человѣка, т. е. въ среднемъ на годъ по 40,956 человѣкъ.

---

[1]) Данныя эти взяты изъ діаграммы, приложенной къ «Колон. Сибири», а за 1900 г. извлечены изъ донесеній завѣдующаго челябинскимъ переселенч. пунктомъ г. Архипова.

Приведенныя цифры охватываютъ, однако, кромѣ движенія собственно переселенцевъ, также и движеніе ходоковъ,—къ которому мы должны будемъ возвратиться ниже, — на долю же переселенцевъ въ тѣсномъ смыслѣ слова за шестилѣтіе 1895—1900 гг., для котораго мы располагаемъ точными данными [1]), приходятся слѣдующія цифры:

	Человѣкъ.
Въ 1895 г	103,551
» 1896 »	190,392
» 1897 »	70,403
» 1898 »	150,892
» 1899 »	170,908
» 1900 »	166,245

Цифры эти позволяютъ дать отвѣтъ на существенный вопросъ: въ какой мѣрѣ очерченныя въ предыдущей части нашего очерка мѣропріятія комитета сибирской желѣзной дороги содѣйствовали усиленію переселенческаго движенія въ Сибирь. Разсуждая апріорно, на этотъ вопросъ слѣдовало-бы ожидать утвердительнаго отвѣта: переселенцы, которые прежде должны были совершать путь въ Сибирь въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, предоставленные самимъ себѣ, почти безъ помощи со стороны правительства, которые на мѣстахъ претерпѣвали всевозможныя мытарства, пока успѣвали сѣсть на землю, и могли разсчитывать, въ лучшемъ случаѣ, на крайне запоздалыя правительственныя пособія, — теперь передвигаются въ Сибирь въ сравнительно очень благопріятныхъ условіяхъ; въ Сибири къ ихъ услугамъ богатый выборъ участковъ; имъ даются ссуды, отпускается казенный лѣсъ, дается возможность пріобрѣтать орудія, строятся церкви и т. п. Если, при этомъ, принять въ соображеніе, въ какихъ преувеличенныхъ размѣрахъ слухи о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, касающихся переселенія, проникаютъ въ крестьянскую массу, то естественно было-бы ожидать такого прогрессивнаго роста переселеній въ Сибирь, который могъ бы оказаться нежелательнымъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности. Наблюдаемое въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ изучаемаго восьмилѣтія повышеніе размѣровъ переселенія является лишь естественнымъ продолженіемъ того постепеннаго возрастанія, которое наблюдалось въ теченіе предыдущаго десятилѣтія, а исключительно рѣзкое возрастаніе переселенія въ 1896

---

[1]) Здѣсь и въ дальнѣйшемъ данныя за 1895 и 1896 гг взяты изъ «Цифроваго матеріала» челябинской регистраціи, данныя за 1897 и 1898 гг.—изъ «Стат. данныхъ», изд. канцеляріи комитета министр., за 1899—1900 гг—изъ донесеній г. Архипова; источникъ всѣхъ этихъ данныхъ одинъ—регистрація переселенцевъ въ Челябинскѣ.

году является естественнымъ слѣдствіемъ открытія движенія по западно-сибирской желѣзной дорогѣ и не нуждается въ какихъ-либо другихъ объясненіяхъ. Какъ извѣстно, неожиданно-громадная цифра переселенцевъ 1896 года заставила правительство поставить на очередь вопросъ о мѣрахъ къ сокращенію ихъ размѣровъ [1]); для этой цѣли былъ предпринятъ рядъ мѣръ, и въ результатѣ ли этихъ мѣръ, или просто благодаря общехозяйственнымъ условіямъ 1896 года, — но только въ 1897 году размѣръ переселенія почти втрое сокращается противъ предыдущаго года. Въ 1898 году, однако, переселеніе въ Сибирь возвращается къ размѣрамъ 1896 года, которые затѣмъ почти не измѣняются въ послѣдующіе два года. Цифра въ двѣсти съ небольшимъ тысячъ человѣкъ — считая все переселенческое движеніе черезъ сухопутную границу Сибири — и съ небольшимъ въ полтораста тысячъ, если отбросить ходоковъ, становится какъ-бы нормальною, предѣльною цифрою сибирскаго переселенія. Трудно, конечно, предположить, чтобы цифры, на которыхъ остановился ростъ переселенческаго движенія, выражали собою дѣйствительную равнодѣйствующую тѣхъ разнообразныхъ условій, которыми опредѣляется потребность въ выселеніи изъ Европейской Россіи,—рѣзкія колебанія приводимыхъ ниже погодныхъ цифръ выселенія изъ отдѣльныхъ раіоновъ показываютъ, что едва-ли въ какомъ-либо раіонѣ выселеніе дѣйствительно достигло своего нормальнаго предѣла. Если поэтому переселеніе не растетъ, несмотря на сравнительно весьма благопріятную его современную обстановку, то это слѣдуетъ объяснять скорѣе всего условіями водворенія въ Сибири, относительно которыхъ крестьянство, благодаря развитію ходачества, получаетъ въ настоящее время свѣдѣнія, далеко не гармонирующія съ прежними преувеличенно-привлекательными представленіями. Правдоподобность именно этого объясненія выяснится для читателя изъ приводимыхъ ниже данныхъ.

Обратимся теперь къ распредѣленію сибирскихъ переселенцевъ *по мѣстамъ выхода*. По даннымъ за семилѣтіе 1887—1893 гг. [2]), изъ общаго числа 67,041 семей переселенцевъ, прошедшихъ черезъ сухопутную границу Сибири, 57,140 или болѣе пяти шестыхъ были выходцы изъ 13 губерній, принадлежащихъ къ раіонамъ сѣверно- и среднечерноземному, юго-восточному и сѣверо-восточному заволжскому, а именно: изъ Курской—10,785 семей, Тамбовской—6,796, Воронежской—5,558, Вятской—5,356, Самарской—5,072, Пермской — 4,547, Полтавской — 3,643, Рязанской—3,139 и болѣе чѣмъ по 2,000 семей—изъ губерній: Саратовской, Казанской, Пензенской, Харьковской и Черниговской. По-

---

[1]) Журналъ комитета сиб. ж. д 27 ноября 1896 г.

[2]) «Энцикл. словарь» Брокгауза и Эфрона, полут. 45, слово «Переселеніе».

годное распредѣленіе, по тому же признаку, переселенцевъ 1895—1900 годовъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Раіоны и полосы.	1895.	1896.	1897.	1898.	1899	1900 г. (первая полов.)
	Число семей					
Раіоны черноземной полосы:						
сѣверн. черноземный.	8,276	12,925	3,522	8,723	8,583	5,635
средній » .	3,513	8,264	1,930	2,503	4.448	6,452
юго-западный. . . .	70	483	391	742	754	948
южный степной . . .	362	1,315	1,098	676	1,271	2,092
восточн. и юго-вост..	1,276	2,044	519	4,801	7,718	1,792
Всего изъ черноземной полосы	13,497	25,011	7,460	17,445	22,774	16 918
Раіоны нечерноземн полосы:						
промышленный . . .	20	873	432	392	224	141
западный	105	1,935	1,165	3,511	2,149	4,651
сѣв.-вост-заволжскій	28	248	318	1,723	2,537	979
сѣверо-западный.	2	241	184	63	69	75
прибалтійскій	50	254	643	179	157	208
сѣверный	—	34	46	46	231	257
привислинскій. . . .	—	19	44	15	71	34
Всего изъ нечерноземной полосы . .	205	3,604	2,827	5,929	5,452	5.468
Безъ обозначенія. .	—	16	—	505	—	—
Всего	13,706	28,631	10,287	23,879	28,226	22,386[1])

Въ общемъ за шестилѣтіе въ итогѣ черноземная полоса дала 103,126 семей или 80,9%, нечерноземная—24,348 или всего 19,1% общаго числа переселенческихъ семей. Изъ отдѣльныхъ раіоновъ сѣверно-черноземный выпустилъ 47,664 семьи или немногимъ менѣе половины общаго числа переселенцевъ; непосредственно за нимъ слѣдуетъ средне-черноземный (три малороссійскихъ губерніи) съ 27,110 семьями, затѣмъ—восточный и юго-восточный черноземный съ 18,150 семьями; остальные два черноземные раіона дали 10,202 семьи, — около одной двѣнадцатой общаго числа переселенцевъ. Изъ нечерноземныхъ раіоновъ западныя—литовскія и бѣлорусскія губерніи выпустили 13,516 семей — болѣе одной десятой общаго числа и болѣе половины всѣхъ выходцевъ изъ нечерноземной полосы; сѣверо-восточныя заволжскія губерніи дали 5,833 семьи—немногимъ больше, нежели выпустила за 1887—1893 г.г. одна только Вятская губернія, — всѣ же остальные нечерноземные раіоны, взятые вмѣстѣ, дали всего 4,999 семей или менѣе четырехъ процентовъ общаго числа переселенцевъ. Въ пораіонныхъ данныхъ за цѣлое

[1]) За весь годъ прошло 24,065 семей

шестилѣтіе нельзя такимъ образомъ усмотрѣть существенныхъ измѣненій въ сравненіи съ данными за семилѣтіе 1887—1893 гг.; наибольшую массу переселенцевъ попрежнему даютъ сѣверно-и средне-черноземныя губерніи, за ними слѣдуютъ восточныя съ юго-восточными, и замѣтно ослабѣло только переселеніе изъ сѣверо-восточныхъ заволжскихъ губерній; ихъ мѣсто заняли западныя—литовскія и бѣлорусскія губерніи, а затѣмъ замѣтную роль въ переселенческомъ движеніи начинаютъ играть ранѣе вовсе не участвовавшіе въ немъ южный степной и юго-западный раіоны. Обращаясь къ погоднымъ даннымъ, мы не находимъ въ колебаніяхъ цифръ по главнымъ раіонамъ выселенія какой-либо опредѣленной общей тенденціи: выселенія изъ сѣверно-черноземнаго раіона обнаруживаютъ едва замѣтную убыль (во второмъ трехлѣтіи 22,941 семья противъ 24,723 семей перваго трехлѣтія), въ раіонѣ же средне-черноземномъ общіе размѣры выселенія въ теченіе шестилѣтіи и вовсе не измѣняются (13,707 и 13,403 семьи); въ обоихъ восточныхъ раіонахъ переселеніе, сильно ослабѣвшее въ первомъ трехлѣтіи (3,819 и 694 семьи), опять значительно усиливается въ послѣдніе три года (14,311 и 5,139 семей); наконецъ, въ раіонахъ западномъ, юго-западномъ и южномъ степномъ выселенія болѣе или менѣе быстро возрастаютъ: такъ, западный раіонъ, въ первые два года давшій всего 2,040 семей, въ слѣдующіе два года даетъ уже 4,676, въ послѣдніе два—6,800 семей; юго-западный раіонъ выпустилъ въ первые два года 553 семьи, въ слѣдующіе два — 1,113, въ послѣдніе два года — 1,702 семьи; въ южномъ степномъ раіонѣ выселеніе въ первые четыре года оставалось, въ общемъ, стаціонарнымъ, достигая въ среднемъ 863 семей въ годъ,—въ послѣдніе же два года быстро возрастаетъ и даетъ въ 1899 г 1,271, за неполный 1900 годъ—2,092 семьи. Погодныя колебанія, разсматривать ли пораіонные итоги, или обратиться къ опубликованнымъ за 1895 — 1898 гг. погубернскимъ цифрамъ, весьма рѣзки: въ видѣ примѣра укажемъ на средне-черноземный раіонъ, гдѣ выселеніе въ 1896 году достигло 8,264 семей, между тѣмъ какъ ни въ одинъ изъ остальныхъ годовъ пятилѣтія 1895 — 1899 гг. оно не превышало 4,448 и только въ 1900 году достигло 6,452 семей, — или на рѣзкое усиленіе выселеній изъ восточнаго и юго-восточнаго раіоновъ въ 1898 и 1899 годахъ (4,801 и 7,718 семей, тогда какъ ни въ одинъ изъ остальныхъ годовъ выселеніе не превышало 2,044 семей). Если же обратиться къ погубернскимъ даннымъ и выбрать за каждый годъ по пяти губерній съ наивысшими размѣрами выселенія, то эти первыя мѣста займутъ: въ 1895 году — Пензенская (3,583 семьи), Полтавская (2,656), Черниговская (2,460), Орловская (606) и Курская (604 семьи); въ 1896 году—Полтавская (6,093 семьи), Черниговская (5,697), Орловская (2,349), Курская (1,805), Харьковская (1,279) и Витебская съ 1,163 семьями; въ 1898 г. первыя мѣста принадлежатъ опять-таки гу-

берніямъ: Черниговской (1,498), Полтавской (1,049), Орловской (666), Херсонской (591) и Витебской (517 семей), въ 1898 году—Самарской (2,669), Тамбовской (2,415), Воронежской (1,203), Орловской (1,557) и Витебской (958 семей). Если сопоставить эти данныя съ данными за 1887—1893 гг., то окажется, что губерніи Курская, Тамбовская, Воронежская, Вятская, Самарская, Пермская, которыя въ переселенческомъ движеніи 1887 — 1893 гг. занимали первыя мѣста, въ четырехлѣтіе 1895—1898 гг. отступаютъ на задній планъ; первое мѣсто переходитъ къ двумъ малороссійскимъ губерніямъ — Черниговской и Полтавской, которыя въ теченіе 1895—1897 гг. даютъ наибольшую цифру выселеній, и только въ 1898 году показываютъ рѣзкое паденіе цифры переселенцевъ; неизмѣнно высокую цифру выселеній все время даетъ Орловская губернія, начиная съ 1896 года — и Витебская, а затѣмъ рядъ губерній — Пензенская, Курская, Херсонская, Самарская, Тамбовская, даютъ высокія цифры выселенія въ отдѣльные годы, въ предыдущіе и послѣдующіе годы опять отступая на задній планъ. Насъ завело-бы слишкомъ далеко, если бы мы задались цѣлью выяснить причины, приводившія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, къ усиленію или ослабленію переселеній. Ограничимся поэтому общимъ замѣчаніемъ, — что основнымъ моментомъ здѣсь является, несомнѣнно, колебанія урожаевъ,—но что затѣмъ немаловажную роль играютъ, по всему вѣроятію, тѣ случайныя обстоятельства, о которыхъ намъ придется упоминать, когда мы будемъ говорить о ходачествѣ и о самовольномъ движеніи.

Мы совершенно не будемъ входить здѣсь въ подробности по вопросу о хозяйственномъ составѣ переселенцевъ и тѣмъ болѣе—о причинахъ переселеній: подробная разработка въ этомъ направленіи новаго статистическаго матеріала слишкомъ отвлекла-бы насъ отъ цѣли нашего очерка, — въ существеннѣйшихъ же чертахъ новыя данныя только подтверждаютъ тѣ выводы, къ которымъ уже ранѣе пришла литература переселенческаго вопроса. «Коренною причиною — читаемъ мы во введеніи къ «статистическимъ даннымъ», изданнымъ канцеляріею комитета министровъ [1]), является малоземелье въ собственномъ смыслѣ, т. е. невозможность существовать землею, ограничиваясь воздѣлываніемъ однихъ собственныхъ надѣловъ. Такое малоземелье есть, конечно, понятіе относительное и обусловливается для большинства неспособностью къ веденію болѣе интенсивнаго хозяйства [2]). Но абсолютно или относительно это малоземелье, — оно вызываетъ избытокъ

[1]) «Ст. данныя» за 1898 г., стр. XIII.

[2]) Та-же мысль была выражена въ нашей ст. «Къ вопросу о причинахъ и т. д. русск. пересел.»; интересныя подробности см въ книгѣ «Колониз. Сибири», стр. 129—158.

рабочихъ силъ, не находящихъ приложенія своему труду. Другое, установленное статистикою, положеніе, это то, что крестьяне, ищущіе выхода изъ тяжелыхъ матеріальныхъ условій путемъ переселенія въ Сибирь, принадлежатъ въ общемъ къ среднесостоятельному классу [1]), что вполнѣ естественно, такъ какъ богатый крестьянинъ отъ добра добра не ищетъ, а совершенно обѣднѣвшій не можетъ подняться на такой дальній путь; нужда его гонитъ, но нужда его и держитъ».

Не вдаваясь, затѣмъ, въ дальнѣйшія подробности, остановимся на весьма любопытныхъ данныхъ, приводимыхъ въ изданіяхъ канцеляріи комитета министровъ по вопросу о наблюдаемыхъ съ теченіемъ времени измѣненіяхъ въ среднемъ хозяйственномъ уровнѣ переселяющихся. Во введеніи къ нашему очерку мы упоминали, что «статистическія данныя» канцеляріи комитета министровъ за 1898 годъ содержатъ, между прочимъ, объемистую таблицу, въ которой сведены данныя для характеристики степени благосостоянія переселенцевъ на родинѣ. Итоги этихъ данныхъ сведены во введеніи къ названному изданію въ небольшую табличку [2]), изъ которой мы позволимъ себѣ привести нижеслѣдующія наиболѣе характерныя цифры:

Годы прибытія переселенцевъ.	% семей, имѣвшихъ:			Въ среднемъ на семью:			% семей, имѣвшихъ самостоят. хозяйство.	Число десятинъ земли на семью.
	лошадей.	рогатый скотъ.	земледѣльческія орудія.	лошадей	рогатаго скота.	земледѣльческихъ орудій.		
1878.	88	88	98	1,2	1,7	1,2	82	1,8
1886.	87	88	84	1,8	2,1	1,0	91	2,6
1887.	89	87	82	1,9	1,7	1,3	81	2,9
1888.	84	81	80	1,3	1,8	1,5	81	4,0
1889.	83	83	77	1,7	1,5	1,3	83	2,7
1890.	85	79	78	1,7	2,0	1,3	86	3,6
1891.	82	82	73	1,7	1,5	1,3	82	3,0
1892. . . .	81	81	74	1,5	1,4	1,3	85	2,8
1893.	79	76	71	1,4	1,3	1,3	80	2,6
1894.	78	76	74	1,3	1,5	1,3	77	2,7
1895.	72	73	65	1,2	1,2	1,1	74	2,1
1896. . . .	74	74	68	1,1	1,2	1,1	79	2,3
1897.	85	83	79	1,4	1,3	1,3	81	2,7
1898	81	81	76	1,4	1,4	1,4	81	3,0

Какъ справедливо замѣчаетъ составитель другаго изданія канцеляріи комитета министровъ [3]), «въ серединѣ 90-хъ годовъ наблюда-

---

[1]) См. ту-же нашу статью, а также «Всеподд. отч. ст.-секр. Куломзина», стр. 2, и книгу «Колонизац. Спб.», стр. 144

[2]) «Стат. данныя», введеніе, стр. XIV—XV; извлеченіе изъ этой таблицы см. въ «Колониз Сибири», стр. 158.

[3]) «Колон. Сибири», стр. 159—160.

лось довольно замѣтное пониженіе общаго уровня состоятельности выходцевъ изъ Европейской Россіи, выразившееся въ уменьшеніи относительнаго числа семействъ, обезпеченныхъ домашнимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями, въ нѣкоторомъ пониженіи числа семействъ, ведшихъ самостоятельное хозяйство, уменьшеніи величины посѣвной площади», а также—замѣтимъ отъ себя — въ пониженіи средняго на дворъ числа головъ скота и земледѣльческихъ орудій: «съ 1897 же года обращаетъ на себя вниманіе измѣненіе указанныхъ цифръ въ обратномъ направленіи»,—другими словами, нѣкоторое повышеніе средняго уровня благосостоянія переселяющихся, который, однако, все же остается замѣтно ниже средняго уровня благосостоянія переселенцевъ конца 80-хъ и начала 90-хъ годовъ. Пониженіе хозяйственнаго уровня переселенцевъ въ серединѣ 90-хъ годовъ было естественнымъ послѣдствіемъ удешевленія проѣзда, обусловленнаго открытіемъ движенія по западносибирской линіи, а также слуховъ о содѣйствіи, оказываемомъ правительствомъ переселенцамъ. Не удерживали бѣдноту отъ переселенія и принудительныя мѣры, въ родѣ требованій о предъявленіи, для полученія разрѣшенія на переселеніе, опредѣленной суммы наличныхъ денегъ,—такія мѣры, какъ констатируетъ оффиціальное изданіе [1]), «повели лишь къ различнымъ злоупотребленіямъ», направленнымъ къ обходу стѣснительнаго требованія. Повышеніе общаго уровня состоятельности переселенцевъ обнаружилось лишь въ 1897 году, подъ вліяніемъ изложенныхъ въ первой части настоящаго очерка мѣръ, «клонившихся къ возбужденію сознательнаго отношенія переселенцевъ къ предпринимаемому ими шагу», и въ особенности—благодаря развитію ходачества: ходоки воочію могли убѣдиться въ томъ, что малосильной семьѣ, при все увеличивающейся трудности условій водворенія въ Сибири, весьма трудно разсчитывать устроиться, — и это убѣжденіе, проникая въ народныя массы, гораздо лучше удерживало бѣдняковъ отъ переселенія, нежели это могли-бы сдѣлать принудительныя мѣры.

Распредѣленіе переселенцевъ на *разрѣшенныхъ и самовольныхъ* видно изъ слѣдующей таблички:

Годы	Общее число переселенцевъ, семей.	Изъ нихъ семей		% самовольныхъ.
		разрѣшенныхъ.	самовольныхъ.	
1894	?	?	?	78
1895	13,706	10,060	3,646	27
1896	28,631	16,167	12,464	44
1897	10,287	6,156	4,131	40
1898	23,879	13,307	10,572	44
1899	28,226	13,380	14,846	53
1900 (первая половина) .	22,386	15,088	7,298	33

[1]) Тамъ же, стр. 160.

Такимъ образомъ наблюдается явленіе, довольно неожиданное и не поддающееся объясненію на основаніи того матеріала, которымъ мы располагаемъ; процентъ самовольныхъ переселенцевъ, рѣзко понизившись въ 1895 году, затѣмъ постепенно возрастаетъ и опять сильно понижается только въ 1900 году, — хотя и въ этомъ году относительное количество самовольныхъ остается выше, нежели было въ 1895 году.

Если затѣмъ обратиться къ пораіоннымъ даннымъ, то увидимъ, что процентъ самовольныхъ измѣнялся слѣдующимъ образомъ:

Среди выходцевъ изъ раіоновъ:	Процентъ самовольныхъ по годамъ					
	1895.	1896.	1897.	1898.	1899	1900.
Сѣверно-черноземнаго . . .	18	41	30	33	36	27
Средне-черноземнаго . . .	19	14	20	31	37	30
Юго-западнаго	81	91	75	30	27	31
Южнаго степного	77	52	48	41	49	46
Восточнаго и юго-восточнаго .	76	82	72	84	84	69
Промышленнаго.	50	79	21	18	44	30
Западнаго.	98	97	28	3	10	7
Сѣверо-восточнаго.	100	90	71	90	83	73
Сѣверо-западнаго.	100	64	83	44	57	47
Прибалтійскаго	100	90	98	58	36	13
Сѣвернаго	—	97	15	98	72	82
Привислинскаго.	—	100	95	100	97	100

Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы стали разсматривать еще и погубернскія цифры. Замѣтимъ только, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ переселенцы въ предѣлахъ каждаго даннаго раіона болѣе или менѣе однообразно распредѣляются по изучаемому нами признаку—въ однихъ раіонахъ замѣчается преобладаніе по всѣмъ губерніямъ разрѣшенныхъ, въ другихъ — самовольныхъ переселенцевъ. Но по нѣкоторымъ отдѣльнымъ губерніямъ распредѣленіе переселенцевъ рѣзко отклоняется отъ того распредѣленія, которое получилось въ итогѣ по цѣлому раіону; такъ, въ сѣверно-черноземномъ и средне-черноземномъ раіонахъ процентъ самовольныхъ все время сравнительно невеликъ; между тѣмъ, напримѣръ, въ 1895 году Тамбовская губернія дала 220 семей самовольныхъ противъ 187 разрѣшенныхъ, Воронежская 295 самовольныхъ противъ 218 разрѣшенныхъ; въ 1896 г. та-же Воронежская дала 559 самовольныхъ и 338 разрѣшенныхъ, Орловская 1,302 самовольныхъ и 1,047 разрѣшенныхъ; въ 1897 году изъ Тамбовской губерніи вышло 206 семей самовольнымъ и 200 разрѣшенныхъ, въ 1898 году Пензенская губернія дала 434 семьи самовольныхъ противъ 171 разрѣшенной, Рязанская — 602 первыхъ и 291 вторыхъ. Напротивъ, изъ числа губерній восточнаго раіона, гдѣ въ пораіонныхъ итогахъ преобладаютъ самовольные переселенцы, выдѣляется Симбирская, гдѣ въ 1895 году число самовольныхъ было равно числу разрѣ

шенныхъ, а въ 1896 году самовольныхъ было всего 130 семей противъ 205 разрѣшенныхъ.

Однообразіе—въ видѣ общаго правила — въ распредѣленіи переселенцевъ по наличности или отсутствію разрѣшенія на переселеніе по цѣлымъ группамъ губерній того или другого раіона и рѣзкія, въ данномъ отношеніи, различія между раіонами позволяютъ предположить, что разница въ распространенности самовольныхъ переселеній коренится до извѣстной степени въ общихъ цѣлымъ раіонамъ естественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ: условія эти—можно думать—въ однихъ раіонахъ дѣлали потребность въ переселеніи болѣе острою и нетерпящею отлагательства; въ другихъ, наоборотъ, эти условія, создавая потребность въ выселеніи, не требовали немедленнаго, во что-бы то ни стало, переселенія; въ первомъ случаѣ переселенцы не могли выжидать результатовъ ходатайства о разрѣшеніи, а потому переселялись самовольно,—тогда какъ въ раіонахъ второго рода они имѣли время выждать разрѣшенія и воспользоваться всѣми преимуществами, которыя предоставляются легальнымъ переселенцамъ передъ самовольными. Затѣмъ, однако, нельзя не имѣть въ виду и того обстоятельства, что въ составъ довольно многихъ раіоновъ выдѣлены губерніи, сходныя между собой въ смыслѣ порядка управленія или иныхъ условій, могущихъ влять на отношеніе мѣстной администраціи къ переселеніямъ,—достаточно напомнить о различіи между губерніями земскими и неземскими, дворянскими и недворянскими, коренными русскими и окраинными, и т. п. И это обстоятельство даетъ мѣсто предположенію, что степень распространенія самовольныхъ переселеній можетъ стоять въ извѣстной зависимости отъ неодинаковаго отношенія къ переселенію мѣстной администраціи. Справедливость этого предположенія подтверждается погодными колебаніями цифръ: только по немногимъ, именно восточнымъ раіонамъ, процентъ самовольныхъ переселеній за все шестилѣтіе остается на приблизительно одинаковомъ, притомъ очень высокомъ уровнѣ; восточная Россія представляетъ собою, такимъ образомъ, раіонъ усиленнаго развитія самовольныхъ переселеній—обстоятельство, объясненія которому нужно искать въ общихъ хозяйственныхъ условіяхъ и особенно въ близости восточной Россіи къ тѣмъ мѣстамъ, куда стремятся переселенцы Затѣмъ, въ рядѣ раіоновъ замѣчается пониженіе процента самовольныхъ: таковы раіоны южный степной, юго-западный, сѣверо-западный и въ особенности западный и прибалтійскій; ослабленіе самовольныхъ переселеній замѣчается, такимъ образомъ, въ раіонахъ, крайне разнообразныхъ по естественнымъ, этнографическимъ и хозяйственнымъ условіямъ, и объясняется оно — можно думать — вліяніемъ новѣйшихъ теченій въ правительственной политикѣ по переселенческому вопросу, выразившимся въ значительномъ облегченіи условій легальнаго переселенія. Напротивъ, въ главныхъ раіонахъ выселеній, сѣверно-и въ осо-

бенности средне-черноземномъ, процентъ самовольныхъ замѣтно растетъ, — обстоятельство, для котораго мы не находимъ объясненія ни въ общихъ условіяхъ этихъ раіоновъ, ни въ политикѣ высшаго правительства, и которое едва-ли можетъ быть объяснено иначе, какъ направленіемъ дѣятельности мѣстной администраціи. Другого объясненія, кажется намъ, нельзя найти и для тѣхъ случаевъ, когда какая-либо губернія — какъ мы привели этому примѣры — рѣзко выдѣляется изъ среды другихъ губерній того-же раіона по особенно низкому или особенно высокому проценту самовольныхъ переселеній.

Нѣкоторый ключъ къ объясненію различій въ размѣрахъ самовольнаго переселенія мы находимъ въ оффиціальномъ изданіи канцеляріи комитета министровъ [1]). «Для выясненія причинъ—читаемъ мы здѣсь, — вызывающихъ самовольные переходы крестьянъ въ Сибирь, могутъ послужить данныя, добытыя при поѣздкѣ въ Сибирь управляющаго дѣлами комитета сибирской желѣзной дороги; изъ данныхъ этихъ видно, что лишь незначительное число (именно 18% всѣхъ опрошенныхъ семей) самовольныхъ переселенцевъ рѣшились сразу предпринять переселеніе на свой счетъ и страхъ, не желая возбуждать ходатайства о переселеніи; значительное же большинство крестьянъ предпочитало сдѣлать попытку попасть въ Сибирь законнымъ путемъ, лишь впослѣдствіи отказываясь отъ своего намѣренія вслѣдствіе различныхъ препятствій, не зависѣвшихъ отъ ихъ воли. Главнымъ изъ этихъ препятствій были задержки въ удовлетвореніи со стороны мѣстной администраціи ходатайствъ о выдачѣ имъ разрѣшеній. Другою причиною самовольныхъ переселеній служили, по словамъ опрошенныхъ крестьянъ, несочувственное отношеніе мѣстныхъ властей къ ходатайствамъ о переселеніи и отказъ въ выдачѣ разрѣшеній; въ послѣднемъ случаѣ самовольное отправленіе въ путь представлялось для крестьянъ иногда прямо неизбѣжнымъ въ виду того, что они часто распродавали свое имущество немедленно вслѣдъ за подачей прошеній о дозволеніи имъ переселиться». Послѣ 1896 года порядокъ выдачи разрѣшеній на переселеніе былъ, правда, значительно упрощенъ, — требованіе разрѣшенія замѣнено, въ сущности, требованіемъ простого удостовѣренія о томъ, что желающій переселиться посылалъ ходока и чрезъ него зачислилъ за собою землю — такъ что, казалось-бы, не оставалось мѣста ни для отказа въ разрѣшеніи, и даже для сколько-нибудь ощутительнаго вліянія несочувственнаго отношенія мѣстныхъ властей къ переселенію. И тѣмъ не менѣе, степень сочувствія или несочувствія мѣстной власти, въ лицѣ преимущественно земскихъ начальниковъ, къ переселенію продолжаетъ играть весьма существенную роль среди обстоятельствъ, способствующихъ или препятствующихъ развитію самовольныхъ пересе-

[1]) «Колон. Сибири», стр. 162—163.

леній. Какъ, сравнительно, ни просты нынѣ дѣйствующія правила о ходачествѣ и о выдачѣ проходныхъ свидѣтельствъ, тѣмъ не менѣе должностныя лица, не сочувствующія переселенію, имѣютъ полную возможность затормозить и посылку ходоковъ, и распродажу имущества, и выдачу проходныхъ свидѣтельствъ, вообще поставить желающихъ переселяться въ такія условія, при которыхъ имъ ничего не остается, какъ пуститься въ путь въ качествѣ самовольныхъ переселенцевъ. И намъ лично думается, что именно несочувственнымъ къ переселенію отношеніемъ земскихъ начальниковъ, отражающихъ взгляды вліятельнаго въ средне-русскихъ губерніяхъ помѣстнаго дворянства, слѣдуетъ объяснять возрастаніе самовольныхъ переселеній изъ сѣверно-черноземнаго и средне-черноземнаго районовъ.

Обратимся теперь къ даннымъ о *размѣрахъ ходачества*. Общее число ходоковъ, прошедшихъ въ Сибирь черезъ ея сухопутную границу, достигало:

	Человѣкъ.
Въ 1895 году.	4,758
» 1896 »	11,910
» 1897 »	16,172
» 1898 »	54,753
» 1899 »	53,073
» 1900 »	53,018

Такимъ образомъ число ходоковъ, возраставшее уже и до принятія изложенныхъ въ первой части нашего очерка мѣръ, благопріятствующихъ ходачеству, къ 1898 году достигаетъ огромной цифры — почти 55 тысячъ, и затѣмъ въ послѣдующіе два года остается приблизительно на томъ-же уровнѣ. Ясно, что мѣры правительства, направленныя къ развитію ходачества, шли навстрѣчу дѣйствительно назрѣвшей потребности; несомнѣнно и то, что мѣры эти, въ общемъ, имѣли полный успѣхъ, такъ какъ привели къ усиленному росту ходачества.

Обратимся теперь къ порайоннымъ даннымъ о числѣ ходоковъ, которыя сведутся въ слѣдующую табличку:

Раіоны	Число ходоковъ по годамъ.					
	1895.	1896.	1897.	1898.	1899	1900 г. (первая полов.)
Сѣверно-черноземный .	2,255	5,658	4,850	5,686	16,377	12,363
Средне-черноземный .	835	1,991	1,543	2,052	8,811	11,128
Юго-западный . . .	63	223	545	984	1,625	2,570
Южный степной . . .	350	674	616	1,006	2,275	4,157
Восточн. и юго-восточн. .	1,009	1,204	720	10,664	13,670	3,288
Промышленный. . . .	246	481	586	1,315	495	1,069
Западный		1,133	6,762	9,404	4,419	11,458
Сѣверо-восточный . .		461	304	3,163	4,932	1,360
Сѣверо западный. . . .		18	31	105	128	281
Прибалтійскій		51	183	163	166	220
Сѣверный		12	7	26	122	182
Привислинскій		3	25	42	43	35

Возрастаніе ходачества замѣчается, такимъ образомъ, по всѣмъ безъ исключенія районамъ. Но въ то время какъ по районамъ среднечерноземному, юго-западному, южному степному и отчасти — сѣверночерноземному ходачество растетъ непрерывно, въ районахъ восточномъ съ юго-восточнымъ, промышленномъ, западномъ цифры ходачества, сохраняя ту-же общую тенденцію къ возрастанію, измѣняются болѣе или менѣе рѣзкими скачками. Въ оффиціальномъ изданіи канцеляріи комитета министровъ [1]), на основаніи сопоставленія погодныхъ абсолютныхъ чиселъ ходоковъ съ процентомъ самовольныхъ переселенцевъ въ непосредственно слѣдующіе годы, дѣлается тотъ выводъ, что «чѣмъ значительнѣе усиленіе ходачества, тѣмъ меньше въ слѣдующемъ году процентъ самовольнаго движенія и наоборотъ», — откуда получается то практическое заключеніе, что «правильная постановка ходачества должна стоять на первомъ планѣ въ заботахъ по урегулированію переселенческаго дѣла». Нисколько не возражая противъ вывода, мы должны однако замѣтить, что этотъ выводъ полученъ при помощи едва-ли вполнѣ правильнаго методологическаго пріема. Абсолютное число *ходоковъ* само по себѣ не можетъ дать представленія о степени развитія *ходачества*. Если одинъ районъ выпустилъ тысячу, а другой три тысячи ходоковъ, то изъ этого еще не будетъ слѣдовать, что ходачество во второмъ развито втрое сильнѣе, нежели въ первомъ: можетъ, въ самомъ дѣлѣ, оказаться, что первый выпустилъ на слѣдующій годъ, положимъ, всего 1,500 семей переселенцевъ, которые всѣ пошли на зачисленныя ходоками земли,--тогда какъ изъ второго вышло, можетъ быть, десять тысячъ семей, изъ коихъ половина переселялась безъ предварительной посылки ходоковъ. Вполнѣ точное представленіе о степени развитія *ходачества* могъ-бы дать только подсчетъ данныхъ о числѣ переселенцевъ, прошедшихъ въ Сибирь за ходоками, въ сопоставленіи съ общею цифрою прошедшихъ изъ даннаго района переселенцевъ. Но подобнаго рода данными мы располагаемъ только за 1895 и 1896 года, — и эти данныя не представляютъ особаго интереса, между прочимъ, и потому, что относятся ко времени, предшествующему мѣропріятіямъ правительства, направленнымъ къ поощренію ходачества Мы попытаемся поэтому сопоставить въ нижеслѣдующей табличкѣ погодныя числа ходоковъ изъ главнѣйшихъ районовъ выселенія съ цифрами вышедшихъ въ непосредственно слѣдующіе года переселенцевъ:

---

[1]) «Стат. данныя», предисл, стр. V.

Районы.	На каждыя сто переселенческихъ семей вышло ходоковъ въ непосредственно предшествовавшемъ году.				
	1895/6 [1]).	1896/7.	1897/8	1898/9	1899/900.
Сѣверно-черноземный	17	160	46	260	291
Средне-черноземный	11	103	61	117	139
Юго-западный	0	57	74	131	170
Южный степной	26	61	90	79	109
Восточный и юго-восточный . .	52	224	15	25	764
Промышленный . .	0	111	150	488	206
Западный . . .	7	97	192	437	121
Сѣверо-восточный . .	0	145	18	124	503
Прибалтійскій	—	8	102	104	61

Какъ легко убѣдиться, вычисливъ средній процентъ за первое трехлѣтіе и за послѣдніе два года, ходачество значительно развилось, въ общемъ, во всѣхъ безъ исключенія районахъ Если же сравнивать районы между собою, то по слабому развитію ходачества выдѣляются южныя степныя и прибалтійскія губерніи; немногимъ болѣе развито ходачество въ средне-черноземныхъ, а также въ юго-западныхъ губерніяхъ,—и такимъ образомъ область слабаго развитія ходачества охватываетъ всю южную и юго-западную половину черноземной полосы, т.-е. по преимуществу малороссійскія и новороссійскія губерніи, въ остальныхъ, по преимуществу великорусскихъ районахъ ходачество развито, въ общемъ, сильнѣе, причемъ однако крайне рѣзкія погодныя колебанія лишаютъ возможности войти по данному вопросу въ какія-либо дальнѣйшія подробности.

Однако, изложенные выводы могутъ быть приняты лишь съ существенными оговорками. Независимо отъ развитія, вообще, ходачества въ томъ или другомъ районѣ, отношеніе числа ходоковъ къ числу переселенцевъ можетъ опредѣляться еще двумя другими обстоятельствами: степенью относительнаго развитія ходачества семейнаго и группового— и степенью успѣшности произведенныхъ ходоками поисковъ. Въ самомъ дѣлѣ, отношеніе числа ходоковъ къ числу воспользовавшихся ихъ услугами семей будетъ, очевидно, совершенно различнымъ, смотря по тому, являлся-ли каждый ходокъ представителемъ одной только семьи или значительной группы семей; значительное развитіе группового ходачества будетъ, такимъ образомъ, дѣйствовать на разсматриваемыя относительныя цифры понижающимъ, безусловное преобладаніе семейнаго ходачества—повышающимъ образомъ. Вліяніе степени успѣшности поисковъ становится яснымъ при первомъ же взглядѣ на приведенныя въ табличкѣ цифры: въ большинствѣ случаевъ, число ходоковъ превышаетъ число семей, переселившихся въ слѣдующемъ году,—въ отдѣльныхъ случаяхъ въ три, пять и даже въ семь съ лишнимъ разъ. Между

[1]) Верхняя цифра—годъ выхода ходоковъ, нижняя—годъ выхода переселенцевъ; числа переселенцевъ за 1900 г. относятся къ 9 мѣсяцамъ этого года

тѣмъ ясно, что при сплошь удовлетворительныхъ результатахъ ходачества, число переселяющихся семей должно было бы превышать число прошедшихъ въ непосредственно предшествующемъ году ходоковъ; наблюдаемое по ряду районовъ обратное отношеніе ясно показываетъ, что весьма значительная часть ходоковъ возвращается безрезультатно,— и повышеніе или пониженіе относительныхъ цифръ для даннаго года или даннаго района можетъ быть отнесено, въ значительной мѣрѣ, на счетъ большей или меньшей успѣшности произведенныхъ ходоками поисковъ.

Остановимся теперь ближайшимъ образомъ на данныхъ объ относительномъ распространеніи *семейнаго* и *группового* ходачества. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ данными по этому вопросу только за 1896, 1898, 1899 годы и половину 1900 г. Данныя эти сведутся въ слѣдующую табличку:

Годы.	Число ходоковъ.		% ходоковъ отъ группъ.
	отъ семей.	отъ группъ семей.	
1896	11,482	428	3,6
1898	51,166	3,587	6,5
1899	50,912	2,161	4,1
1900	45,032	3,087	6,4

Такимъ образомъ семейное ходачество все время значительно преобладаетъ надъ ходачествомъ групповымъ, — и слѣдовательно неоднократно описывавшійся въ литературѣ типъ ходока — уполномоченнаго цѣлой деревни или артели переселенцевъ, иногда мірского радѣтеля, иногда—спекулянта, не стѣсняющагося, порою, даже сознательно вводить въ заблужденіе своихъ довѣрителей, представляетъ собою не общее правило, а исключеніе. Чтобы выяснить дѣйствительное значеніе группового ходачества, необходимо было-бы сопоставлять не число *ходоковъ*, а число *семей*, представленныхъ ходоками того или другого типа. Но данными о числѣ семей или душъ, стоящихъ за прослѣдовавшими въ Сибирь ходоками, мы располагаемъ за одинъ 1896 годъ, относительно котораго и можемъ сказать, что семьи, посылавшія семейныхъ ходоковъ, составляли 65,6%, а семьи, посылавшія ходоковъ группового типа— всего 34,4% общаго числа семействъ, прибѣгнувшихъ къ услугамъ ходоковъ. Обращаясь затѣмъ къ погоднымъ цифрамъ, мы видимъ прежде всего, что семейное ходачество значительно преобладало еще въ 1896 г., слѣдовательно, *до* правительственныхъ мѣръ, направленныхъ къ поощренію ходачества этого типа—обстоятельство, доказывающее, что семейное ходачество представляетъ собою явленіе, выработанное самою жизнью, и отнюдь не можетъ быть разсматриваемо какъ искусственный продуктъ законодательнаго или административнаго воздѣйствія. Мало того, это воздѣйствіе оказалось безсильнымъ привести къ искорененію или хотя бы даже ослабленію группового ходачества: процентъ групповыхъ ходоковъ

за послѣднее трехлѣтіе, когда дѣйствовали всѣ благопріятствующіе семейному ходачеству законы и распоряженія, не только не ниже, но наоборотъ—замѣтно выше, нежели въ 1896 году, когда ходачество было свободно отъ правительственнаго воздѣйствія. Обстоятельство это—думается намъ—показываетъ, что групповому ходачеству, при извѣстныхъ условіяхъ, принадлежитъ вполнѣ самостоятельная роль, изъ которой нѣтъ надобности стремиться вытѣснить его ходачествомъ семейнымъ: въ тѣхъ несомнѣнно нерѣдкихъ случаяхъ, когда цѣлая группа семей имѣетъ въ виду достаточно надежнаго ходока,—посылка артельнаго ходока всегда будетъ предпочитаться, такъ какъ, давая не худшій или даже лучшій (лучшій—потому что групповой ходокъ, располагая большими средствами, можетъ распространить свои поиски на гораздо большій районъ) результатъ, обойдется въ нѣсколько разъ дешевле, нежели посылка каждою семьею особаго ходока.

Нижеслѣдующая табличка даетъ затѣмъ процентъ ходоковъ отъ группъ семей по тѣмъ изъ отдѣльныхъ районовъ, откуда, вообще, выходило болѣе или менѣе значительное число ходоковъ.

Раіоны	Процентъ групповыхъ ходоковъ.			
	1896.	1898	1899	1900.
Сѣверно-черноземный	2,7	6,8	4,4	4,1
Средне-черноземный.	3,3	5,3	2,3	2.4
Юго-западный.	—	19,2	10,0	8,0
Южный степной.	8,6	13,5	15,4	23,2
Восточный и юго-восточный .	1,2	2,9	2,5	3,8
Промышленный	7,9	7,1	0,6	0,9
Западный	7,4	11,1	7,6	8,2
Сѣверо-восточный.	0,8	0,2	0,2	0

Изъ погодныхъ цифръ мы видимъ, прежде всего, что въ такихъ районахъ, какъ южный степной или восточный, групповое ходачество усиливается насчетъ ходачества семейнаго, — напротивъ, въ юго-западномъ, средне-черноземномъ и особенно промышленномъ районѣ замѣчается усиленіе семейнаго ходачества и сокращеніе группового. Оставляя затѣмъ въ сторонѣ эти колебанія во времени, видимъ, что степень распространенности того или другого типа ходачества въ различныхъ районахъ весьма различна: групповое ходачество почти отсутствуетъ въ сѣверо-восточномъ заволжскомъ раіонѣ (что, можетъ быть, объясняется близостью его къ Сибири и легкостью посылки семейныхъ ходоковъ) и очень слабо развито въ раіонахъ сѣверно- и средне-черноземномъ и восточномъ съ юго-восточнымъ, — словомъ, семейное ходачество имѣетъ безусловное и неизмѣненное преобладаніе во всей восточной и центрально-черноземной Россіи; напротивъ, групповое ходачество болѣе развито по всему западу и юго-западу—въ раіонахъ южномъ степномъ, юго-западномъ и западномъ. Для объясненія

этой разницы мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. Но мы не можемъ не отмѣтить, что къ числу раіоновъ съ преобладаніемъ группового ходачества принадлежатъ, между прочимъ, юго-западный и западный—раіоны съ исключительно или по преимуществу подворнымъ землевладѣніемъ, откуда слѣдуетъ, что распространенность группового ходачества не стоитъ—какъ можно было-бы ожидать по апріорнымъ соображеніямъ—въ связи съ общинными порядками и общинною формою землевладѣнія.

Посмотримъ теперь, *куда направлялись* зарегистрованные въ Челябинскѣ ходоки. Къ сожалѣнію, мы располагаемъ только за три года—1895, 1896 и 1898—соотвѣтственными данными, которыя и сведутся въ слѣдующую табличку [1]):

Куда направлялись ходоки.	Общее число ходоковъ, прошедшихъ въ Сибирь въ слѣдующіе годы.			Процентное распредѣленіе ходоковъ.		
	1895.	1896.	1898.	1895.	1896.	1898.
Въ Оренбургскую губ. .	2	16	1,356	0,0	0,1	2,1
» Тургайскую обл. . .	10	54	278	0,2	0,5	0,5
» Акмолинскую обл. .	1,674	2,598	6,677	35,2	21,8	12,3
» Семипалатинскую и Семирѣченскую обл..	89	159	278	1,9	1,4	0,5
» Тобольскую губ. . .	999	2,309	6,306	21,0	19,4	11,6
» Томскую губ.:						
на земли:						
казенныя.	299	1,276	5,595	6,3	10,8	10,3
кабинетскія.	1,295	3,332	15,794	27,2	27,9	29,0
безъ ближайшаго обозначенія.	192	1,134	3,860	4,0	9,6	7,1
» Енисейскую губ. . .	141	932	9,851	2,9	7,8	18,1
» Иркутскую губ. . .	52	92	3,233	1,1	0,8	5,9
» Забайкальскую, Амурскую и Приморскую область			754			1,4
» Безъ обозначенія . .	5	8	540	0,1	0,1	1,0
				100	100	100

[1]) Дополненіемъ къ этимъ даннымъ могутъ служить данныя о распредѣленіи ходоковъ, возвращающихся изъ Сибири. По этимъ даннымъ, которыми мы располагаемъ за все шестилѣтіе, изъ главнѣйшихъ колонизаціонныхъ раіоновъ возвращалось:

Годы.	Акмолинской области.	Тобольской губ.	Томской губ.		Енисейской губ.	Иркутской губерніи и Амур. края.
			Казенныя земли.	Кабинет. земли.		
1895	978	590	162	515	29	8
1896	1,346	1,239	824	1,677	293	3
1897	1,137	970	1,051		120	3
1898	3,378	3,354	4,563	12,088	6,624	496
1899	5,272	2,263	3,929	18,173	4,778	557
1900	4,846	2,038	5,701	8,703	5,440	1,579

Цифры 1899 и 1900 г., какъ легко убѣдиться, не колеблютъ выводовъ, сдѣланныхъ въ текстѣ по даннымъ за болѣе ранніе годы.

Въ приведенной табличкѣ обращаетъ на себя вниманіе громадный и притомъ возрастающій [1]) процентъ ходоковъ, направляющихся на кабинетскія земли Томской губерніи, въ Алтайскій округъ. Этотъ раіонъ вошелъ въ славу среди стремящихся къ переселенію крестьянскихъ массъ, въ значительной мѣрѣ, благодаря тому случайному обстоятельству, что въ теченіе болѣе нежели тридцати лѣтъ былъ единственною мѣстностью въ Сибири (если не считать трудно доступнаго дальняго Востока), куда давалось разрѣшеніе на переселеніе. Но свою притягательную силу Алтайскій округъ сохранилъ и по настоящее время, хотя возможность переселенія на казенныя земли Сибири открыта нынѣ шире, нежели въ Алтайскій округъ, и хотя переселенцы здѣсь не пользуются всѣми тѣми преимуществами, которыя имъ предоставляются при водвореніи на казенныхъ земляхъ. Ясно, что непрекращающееся стремленіе ходоковъ на Алтай является въ настоящее время результатомъ естественныхъ условій Алтайскаго округа, ставящихъ его въ колонизаціонномъ смыслѣ въ исключительно благопріятное, въ сравненіи съ другими мѣстностями Сибири, положеніе. Обращаясь затѣмъ къ другимъ раіонамъ и оставляя въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, которыхъ колонизація либо находится еще въ зародышѣ, либо происходитъ помимо сибирскаго желѣзнаго пути (Оренбургская губернія, области Тургайская, Семипалатинская и Семирѣчинская и Приамурскій край), отмѣтимъ, прежде всего, рѣзкое пониженіе процентныхъ цифръ, приходящихся на долю Акмолинской области и Тобольской губерніи: въ Акмолинскую область въ 1895 году прошло болѣе трети, въ 1898 году—уже всего только одна восьмая часть общаго числа ходоковъ, въ Тобольскую губернію, вмѣсто прежней пятой, въ 1898 году прошла всего одна девятая общаго числа ходоковъ [2]). Отмѣченное явленіе должно быть приведено въ связь, прежде всего, съ открытіемъ движенія по сибирской желѣзной дорогѣ: и Тобольская губернія, и Акмолинская область представляютъ собою ближайшіе къ Европейской Россіи колонизаціонные раіоны, гдѣ переселенцы—независимо отъ всякихъ другихъ условій—особенно охотно осѣдали въ виду неимѣнія или ради сбереженія средствъ, необходимыхъ для слѣдованія въ болѣе отдаленныя части Сибири. Обстоятельство это продолжаетъ вліять и въ настоящее время; но значительное удешевленіе проѣзда, связанное съ открытіемъ желѣзнодорожнаго движенія, не могло не привести къ замѣтному сокращенію собственно той доли ходоковъ, которая пріискивала земли въ Тобольской губерніи и Акмолинской области по недо-

[1]) Нѣкоторую, можетъ быть, случайную убыль дастъ, судя по даннымъ о возвращающихся ходокахъ, только 1900 годъ

[2]) Въ 1900 г. изъ возвращающихся ходоковъ на долю Акмолинской обл. пришлось около одной девятой, на долю Тобольской губ.—менѣе одной двадцатой.

статку средствъ для проѣзда въ болѣе удаленныя мѣстности. Еще сильнѣе должно было повлять въ данномъ случаѣ другое обстоятельство, на которомъ мы подробнѣе остановимся ниже,—именно истощеніе въ ближайшихъ къ желѣзной дорогѣ, а потому легко доступныхъ для ходоковъ и переселенцевъ уѣздахъ Тобольской губерніи и Акмолинской области колонизаціоннаго земельнаго фонда. Что̀ потеряли въ разсматриваемомъ отношеніи Тобольская губернія и Акмолинская область,—то почти цѣликомъ досталось на долю двухъ средне-сибирскихъ губерній—Енисейской и Иркутской: въ первую въ 1895 году направлялось всего 2,9%, въ 1896—7,8%, а въ 1898 году 18,1% или почти пятая часть всего ходаческаго движенія; Иркутской губерніи при сводкѣ данныхъ за 1895 и 1896 годы даже не выдѣляли отъ далѣе на востокъ лежащихъ частей Сибири, и на долю всей восточной Сибири приходилось всего около одного процента ходоковъ; въ 1898 году ходоки, направившіеся въ одну Иркутскую губернію, составляютъ уже 5,9%,—и такимъ образомъ на долю двухъ средне-сибирскихъ губерній приходится въ этомъ году уже почти четверть всего ходаческаго движенія [1]). Обстоятельство, опять таки, понятное: прежде всего, въ этихъ губерніяхъ лишь со времени учрежденія сибирскаго комитета начались землеотводныя работы. А затѣмъ, при прежнихъ первобытныхъ путяхъ сообщенія сколько-нибудь широкое развитіе переселенія въ эти губерніи, благодаря ихъ отдаленности, было невозможно; доступъ сюда переселенцамъ и ходокамъ открылся лишь со времени открытія желѣзнодорожнаго движенія, которое достигло Енисейской губерніи въ 1896, а Иркутской—въ 1898 году. Что̀ касается, наконецъ, до Томской губерніи, то и здѣсь замѣчается нѣкоторое усиленіе ходаческаго движенія: процентъ ходоковъ, въ 1895 году достигавшій 6,3%, въ 1896 году поднимается до 10,8% и затѣмъ держится приблизительно на томъ-же уровнѣ [2]). Опять-таки, совершенно понятно и то, почему и по Томской губерніи наступило нѣкоторое возрастаніе процента ходоковъ, и то, почему это возрастаніе не было особенно значительнымъ: возрастаніе было прямымъ слѣдствіемъ болѣе широкой постановки землеотводныхъ работъ и открытія желѣзнодорожнаго движенія; но оно не могло быть значительнымъ какъ потому, что лучшія мѣста въ раіонѣ казенныхъ земель Томской губерніи были уже ранѣе использованы и заселены, такъ и въ виду того обстоятельства, что переселенцы шли въ Томскую губернію, въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, по преимуществу водянымъ путемъ, на пароходахъ, а потому проѣздъ въ эту губернію,

[1]) Между возвращавшимися въ 1900 г. ходоками возвращавшіеся изъ Енисейской губ. составляли около одной восьмой, изъ Иркутской—около четырехъ процентовъ

[2]) По даннымъ о возвращающихся ходокахъ за 1899 и 1900 г. оно даже еще нѣсколько усиливается.

съ открытіемъ желѣзной дороги, далеко не въ той мѣрѣ облегчился и удешевился, какъ это имѣло мѣсто для средне-сибирскихъ губерній.

Первостепенно важнымъ представляется далѣе вопросъ,—*куда*, по преимуществу, *направляются ходоки изъ разныхъ районовъ* и полосъ Европейской Россіи. Относящіяся сюда данныя за трехлѣтіе 1895, 1896 и 1898 г.г. приведены въ нижеслѣдующей табличкѣ:

Изъ полосъ и районовъ.	Число ходоковъ, направлявшихся въ губерніи						
	Акмолинск. область	Тобольскую.	Томскую, на земли			Енисейскую.	Иркутскую и Амурскій край
			казенныя	кабинетскія	безъ обозначенія		
Изъ **черноземной** полосы . .	9,539	6,140	4,298	17,212	3,577	6,871	3,089
Въ томъ числѣ изъ районовъ:							
сѣвернаго.	3,390	4,157	3,260	10,829	2,293	5,008	716
средняго. . .	1,721	652	300	3,621	517	552	87
юго-западнаго . .	349	155	207	249	86	146	28
южнаго степного .	915	385	80	252	61	64	11
юго-восточнаго . . .	3,164	791	451	2,261	620	1,211	2,247
Изъ **нечерноземной** полосы .	962	3,226	2,678	3,066	1,520	3,762	915
Въ томъ числѣ изъ районовъ:							
промышленнаго . . .	122	409	362	382	227	159	117
западнаго.	649	2,485	1,924	1,111	831	3,321	163
сѣверо-западнаго . . .	123	115	29	47	12	20	27

Откуда получимъ слѣдующіе ряды процентныхъ отношеній:

Изъ полосъ и районовъ.	Изъ каждыхъ ста ходоковъ, вышедшихъ изъ отдѣльныхъ полосъ и районовъ, направилось въ губерніи						
	Акмолинскую	Тобольскую.	Томскую, на земли.			Енисейскую.	Иркутскую и Амурск. край.
			казенныя	кабинетскія	безъ обозначенія		
Изъ **черноземной** полосы . . .	17,6	11,3	7,9	31,7	6,6	12,7	5
Въ томъ числѣ изъ районовъ:							
сѣвернаго.	11,2	13,7	10,8	35,8	7,6	16,6	2
средняго.	21,5	8,1	3,7	45,2	6,4	6,9	1
юго-западнаго.	27,5	12,2	16,3	19,6	6,0	11,5	2
южнаго степного . . .	45,1	19,0	3,9	12,4	3,0	3,1	0
восточнаго и юго-восточнаго.	24,7	6,2	3,5	17,7	4,8	9,5	17
Изъ **нечерноземной** полосы	5,8	19,4	16,1	18,4	9,1	22,6	5
Въ томъ числѣ изъ районовъ:							
промышленнаго.	6,8	22,8	20,1	21,3	12,6	8,8	6
западнаго.	6,1	23,3	18,0	10,4	7,8	31,1	1
сѣверо-восточнаго	3,1	5,3	9,3	38,9	11,5	6,6	15

Итакъ, ходоки изъ черноземной полосы втрое сильнѣе, нежели ходоки изъ нечерноземной, стремятся въ степи Акмолинской области и почти вдвое сильнѣе—на кабинетскія земли Алтайскаго округа; напротивъ, ходоки изъ нечерноземной полосы гораздо охотнѣе идутъ въ губерніи Тобольскую и Енисейскую и на казенныя земли Томской губерніи. Если при этомъ имѣть въ виду, что изъ трехъ открытыхъ для

переселенія уѣздовъ Тобольской губерніи ходаческое движеніе 1898 г., наиболѣе повліявшее на общіе итоги, направлялось почти исключительно въ лѣсистый Тарскій уѣздъ, то окажется, что мѣстности, куда сравнительно охотнѣе шли ходоки изъ нечерноземной полосы, принадлежатъ почти сплошь къ лѣсной полосѣ западной и средней Сибири, суровыя климатическія условія которой, пугающія выходцевъ изъ черноземной полосы Европейской Россіа, не особенно страшны для выходцевъ изъ нечерноземной полосы, которыхъ, наоборотъ, привлекаетъ сюда обиліе лѣса. Нѣсколько неожиданны процентныя цифры по Иркутской губерніи, куда изъ ходоковъ черноземной полосы направился даже нѣсколько большій процентъ, нежели изъ нечерноземной,—но и эта аномалія находитъ себѣ,—какъ мы сейчасъ увидимъ,—весьма простое объясненіе.

Въ данныхъ о ходокахъ изъ отдѣльныхъ раіоновъ мы найдемъ, опять-таки, ясно выраженное соотвѣтствіе между естественными условіями раіоновъ выселенія и условіями мѣстностей, куда по преимуществу стремятся ходоки изъ этихъ раіоновъ. Особенно характерны цифры ходоковъ, направляющихся въ Акмолинскую область, представляющую собою, въ противоположность сибирскимъ губерніямъ, мѣстность съ вполнѣ однообразными, въ главнѣйшихъ чертахъ, естественными и хозяйственными условіями: чѣмъ южнѣе раіонъ выселенія и чѣмъ яснѣе выраженъ его степной характеръ, тѣмъ сильнѣе стремятся ходоки на степные участки Акмолинской области: изъ южнаго степного раіона въ эту область направляется почти половина, изъ трехъ среднихъ по географическому положенію раіоновъ черноземной полосы— около четверти, изъ сѣвернаго черноземнаго — около одной девятой, а изъ раіоновъ нечерноземной полосы въ Акмолинскую область идетъ уже совершенно незначительный процентъ ходоковъ. По сибирскихъ губерніямъ, говоря вообще, не замѣчается столь правильно выраженнаго соотвѣтствія, что также понятно, такъ какъ въ каждой губерніи имѣются мѣстности и степного, и лѣсного характера, и слѣдовательно губернія, какъ цѣлое, представляетъ удобства для выходцевъ изъ самыхъ разнообразныхъ раіоновъ Европейской Россіи. Въ видѣ общаго правила, однако, ходоки изъ раіоновъ, расположенныхъ южнѣе, менѣе охотно идутъ въ Тобольскую и Енисейскую губерніи и на казенныя земли Томской, нежели ходоки изъ среднихъ губерній, а эти послѣдніе—менѣе охотно, нежели ходоки изъ губерній нечерноземной полосы: это опять-таки потому, что заселеніе мѣстностей степного типа во всѣхъ трехъ губерніяхъ уже болѣе или менѣе закончено, такъ что для ходоковъ 1898 г.—цифры котораго оказали наибольшее вліяніе на общіе за трехлѣтіе итоги — оставались открытыми почти исключительно лѣсистыя мѣстности, мало привлекающія выходцевъ изъ южныхъ раіоновъ Европейской Россіи. То-же, говоря вообще, можно сказать и относительно

Иркутской губерніи,—и сюда, въ виду суроваго климата и лѣсистости заселяемыхъ земель, идутъ по преимуществу ходоки изъ нечерноземныхъ раіоновъ; рѣзко бросается въ глаза лишь высокій процентъ ходоковъ изъ одного черноземнаго раіона — восточнаго съ юго-восточнымъ, — но это исключеніе только подтверждаетъ общее правило: въ составъ этого раіона вошли такія разнообразныя губерніи, какъ Нижегородская или Симбирская, съ одной стороны, и Самарская или Саратовская—съ другой; и если обратиться къ погубернскимъ цифрамъ, то окажется, что изъ чисто степныхъ губерній, Саратовской и Самарской, изъ общаго за трехлѣтіе числа 6,145 ходоковъ, въ Иркутскую губернію прошло всего 84, тогда какъ изъ губерній Нижегородской и Симбирской, выславшихъ всего 4,027 ходоковъ, въ Иркутскую губернію прослѣдовало 1,691—42% общаго количества; и наоборотъ — въ Акмолинскую область изъ Самарской и Саратовской губерній прошло 2,732 ходока или 44,4%, а изъ Нижегородской и Симбирской—всего 154 человѣка или 3,8% общаго количества.

Обратимся теперь къ *результатамъ* ходаческаго движенія. Въ общихъ погодныхъ итогахъ эти результаты выразятся въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1895[1])	1896	1897.	1898.	1899.	1900.
Общее число возвращавшихся черезъ Челябинскъ ходоковъ.	2,436	7,009	14,459	38,869	38,966	42,306
Изъ нихъ:						
избрали и зачислили за собою землю.	1,382	2,637	4,072	12,524	11,420	12,231
возвратились съ пути . .	96	1,527	10,387	7,609	4,166	30,075
были на мѣстахъ, но не выбрали земли	993	2,845		18.737	23,380	

Что составляетъ въ процентахъ къ общему числу возвращавшихся черезъ Челябинскъ и подвергнутыхъ здѣсь опросу ходоковъ:

	1895[2])	1896.	1897.	1898.	1899.	1900.
Зачислившихъ за собою землю.	56,8	37,6	28,1	32,5	29,3	28,9
Возвратившихся съ пути . . .	4,0	21,8	71,9	19,6	10,7	70,1
Прочихъ не зачислившихъ. . .	40,7	40,6		47,9	60,0	

Цифры эти показываютъ довольно рѣзкое паденіе процента ходоковъ, зачислившихъ землю, и наоборотъ — возрастаніе процента случаевъ неудачнаго ходачества: еще въ 1895 году пріискало землю болѣе половины всѣхъ возвращавшихся черезъ Челябинскъ ходоковъ; въ

[1]) Въ «Цифровомъ матеріалѣ за 1895 годъ» для части возвращавшихся изъ Сибири ходоковъ результаты ходачества не обозначены; при выводѣ процента зачислившихъ и т п. эти ходоки нами исключены, такъ что за 100 принято число тѣхъ только ходоковъ, относительно которыхъ показаны результаты ходачества.

[2]) См. пред. выноску.

1896 году процентъ зачисленій уже немногимъ превышаетъ треть, а въ слѣдующіе четыре года колеблется въ такихъ тѣсныхъ предѣлахъ, какъ 28,1 и 29,3%, только въ 1898 году поднимаясь до 32,5%. Весьма неутѣшительнымъ является, затѣмъ, высокій, колеблющійся между одною десятою и одною четвертью [1]), процентъ ходоковъ, возвращающихся съ пути и слѣдовательно вовсе не успѣвшихъ непосредственно ознакомиться съ условіями водворенія на новыхъ мѣстахъ. Какъ видно изъ приводимыхъ ниже данныхъ о причинахъ неудачнаго ходачества, 20,9% общаго числа случаевъ возвращенія съ пути объясняются «неимѣніемъ разрѣшенія» на переселеніе и 13,2% несвободностью участковъ, на которыхъ ходоки имѣли въ виду зачислиться, о чемъ они, по всей вѣроятности, узнавали на переселенческихъ пунктахъ; затѣмъ 27,2% всѣхъ случаевъ возвращенія съ пути объясняется неимѣніемъ средствъ для дальнѣйшаго слѣдованія и 24,8% всѣхъ случаевъ—причинами, которыя либо остались невыясненными, либо отнесены въ категорію «случайныхъ», причемъ преобладающее большинство случаевъ послѣдняго рода приходится на счетъ вліянія «слуховъ обратныхъ»: такъ, въ 1898 г. изъ общаго числа 7,572 переселенцевъ, возвратившихся съ пути, подъ вліяніемъ разсказовъ обратныхъ переселенцевъ повернуло назадъ 1,798 человѣкъ; наконецъ, нѣкоторое число случаевъ остается на долю такихъ причинъ, какъ плохая почва, недостатокъ лѣса, недостатокъ воды и т. п.,—обстоятельства, о которыхъ ходоки, не достигшіе до мѣста, тоже могли, очевидно, знать только по наслышкѣ.

Мы совершенно согласны съ составителемъ «Колонизаціи Сибири» въ общей оцѣнкѣ значенія неудачныхъ ходачествъ. «Если — читаемъ мы на стр. 170 названной книги—такое возвращеніе ходоковъ можетъ на первый взглядъ казаться связаннымъ съ непроизводительнымъ расходомъ по передвиженію ихъ въ Сибирь и обратно, то нельзя упускать изъ виду, что ходоки оказываютъ самое благотворное вліяніе не только на свои семьи, но и вообще на односельчанъ, предупреждая неудачныя выселенія и сопряженное съ ними разореніе переселяющихся». Но едва-ли этотъ оптимистическій взглядъ приложимъ къ случаямъ возвращенія ходоковъ съ пути, которые, очевидно, приходится признать прискорбнымъ, хотя, можетъ быть, и неустранимымъ явленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ: такіе ходоки, очевидно, только понапрасну тратятъ время и средства, и обиліе случаевъ, когда ходоки возвращаются домой подъ вліяніемъ слуховъ обратныхъ или такихъ обстоятельствъ (неимѣніе разрѣшенія, недостатокъ средствъ), значеніе которыхъ должно было бы быть имъ извѣстно прежде, чѣмъ пускаться въ путь, показываетъ, что «сознательность» современнаго переселенческаго движенія является лишь очень относительною.

[1]) По не совсѣмъ полнымъ даннымъ за 1897 годъ.

Приведемъ теперь, въ процентахъ, данныя о результатахъ ходачества отдѣльно по каждому изъ крупнѣйшихъ раіоновъ поселенія.

Губерніи и области.	Процентъ ходоковъ, зачислившихъ землю:						
	1895.	1896.	1897.	1898.	1899.	1900.	Итого за 1895/6 и 1899/900 годы.
Акмолинская	65,4	35,5	28,1	15,4	22,4	22,4	24,3
Тобольская	65,3	54,9	55,3	43,5	39,5	47,7	46,3
Томская, земли:							
казенныя	64,2	51,1	34,4	47,7	44,1	48,9	47,7
кабинетскія	57.3	53,4		35,5	29,3	29,3	31,6
Енисейская	(6,9)	42,6	30,3	58,4	54,2	47,5	51,6
Иркутская	(11,1)	(100)	(0)	18,1	47,6	67,5	49,3
Забайкалье и Амурскій край					(27,0)	48,2	

Процентъ случаевъ удачнаго ходачества такимъ образомъ какъ-бы обратно пропорціоналенъ размѣрамъ наплыва ходоковъ въ тотъ или другой раіонъ; въ наиболѣе популярныхъ колонизаціонныхъ раіонахъ пріискали и зачислили за собою землю: въ Алтайскомъ округѣ — менѣе трети, въ Акмолинской области — даже менѣе четверти общаго числа ходоковъ; напротивъ, по казеннымъ землямъ Томской губерніи и по губерніямъ Тобольской и Иркутской [1]) процентъ случаевъ удачнаго ходачества почти достигаетъ половины, по Енисейской губерніи — даже превышаетъ половину общаго числа ходоковъ. Затѣмъ, изъ погодныхъ цифръ оказывается, что по Акмолинской области процентъ удачныхъ ходачествъ, еще въ 1895 году составлявшій почти двѣ трети, въ слѣдующемъ году падаетъ уже до трети съ небольшимъ, къ 1898 году понижается до 15,4%, а въ слѣдующіе два года держится на 22,4%, т. е. немногимъ превышаетъ одну пятую часть общаго числа ходоковъ; почти столь-же рѣзкое пониженіе процента удачныхъ ходачествъ замѣчается и по Алтайскому округу: здѣсь въ 1895 и 1896 гг. пріискало землю болѣе половины, въ 1898 году съ небольшимъ треть, въ 1899 и 1900 гг. — менѣе трети общаго числа ходоковъ. Чѣмъ объясняется такая возрастающая безрезультатность ходачества въ Акмолинскую область и Алтайскій округъ, станетъ ясно, когда мы разсмотримъ данныя о причинахъ неуспѣшнаго ходачества; пока же намъ достаточно констатировать тотъ фактъ, что именно по Алтайскому округу, наиболѣе популярному изъ всѣхъ вообще раіоновъ поселенія, и по Акмолинской области, наиболѣе привлекающей выходцевъ изъ южныхъ губерній Европейской Россіи, приходится считаться съ рѣзко возрастающею трудностью пріисканія и зачисленія земли. По отношенію къ Алтайскому округу это обстоятельство (если не считать объясняемаго административнымъ воздѣйствіемъ сокращенія числа ходоковъ въ 1900 г.) еще не отразилось на размѣрахъ ходаческаго движенія; но по Акмолинской области — какъ мы уже видѣли выше — движеніе ходоковъ рѣзко сокра-

[1]) Процентъ для этой послѣдней выведенъ вмѣстѣ съ Амурскимъ краемъ; число ходоковъ, возвращающихся изъ этого послѣдняго, очень незначительно.

тилось, въ полномъ параллелизмѣ съ убылью процента успѣшныхъ ходачествъ, и слѣдовательно здѣсь—какъ можно думать—ходачество уже начало оправдывать возлагавшіяся на него надежды. Нѣкоторая убыль процента удачныхъ ходачествъ замѣчается и по раіону казенныхъ земель Томской губерніи, и по Тобольской губерніи: процентъ ходоковъ, зачислившихъ землю, составлялъ въ 1895 году, по названнымъ двумъ раіонамъ, 64,2% и 65,3%, а въ 1898 — 1900 гг. колеблется для перваго изъ нихъ между 44,1 48,9, для второго между 39,5 и 47,7%,—но эта убыль гораздо менѣе рѣзка, и вѣроятность успѣха поисковъ земли для ходоковъ ближайшаго времени сравнительно еще достаточно благопріятна. Наконецъ по Енисейской губерніи, куда ходоки начали стремиться лишь въ самые послѣдніе годы, въ общемъ за шестилѣтіе не замѣчается убыли процента ходоковъ, зачислившихъ землю; въ 1898 году процентъ этотъ даже значительно выше, нежели во всѣ предшествующіе годы, и вмѣстѣ съ тѣмъ выше, нежели по остальнымъ колонизаціоннымъ раіонамъ Сибири, — и это понятно: проникавшіе въ Енисейскую губернію, вначалѣ болѣе или менѣе случайные ходоки могли быть разборчивыми, такъ какъ въ Западной Сибири имѣлся еще непочатый уголъ свободныхъ земель. Начавшееся въ 1897 и особенно 1898 г. массовое движеніе ходоковъ въ Енисейскую губернію было вызвано именно истощеніемъ запаса доброкачественныхъ участковъ въ Западной Сибири; въ Енисейской губерніи въ это время какъ работы по заготовленію участковъ, такъ и самое заселеніе ихъ только-что начинались, и потому въ участки замежевывались наилучшія земли, а ходоки имѣли выборъ между наилучшими изъ образованныхъ участковъ. Однако, довольно ограниченный запасъ такихъ участковъ былъ весьма быстро исчерпанъ, а потому уже со слѣдующаго 1899 года начинается и въ Енисейской губерніи убыль — пока, впрочемъ, довольно медленная — процента случаевъ успѣшнаго ходачества.

Интересенъ, далѣе, вопросъ, зависятъ-ли результаты ходачества отъ мѣстъ выхода ходоковъ. Въ нижеслѣдующей табличкѣ приведены процентныя цифры, способныя дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, къ сожалѣнію, впрочемъ, только за два года, 1895 и 1896, такъ какъ за слѣдующіе годы соотвѣтствующія данныя еще не опубликованы:

Ходоки изъ полосъ и раіоновъ:	Изъ каждыхъ ста ходоковъ приискали и зачислили землю въ губерніяхъ:				
	Акмолинской области.	Тобольской губерніи.	Томской, на земляхъ:		Енисейской
			казен.	хабит.	
Черноземной полосы:	43,1	58,7	53,9	54,3	23,5
Раіоновъ сѣвернаго.	33,1	55,1	53,4	53,0	41,3
» средняго.	54,4	63,7	55,8	64,0	46,7
» юго-западнаго. . . .	37,3	61,9	(46,7)	(70,0)	14,3
» южнаго степного . . .	52,7	57,2	56,9	31,5	83.3
» восточн. и юго-вост. . .	48,3	73,2	54,8	46,6	48,6
Нечерноземной полосы:	44,0	55,5	50,0	55,9	28,9
Раіоновъ промышленнаго. . . .	8,7	59,1	42,9	50,0	20,0
» западнаго.	66,7	56,5	54,9	53,5	28,9
» сѣверо-восточнаго. . .	35,7	48,1	43,7	62,1	40,0

Въ приведенныхъ цифрахъ мы не можемъ отыскать какой-либо закономѣрности: колебанія процента ходоковъ, пріискавшихъ и зачислившихъ землю въ разныхъ губерніяхъ, не стоятъ, повидимому, ни въ какой связи съ естественными условіями раіоновъ выселенія. Мы думаемъ, что это обстоятельство должно быть отнесено на счетъ незначительности абсолютныхъ цифръ, изъ которыхъ вычислены приведенныя процентныя отношенія: за оба года вмѣстѣ было подвергнуто опросу при возвращеніи изъ Сибири всего 9,445 ходоковъ, а при такомъ незначительномъ числѣ большее или меньшее преобладаніе среди той или другой группы удачныхъ или, наоборотъ, неудачныхъ ходачествъ легко могло быть результатомъ случайныхъ обстоятельствъ, замаскировавшихъ вліяніе интересующаго насъ существеннаго признака.

По вопросу *о причинахъ безрезультатности ходачества* имѣются опросныя данныя за четырехлѣтіе 1895—1898 г.г. Данныя эти сведены въ нижеслѣдующей табличкѣ:

Причины безрезультатности ходачества:	Число ходоковъ, возвратившихся безъ удовлетворительнаго результата, по годамъ:			
	1895.	1896.	1897.	1898.
Неимѣніе разрѣшенія	310	2,103	1,698	2,302
Участокъ занятъ или не разрѣшенъ, недозволеніе приписки	171	446	999	6,315
Недостатокъ средствъ въ пути	42	491	1,589	2,472
Недостатокъ средствъ для обзаведенія на новомъ мѣстѣ	4	3	—	2,959
Дорогіе пріемные приговоры	43	229	231	3,342
Неудобства почвы	18	139	124	1,363
Недостатокъ воды	44	258	426	871
Недостатокъ лѣса	21	34	90	330
Суровый климатъ, невызрѣваніе хлѣбовъ, мошка, удаленность и т. п.	30	85	139	1,028
Причины случайныя или необозначенныя	370	580	1,316	2,249

А по приведеніи этихъ абсолютныхъ цифръ въ процентныя отношенія получатся слѣдующія величины:

Причины безрезультатности:	На каждые сто случаевъ безрезультатнаго ходачества приходится на долю отдѣльныхъ причинъ, въ годы:			
	1895.	1896.	1897.	1898.
Неимѣніе разрѣшенія	29,4	48,2	25,7	9,9
Несвободность участка, неразрѣшеніе приписки	16,2	10,2	15,1	27,2
Недостатокъ средствъ въ пути	4,0	11,2	24,0	10,6
Тоже для обзаведенія на мѣстѣ	0,4	0,1	—	12,7
Дорогіе пріемные приговоры	4,1	5,2	3,5	14,4
Неудобство почвы	1,8	3,2	1,9	5,9
Недостатокъ воды	4,2	5,9	6,4	1,2
Отсутствіе лѣса	2,0	0,8	1,4	1,4
Суровый климатъ и т. п.	2,9	1,9	2,1	4,4
Случайныя и необозначенныя причины	36,1	13,3	19,9	9,7

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе весьма незначительный въ 1898 году, сравнительно съ предыдущими годами, процентъ ходоковъ, возвратившихся безъ результата благодаря отсутствію законнаго разрѣшенія на переселеніе. Такъ какъ процентъ самовольныхъ или не запасшихся ходаческими свидѣтельствами ходоковъ въ 1898 году (39%) былъ хотя и ниже, чѣмъ въ 1896, но значительно выше, чѣмъ въ 1897 году (27%), то такое рѣзкое пониженіе процента безрезультатности по отсутствію разрѣшенія можетъ быть объяснено лишь болѣе мягкимъ, въ послѣдніе годы, отношеніемъ администраціи къ самовольному ходачеству. Весьма любопытны далѣе колебанія процента случаевъ безрезультатности по недопущенію приписки (къ старожильскому обществу или сполна заселенному переселенческому поселку) или по несвободности участка, другими словами — по невозможности устроиться въ той мѣстности, которую ходоки признали соотвѣтствующей ихъ требованіямъ и вкусамъ: случаи подобнаго рода составляли въ 1895 году около одной шестой части, въ слѣдующемъ 1896 году уже только одну десятую; затѣмъ они опять учащаются, и въ 1898 году процентъ случаевъ неудачи ходачества, по невозможности устроиться въ облюбованной мѣстности, превышаетъ уже четверть общаго числа случаевъ безуспѣшнаго ходачества. И это совершенно понятно: въ первые годы организованныхъ сибирскимъ комитетомъ землеотводныхъ работъ участки отводились въ раіонахъ, наиболѣе отвѣчающихъ требованіямъ переселенцевъ, и въ такомъ большомъ количествѣ, что ходоки, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, имѣли полную возможность зачислять землю тамъ, гдѣ имъ нравилось. Но скоро запасъ участковъ въ такихъ раіонахъ оказался болѣе или менѣе исчерпаннымъ, работы по образованію участковъ передвинулись въ менѣе привлекательные раіоны — ходоки же, по прежнему, продолжали искать мѣстъ въ облюбованныхъ ранѣе раіонахъ, и многіе изъ нихъ, не находя здѣсь свободной земли, не шли дальше, а возвращались домой съ пустыми руками. Въ то-же самое время ходаческое движеніе проникало и въ мѣстности съ менѣе благопріятными почвенными и климатическими условіями,—и это имѣло своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ замѣтное — особенно въ 1898 г. — возрастаніе процента ходоковъ, на зачисливщихъ земли по неудобству почвы или по суровости климата. Напротивъ, процентъ случаевъ безрезультатности по недостатку воды значительно уменьшается, процентъ же случаевъ безрезультатности по недостатку лѣса, хотя въ общемъ и не уменьшается, но и не возрастаетъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что переселенческое движеніе въ послѣднее время направляется по преимуществу въ лѣсные раіоны, гдѣ о недостаткѣ лѣса не можетъ быть рѣчи; тѣмъ-же обстоятельствомъ, до нѣкоторой степени, объясняется и сокращеніе случаевъ безрезультатности по недостатку воды, потому что вопросъ о водоснабженіи въ

лѣсныхъ раіонахъ имѣетъ, въ общемъ, гораздо менѣе острый характеръ, нежели въ степной полосѣ Сибири; немаловажное значеніе имѣли здѣсь, можно думать, и предпринятыя на средства сибирскаго комитета работы по обводненію переселенческихъ участковъ. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что возрастаніе абсолютнаго и относительнаго числа случаевъ безрезультатнаго ходачества по несвободности облюбованнаго участка, плохой почвѣ, суровости климата и т. п., являются болѣе или менѣе яснымъ показателемъ наступающаго пресыщенія переселенцами колонизуемыхъ въ настоящее время раіоновъ Сибири; такимъ-же показателемъ является рѣзкое возрастаніе, въ 1898 году, числа случаевъ безуспѣшности ходачества вслѣдствіе дороговизны пріемныхъ приговоровъ—причина, имѣющая впрочемъ, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, главнымъ образомъ мѣстное значеніе: при значительномъ земельномъ просторѣ пріемъ въ старожильскія общества обходится переселенцамъ весьма дешево, а повышеніе платы за пріемные приговоры является непремѣннымъ спутникомъ наступающаго земельнаго утѣсненія. Мѣстное-же по преимуществу значеніе имѣетъ и недостатокъ средствъ для обзаведенія на новомъ мѣстѣ [1]); это обстоятельство находится въ тѣснѣйшей связи съ дороговизною пріемныхъ приговоровъ, а потому чрезвычайно рѣзкое, въ 1898 году, возрастаніе числа случаевъ неуспѣшнаго ходачества по этой причинѣ, несомнѣнно, является также доказательствомъ колонизаціоннаго пресыщенія Сибири.

Вліяніе отдѣльныхъ причинъ безрезультатнаго ходачества по отдѣльнымъ губерніямъ и областямъ Сибири выразится въ процентахъ изъ данныхъ за четырехлѣтіе 1895—1898 г.г. [2]) въ нижеслѣдующей табличкѣ:

Причины безрезультатности ходачества:	Изъ ста случаевъ безрезультатнаго ходачества приходится на долю отдѣльныхъ причинъ у ходоковъ, возвращающихся изъ губерній и областей:						
	Акмолинской.	Тобольской.	Томской.		Енисейской.	Иркутской.	Съ пути.
			казенн. земли.	кабин. земли.			
Неимѣніе разрѣшенія	36,1	21,2	13,5	4,7	12,1	11,6	20,9
Участокъ занятъ или не разрѣшенъ, недопущеніе приписки	44,4	43,7	45,7	5,6	33,1	1,8	13,2
Недостатокъ средствъ въ пути.	0,9	1,3	0,2	0,3	0,9	1,1	27,2
Тоже для обзаведенія на мѣстѣ	0,3	4,2	5,8	34,0	4,3	4,2	—
Дорогіе пріемн. приговоры. . .	0,6	2,1	7,9	43,1	2,1	0,5	0,7
Неудобство почвы	0,7	7,3	7,9	3,0	27,1	28,3	0,6
Недостатокъ воды	6,3	8,1	5,7	1,9	2,3	0,2	0,0
Отсутствіе лѣса	2,5	2,5	2,4	1,3	1,5	0,3	0,3
Суровый климатъ, мошка и т. п..	0,5	2,1	4,9	1,6	10,2	45,2	3,3
Причины необознач. и случайн..	5,7	5,8	5,1	3,7	5,0	5,2	24,8

[1]) О недостаткѣ средствъ для продолженія пути была рѣчь выше, почему здѣсь мы уже не будемъ останавливаться на этомъ обстоятельствѣ.

[2]) По Томской губ. безъ 1897 года, потому что въ матеріалахъ на этотъ годъ казенныя волости не выдѣлены отъ кабинетскихъ.

Рѣзко бросаются въ глаза, прежде всего, данныя по Алтайскому округу: здѣсь почти четыре пятыхъ общаго числа случаевъ безрезультатнаго ходачества приходятся на долю двухъ группъ причинъ, которыя по всѣмъ остальнымъ колонизаціоннымъ раіонамъ не играютъ существенной роли: дороговизны пріемныхъ приговоровъ, обусловившей 43,1%, и недостатка средствъ на устройство хозяйства, вызвавшаго 34,0% всѣхъ случаевъ безрезультатнаго ходачества; напротивъ, неимѣніе разрѣшенія и несвободность участка даютъ лишь небольшое, а неблагопріятныя естественныя условія—совсѣмъ ничтожное число случаевъ неуспѣшнаго ходачества. И это понятно: о неудобствѣ почвы, суровости климата въ этомъ переселенческомъ эльдорадо не можетъ быть и рѣчи; не имѣетъ значенія и вопросъ о свободности участковъ, такъ какъ главная масса переселенцевъ водворяется на Алтаѣ въ старожильскихъ селеніяхъ,—причемъ не играетъ особенной роли и такое обстоятельство, какъ отсутствіе законнаго разрѣшенія на переселеніе. Результаты ходачества всецѣло зависятъ здѣсь, поэтому, отъ того, удастся ли ходоку получить пріемный приговоръ, или нѣтъ, и болѣе двухъ пятыхъ всѣхъ случаевъ безрезультатнаго ходачества прямо объясняются дороговизною приговоровъ—этимъ признакомъ начинающагося и на Алтаѣ «утѣсненія». Болѣе трети случаевъ объясняется „недостаткомъ средствъ“; но это выраженіе, несомнѣнно, имѣетъ здѣсь условное значеніе: недостатокъ средствъ для обзаведенія самъ по себѣ можетъ служить объясненіемъ обратнаго *переселенія*, но никакъ не безрезультатнаго *ходачества*,—и притомъ въ такомъ богатомъ краѣ, какъ Алтай, съ его сравнительно хорошими заработками, дѣйствительный «недостатокъ средствъ» можетъ играть меньшую роль, нежели гдѣ-бы то ни было; ссылка на «недостатокъ средствъ» является въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь замаскированнымъ указаніемъ на дороговизну пріемныхъ приговоровъ: большія суммы, которыя пришлось-бы заплатить за пріемъ, поглотили бы тѣ средства, которыми довѣрители ходока могли-бы располагать для первоначальнаго обзаведенія,—и въ этомъ именно смыслѣ «недостатокъ средствъ» и побуждаетъ ходоковъ отказаться отъ мысли о водвореніи на Алтаѣ.

Въ Акмолинской области четыре пятыхъ всѣхъ случаевъ безуспѣшнаго ходачества обусловливаются двумя другими группами причинъ; неимѣніемъ разрѣшенія (36,1%) и несвободностью участка или недопущеніемъ приписки къ поселкамъ (44,4%),—причемъ случаи, объясняемые причинами послѣдняго рода, въ 1895 и 1896 г.г. составляли здѣсь всего около одной пятой (22,5% и 21,3%) въ 1898 году—уже болѣе половины (55,4%) общаго числа случаевъ безрезультатнаго ходачества; замѣтный процентъ случаевъ объясняется недостаткомъ воды и отсутствіемъ лѣса,—всѣ же остальныя группы причинъ представлены, каждая, менѣе, нежели однимъ процентомъ случаевъ; въ частности, ссылокъ на плохія

почвенныя условія или суровый климатъ не встрѣчается вовсе, и слѣдовательно въ этомъ отношеніи Акмолинская область болѣе, нежели какой-либо другой колонизаціонный раіонъ—ни исключая даже Алтая—удовлетворяетъ требованіямъ ходоковъ Наибольшій и притомъ все растущій — въ 1898 году болѣе половины — процентъ случаевъ безуспѣшнаго ходачества обусловливается, такимъ образомъ, исключительно невозможностью заготовить новые участки въ количествѣ, соотвѣтствующемъ спросу, и переполненіемъ ранѣе отведенныхъ участковъ; съ тою же причиною тѣсно связаны и ссылки на «отсутствіе законнаго разрѣшенія»: самовольные переселенцы получаютъ землю лишь «по возможности»,—если остается свободная земля за устройствомъ всѣхъ легальныхъ переселенцевъ,—и такой «возможности», очевидно, не будетъ при общемъ недостаткѣ предназначенныхъ для заселенія земель.

Несвободность участковъ (43,7 и 45,7%) является основною причиною безрезультатнаго ходачества также и по Тобольской губерніи и раіону казенныхъ земель Томской губерніи; за нею слѣдуетъ также отсутствіе разрѣшенія (21,2 и 13,5%),—но наряду съ этими причинами замѣтная роль принадлежитъ здѣсь уже и причинамъ другого рода: недостатку воды (8,1 и 5,7%), неудобству почвы (7,3 и 7,9%), суровости климата (2,1 и 4,9%), въ Томской губерніи—и дороговизнѣ пріемныхъ приговоровъ (7,9%). Другими словами, и въ этихъ губерніяхъ есть мѣстности, гдѣ наплывъ ходоковъ превышаетъ наличный запасъ свободныхъ земель; но въ этихъ губерніяхъ обнаруживающееся пресыщеніе лучшихъ по естественнымъ условіямъ раіоновъ заставляетъ ходоковъ направлять свои поиски въ раіоны менѣе благопріятные по естественнымъ условіямъ, гдѣ выступаютъ на первый планъ уже такія условія, какъ непригодность почвы, суровость климата или недостаточность водоснабженія. Приблизительно сходныя условія мы видимъ по Енисейской губерніи: и здѣсь до трети случаевъ безрезультатнаго ходачества обусловлено несвободностью участковъ, около одной восьмой—отсутствіемъ разрѣшенія,—другими словами, до половины общаго числа случаевъ является уже результатомъ переполненія переселенцами такихъ раіоновъ, которые по естественнымъ условіямъ для нихъ вполнѣ привлекательны. Но по Енисейской губерніи гораздо болѣе видную роль играютъ причины совершенно другого порядка—непригодность почвы (27,1%) и суровость климата (10,1%), откуда само собой напрашивается заключеніе, что въ Енисейской губерніи значительно больше участковъ, по естественнымъ условіямъ не удовлетворяющихъ требованіямъ ходоковъ, нежели въ губерніяхъ Западной Сибири, другими словами,—что расширеніе колонизаціонной площади за предѣлы уже пресыщенныхъ раіоновъ встрѣчается здѣсь съ гораздо бо̀льшими затрудненіями. И наконецъ, въ Иркутской губерніи почти три четверти общаго числа случаевъ неуспѣш-

наго ходачества—результатъ непригодности почвы (28,8%) и особенно—суровости климата (45,2%),—и лишь совершенно ничтожное число случаевъ объясняется несвободностью участка: переселеніе въ Иркутскую губернію только-что началось и происходитъ въ настолько незначительныхъ размѣрахъ, что объ отсутствіи свободныхъ участковъ здѣсь пока не можетъ быть и рѣчи; если, тѣмъ не менѣе, процентъ ходоковъ, зачислившихъ землю, по Иркутской губерніи меньше, нежели гдѣ-бы то ни было, то это—прямой результатъ естественныхъ условій, дѣлающихъ образуемые въ Иркутской губерніи участки мало привлекательными для переселенцевъ.

Въ полномъ параллелизмѣ съ данными о направленіи и результатахъ ходачества находятся данныя о *направленіи движенія переселенческихъ семей*. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводятся данныя о числѣ переселенческихъ семей, прослѣдовавшихъ въ ту или другую мѣстность обширнаго раіона вселенія, и отдѣльно—данныя о числѣ прошедшихъ въ отдѣльныя мѣстности самовольныхъ переселенцевъ.

Прошли въ губерніи и области.	1895. Всего прошло семей.	1895. Изъ нихъ самовольныхъ.	1896. Всего семей.	1896. Изъ нихъ самовольныхъ.	1897. Всего семей.	1897. Изъ нихъ самовольныхъ.	1898 Всего семей	1898 Изъ нихъ самовольныхъ.	1899 1900. Всего семей.	Всего за 1895, 1896, 1898 и 1900 года.	Въ томъ числѣ за 1895, 1896 и 1898 г.г. Всего семей.	Въ томъ числѣ за 1895, 1896 и 1898 г.г. Изъ нихъ самовольныхъ.
Оренбургск. и Тургайскую.	7	4	33	24	120	64	600	399	1,912	1,562	4,114	640	427
Акмолинскую.	3,662	1,509	7,214	3,057	2,098	1,338	3,223	2,234	4,499	3,947	22,545	14,099	6,790
Семипалатин. и Семирѣченск.	347	61	275	256	74	43	164	139	734	483	2,003	786	521
Тобольскую. .	3,402	518	6,792	3,447	2,320	906	2,903	622	1,627	1,517	16,241	13,097	4,587
Томскую, на земли:													
казенныя. .	1,611	130	4,026	1,384			3,300	573	2,868	2,855	14,660	8,937	2,087
кабинетскія.	3,311	1,289	6,117	3,019	4,559	1,368	9,453	5.040	12,620	8.385	39,886	18,881	9,348
безъ обозначен.	138	30	842	382			428	382	310	101	1,819	1,408	794
Енисейскую. .	981	63	2,997	852	829	341	2,635	513	2,942	3,144	12,699	6,613	1,428
Иркутскую. .	6	6	26	12	29	27	188	153	329	371	920	220	171
Забайкальск. .	—	—	—	—	1	1	27	26	86	57	171	28	27
Амурскую. . .	229	33	299	24	173	14	434	54	215	805	1,982	962	111
Приморскую. .	12	3	10	7	10	—	17	6	68	825	932	39	16
Якутскую. . .	—	—	—	—	—	—	—	—	?	?	?	?	?
Всего . .	13,706	3,646	28,631	12,464	10,287	4,131	23,879	10,572	28,226	24,064	118,506	66,216	26,682

А по переводѣ приведенныхъ абсолютныхъ чиселъ въ процентныя отношенія получатся слѣдующіе ряды цифръ:

Губерніи и области.	% общаго числа переселенцевъ, прошедшихъ въ Сибирь.							На 100 переселенцевъ, прошедшихъ въ данную губернію или область, было самовольныхъ:					% распредѣленія переселенцевъ по направленію въ 1885—93 гг. [1]).		
	1895.	1896.	1897.	1898.	1899.	1900.	Итогъ за 1895—1896, 1898-900 гг.	1895.	1896.	1897.	1898	Итогъ 1895, 1896 и 1898 г.г.	Пятилѣтіе 1885-1889 гг.	Четырехлѣтіе 1890—1893 гг	Итого за 9 лѣтъ 1885—1893 гг.
Оренбургская и Тургайская. . .	0,1	0,1	1,2	2,5	6,7	6,5	3,5	(57,1)	(72,7)	(53,3)	(66,5)	66,8	—	—	—
Акмолинская. . .	26,7	25,2	20,4	13,5	15,9	16,4	18,6	41,2	42,3	60,9	69,4	48,2	1,3	1,3	1,3
Семипалатинская и Семирѣченская .	2,5	1,0	0,7	0,7	2,6	2,0	1,7	(17,6)	(93,1)	(58,1)	85,8	66,3	2,0	4,5	3,8
Тобольская .	25,0	23,7	22,5	12,1	5,7	6,3	13,7	8,1	50,8	39,0	21,1	35,0	8,6	7,9	8,0
Томская, земли:															
казенныя . . .	11,8	14,1		13,8	10,2	11,8	12,3	15,2	34,4		17,4	23,9	14,8	5,0	7,7
кабинетскія . .	24,2	21,4	45,3	39,5	44,7	34,8	33,7	38,9	49,4	30,0	53,3	49,4	56,6	70,1	66,7
безъ обозначенія.	1,0	2,9		1,8	1,1	0,4	1,5	21,9	45,4		89,2	56,3	—	—	—
Енисейская . . .	7,2	10,5	8,0	11,5	10,4	13,9	10,7	6,4	28,4	41,0	19,5	21,6	8,6	7,3	7,6
Иркутская . . .	0,0	0,0	0,3	0,8	1,2	1,5	0,8	(100)	(45,9)	(93,1)	81,4	77,7	0,0	0.0	0,0
Забайкальская. .	—	—	0,0	0,1	0,3	0,2	0,1	—	—	(100)	(96,3)	96,4			
Амурская. . . .	1,7	1,0	1,7	1,8	0,8	3,3	1,7	(13,3)	(8,0)	(8,1)	12,5	11,5	7,8	3,8	4,9
Приморская . . .	0,0	0,0	0,1	0,1	0,2	3,4	0,9	(25)	(70)	(0)	35,3	41,1			
Якутская. . . .	—	—	—	—	?	?	?	—	—	—	—	—	0,2	0,2	0,2
Всего. . . .	100	100	100	100	100	100	100	26,6	43,6	40,1	44,3	40,3	100	100	100

Чтобы прослѣдить, какъ измѣнялось, въ общемъ, направленіе переселенческаго движенія, сопоставимъ прежде всего процентныя цифры, вычисленныя для пятилѣтія 1895—1896 и 1898—1900 гг., съ соотвѣтственными цифрами за пятилѣтіе 1885—1888 и четырехлѣтіе 1890—1893 гг. Прежде всего бросается въ глаза значительное пониженіе процента переселенцевъ, направляющихся на земли Алтайскаго округа: за 1885—1889 гг. процентъ этотъ достигалъ 56,6%, за 1890—1893 гг.— даже 70,1% общаго числа переселенцевъ, а за послѣднее пятилѣтіе онъ не превышаетъ 33,7%—вдвое меньше, нежели въ непосредственно предшествовавшее четырехлѣтіе. Обратное замѣчается по раіону казенныхъ земель Томской губерніи, по Акмолинской области, а также, до нѣкоторой степени, по губерніямъ Тобольской и Енисейской: за девяти-

[1]) % цифры за девятилѣтіе 1885—1893 гг. вычислены по оффиціальнымъ даннымъ, напечатаннымъ въ приложеніяхъ къ отчету о командировкѣ въ Сибирь А. А. Половцова. Такъ какъ въ этихъ данныхъ переселенцы, направляющіеся на Алтай, не отдѣлены отъ шедшихъ на казенныя земли Томской губ., то мы, чтобы хоть съ приблизительною точностью выдѣлить этихъ послѣднихъ, воспользовались данными сплошной подворной описи переселенческихъ поселковъ раіона казенныхъ земель Томской губ., произведенной нами лично въ 1894 году (см. «Матеріалы для изуч. быта переселенцевъ, водвор. на казен. земл. Томской губ.», Спб. 1869).

лѣтіе 1885—1893 гг. раіонъ казенныхъ земель Томской губерніи принялъ всего 7,7%, въ частности—въ первое пятилѣтіе 14,8%, въ слѣдующее четырехлѣтіе—всего 5,0%; въ 1895—1900 гг. процентъ переселенцевъ, направлявшихся на казенныя земли Томской губерніи, поднимается опять до 12,3%. Губерніи Тобольская и Енисейская приняли: въ 1885—1889 гг. 8,6 и 8,6%, въ 1890—1893 гг. 7,9 и 7,3% а въ 1895—1900 гг.—13,7 и 10,7%. Что̀ касается до Акмолинской области, то въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ сюда направлялось изъ Европейской Россіи лишь ничтожное число переселенцевъ, впрочемъ не исчерпывавшее всего вселенія въ Акмолинскую область: именно, въ этотъ періодъ сюда двигалось много самовольныхъ переселенцевъ, которые, однако, шли не непосредственно изъ Европейской Россіи, а переходили, главнымъ образомъ, изъ Тобольской губерніи и такимъ образомъ ускользали отъ той регистраціи, по данным которой составлена анализируемая табличка; напротивъ, во второй половинѣ 90-хъ годовъ Акмолинская область становится однимъ изъ главныхъ пріемниковъ переселенческаго движенія, занимая второе мѣсто послѣ Алтайскаго округа. Все это совершенно понятно: переселеніе въ Акмолинскую область до начала 90-хъ годовъ оффиціально вовсе не существовало; самовольное движеніе сдерживалось административными мѣрами, и только въ 1892 году, въ виду выяснившейся невозможности удалить изъ области проникшихъ въ нее самовольныхъ переселенцевъ, было признано возможнымъ надѣлить ихъ землею; въ губерніяхъ Тобольской, Енисейской и въ раіонѣ казенныхъ земель Томской губерніи запасъ свободныхъ земель казался болѣе или менѣе исчерпаннымъ—землеотводныя работы либо не производились вовсе, либо давали все уменьшавшіеся результаты; всѣ тѣ переселенцы, которые не находили себѣ мѣста въ раіонѣ казенныхъ земель Сибири, устремлялись поэтому въ Алтайскій округъ, куда ихъ привлекала, кромѣ прекрасныхъ почвенныхъ условій и сравнительно мягкаго климата, также и сравнительная легкость полученія земли, если не путемъ водворенія на особомъ участкѣ, то посредствомъ весьма легкаго въ то время пріема въ старожильское общество. Открытыя съ 1893 года систематическія землеотводныя работы, распространившіяся и на Акмолинскую область, дали въ первые же два года до двухъ милліоновъ удобныхъ десятинъ, притомъ въ лучшихъ по естественнымъ условіямъ и наиболѣе легко доступныхъ мѣстностяхъ раіона казенныхъ земель Сибири; въ то-же время на Алтаѣ условія измѣнились къ худшему, такъ какъ по мѣрѣ наплыва переселенцевъ старожилы все менѣе охотно и за болѣе высокую плату давали пріемные приговоры; такъ какъ притомъ и усилія администраціи были направлены къ тому, чтобы двинуть переселенцевъ въ тѣ именно раіоны, гдѣ имѣлись достаточные запасы спеціально заготовленныхъ земель, то понятно, что весьма значительная часть переселенческаго движенія

должна была отхлынуть отъ Алтайскаго округа и направиться на казенныя земли Акмолинской области и сибирскихъ губерній.

Однако, разсмотрѣніе погодныхъ данныхъ за шестилѣтіе 1895—1900 гг. показываетъ, что въ самое послѣднее время въ направленіи переселенческаго движенія совершается новый поворотъ: процентъ переселенцевъ, направляющихся въ ближайшіе къ Европейской Россіи колонизаціонные раіоны—Акмолинскую область, и особенно Тобольскую губернію, замѣтно понижается: при этомъ наплывъ переселенцевъ въ Акмолинскую область, безостановочно падавшій съ 1895 до 1898 г., съ этого времени останавливается на почти постоянной величинѣ — около $^1/_6$—$^1/_7$ части всего переселенческаго движенія; движеніе переселенцевъ въ Тобольскую губернію продолжаетъ падать и дальше и послѣдніе два года составляетъ уже совсѣмъ ничтожную долю всего переселенческаго движенія. Процентъ переселенцевъ, идущихъ въ раіонъ казенныхъ земель Томской губерніи, остается неподвижнымъ, процентъ идущихъ въ Енисейскую губернію хотя и повышается, но лишь очень слабо, и рѣзкое паденіе процента переселенцевъ, двигающихся въ Тобольскую губернію и Акмолинскую область, компенсируется лишь новымъ, весьма замѣтнымъ повышеніемъ процента переселенцевъ, идущихъ на Алтай: въ то время какъ Тобольская губернія и Акмолинская область, въ 1895 и 1896 гг. принявшія половину, въ 1897 г. около двухъ пятыхъ всего переселенческаго движенія, въ 1899 и 1900 гг. принимаютъ уже всего около одной пятой; въ то время какъ численность переселенцевъ, направляющихся на казенныя земли Томской и въ Енисейскую губернію, поднимается съ одной пятой всего до одной четвертой,—Алтайскій округъ, куда въ 1895 и 1896 гг. шла всего только четвертая или пятая часть, въ 1898—1900 гг. уже опять принимаетъ, въ среднемъ около двухъ пятыхъ всего переселенческаго движенія въ Сибирь [1]).

Сказанное, опять таки, понятно. Земли ближайшихъ къ желѣзной дорогѣ уѣздовъ Тобольской губерніи и Акмолинской области, гдѣ въ 1893 и 1894 гг. была заготовлена главная масса участковъ, особенно привлекали переселенцевъ какъ въ силу своей близости къ границамъ Европейской Россіи, такъ и по соотвѣтствію естественныхъ условій требованіямъ главной массы переселенцевъ; сюда, поэтому, переселенческая волна хлынула, какъ только были сняты сдерживавшіе ее шлюзы; всѣ мало-мальски доброкачественные участки были очень скоро заселены, и свободными остались лишь такіе участки, которые почему-либо были менѣе удобны для заселенія. Процентъ случаевъ безуспѣшнаго

[1]) Рѣзкое паденіе въ 1900 г. движенія на Алтай — результатъ послѣдовавшей въ этомъ году пріостановки выдачи ходаческихъ и проходныхъ свидѣтельствъ на Алтайскій округъ.

ходачества, поэтому, возрастаетъ по Акмолинской области чрезвычайно быстро, по Тобольской губерніи, разсматриваемой какъ одно цѣлое, медленнѣе, — соотвѣтственно чему сокращаются размѣры ходаческаго движенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и движенія переселенческихъ семей, слѣдующихъ для окончательнаго водворенія. Въ раіонѣ казенныхъ земель остается, правда, свободнымъ болѣе нежели достаточно земли въ Тарскомъ уѣздѣ, Тобольской губерніи, въ губерніяхъ Томской и Енисейской, а съ 1898 г.—и въ Иркутской, но всѣ эти мѣстности гораздо менѣе притягиваютъ ходоковъ и переселенцевъ, какъ по большей удаленности, такъ и по естественнымъ условіямъ, мало соотвѣтствующимъ требованіямъ преобладающихъ среди переселенцевъ выходцевъ изъ среднихъ и южныхъ губерній Европейской Россіи. Переселенческій потокъ, поэтому, возвращается къ прежднему, одно время было сравнительно обмелѣвшему руслу: начинается опять усиленное движеніе переселенцевъ въ Алтайскій округъ, гдѣ какъ разъ около этого-же времени также было приступлено въ болѣе крупныхъ размѣрахъ къ землеотводнымъ работамъ и гдѣ въ то-же время, подъ вліяніемъ слуховъ о предстоявшей нормировкѣ землепользованія старожиловъ, эти послѣдніе стали опять охотнѣе принимать переселенцевъ.

Къ сожалѣнію, данныя о направленіи переселенческаго движенія опубликованы лишь въ итогахъ по губерніямъ; между тѣмъ сибирская губернія является слишкомъ крупною и недостаточно однохарактерною территоріальною единицею, а потому погубернскія цифры лишены той типичности, которая могла-бы быть установлена, если-бы данныя о направленіи переселенцевъ можно было сгруппировать по болѣе мелкимъ и однохарактернымъ территоріальнымъ единицамъ или по типамъ заселяемыхъ земель. Данныя подобнаго рода, относящіяся уже къ другому моменту—именно къ моменту водворенія переселенцевъ, будутъ приведены ниже, теперь же мы вернемся къ той табличкѣ, которую анализировали до сихъ поръ, и остановимся еще на данныхъ о самовольныхъ переселенцахъ. Какъ видно изъ таблички, эти послѣдніе распредѣляются по губерніямъ и областямъ Сибири иначе, нежели переселенцы, слѣдующіе съ законнаго разрѣшенія. По губерніямъ Тобольской и Енисейской и по раіону казенныхъ земель Томской губерніи самовольные составляютъ сильно колеблющійся, но въ общемъ сравнительно небольшой (въ среднемъ за три года отъ одной пятой до трети) процентъ. Напротивъ, среди переселенцевъ, стремящихся на кабинетскія земли Алтайскаго округа и въ Акмолинскую область, самовольные составляютъ почти половину, причемъ процентъ самовольныхъ по Алтайскому округу за четыре года поднимается съ 38,9 до 53,3%, по Акмолинской области—съ 41,2 до 69,4%. И опять таки понятно: въ раіонѣ казенныхъ земель въ сибирскихъ

губерніяхъ имѣется нынѣ наибольшее количество свободныхъ участковъ,—естественно, что именно сюда идутъ тѣ переселенцы, которые выполнили установленныя для легальнаго переселенія требованія; ихъ побуждаютъ къ этому какъ совѣты должностныхъ лицъ въ мѣстахъ ихъ выхода и переселенческихъ чиновниковъ во время пути, такъ и въ особенности то обстоятельство, что проходныя свидѣтельства выдаются только тѣмъ переселенцамъ, которые посылали ходоковъ и черезъ нихъ зачислили за собою землю. Напротивъ, самовольные переселенцы, оставаясь внѣ правительственнаго воздѣйствія и притомъ не зачисливъ за собою заранѣе земли (потому что иначе они имѣли-бы проходныя свидѣтельства и не были-бы самовольными), не считаются съ наличностью или отсутствіемъ свободныхъ земель, а направляются въ тѣ мѣста, которыя рисуются воображенію крестьянина въ наиболѣе заманчивыхъ чертахъ,—въ «Кочетовъ», «Бейскъ» и другія мѣстности Алтайскаго округа и Акмолинской области. Другими словами: легальные переселенцы идутъ туда, гдѣ есть свободные участки, самовольные въ большей или меньшей мѣрѣ игнорируютъ это обстоятельство, а потому естественно, что процентъ легальныхъ переселенцевъ сокращается, а процентъ самовольныхъ растетъ по мѣрѣ истощенія запасовъ свободныхъ земель.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ направленіе переселенческаго движенія зависитъ отъ *мѣстъ выхода переселенцевъ*. Для отвѣта на этотъ вопросъ мы располагаемъ данными за три года—1895, 1896 и 1898, которыя и сведены въ нижеслѣдующей табличкѣ:

Раіоны и полосы Европейской Россіи.	Число душъ обоего пола, направлявшихся въ губерніи и области:					
	Акмолинскую	Тобольскую.	Томскую, на земли: казенныя.	Томскую, на земли: кабинетскія.	Енисейскую.	Иркутскую.
Черноземная полоса	80,044	62,043	43,867	103,923	33,465	645
Въ томъ числѣ раіоны:						
сѣверный черн.	24,712	44,987	32,484	60,642	21,763	229
средній »	29,567	10,680	6,445	28,309	8,268	72
юго-западный	2,629	1,176	1,142	1,428	730	7
южный степной	5,093	3,002	963	1,710	1,211	8
восточн и юго-вост . . .	18,043	4,198	2,833	11,834	1,493	329
Нечерноземная полоса	3,071	18,128	20,364	9,973	10,013	135
Въ томъ числѣ раіоны:						
промышленный	236	2,861	1,411	1,501	1,844	4
западный	1,976	13,039	17,735	2,139	6,788	42
сѣверо-восточный заволжскій	203	294	782	5,909	464	79

Раіоны и полосы Европейской Россіи	Или въ переводѣ на проценты переселилось въ губерніи.					
	Акмолинскую.	Тобольскую.	Томскую, на земли		Енисейскую.	Иркутскую.
			казенныя.	кабинетскія.		
Черноземная полоса . . .	23,3	18,1	12,7	30,2	9,7	0,2
Въ томъ числѣ раіоны:						
сѣверн черноземный	12,9	23,5	17,0	31,7	11,4	0,1
средній »	33,1	12,0	7,5	31,7	9,3	0,1
юго-западный	34,8	15,6	15,1	19,0	9,7	0,1
южный степной . .	36,3	20,4	6,9	12,2	8.6	0,0
восточный и юго-восточный	43,5	10,1	6,8	28,5	3,6	0,3
Нечерноземная полоса . .	4,9	28,6	32,2	15,8	15,5	0,2
Въ томъ числѣ раіоны:						
промышленный . . .	2,9	35,4	17,5	18,6	22,8	0,0
западный	4,7	31,1	42,3	5,1	16,2	0,1
сѣверо-восточный заволжскій	2,4	3,5	9,2	69,7	5,5	0,9

Цифры эти, представляющія почти полное соотвѣтствіе съ приведенными выше цифрами, касающимися движенія ходоковъ, показываютъ, что направленіе переселенческаго движенія опредѣляется если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ, естественными условіями мѣстностей вселенія. Особенно ярко это соотвѣтствіе отражается на движеніи въ Акмолинскую область: сюда, какъ оказывается, неохотно идутъ переселенцы изъ нечерноземной полосы, для которыхъ, очевидно, не имѣютъ рѣшающаго значенія такія преимущества Акмолинской области, какъ болѣе жаркій климатъ и легкость распашки степныхъ земель, и которыхъ, напротивъ, отпугиваютъ такія свойственныя Акмолинской области условія, какъ безлѣсье, а нерѣдко—болѣе или менѣе недостаточное водоснабженіе. Напротивъ, для выходцевъ изъ черноземной полосы Акмолинскія степи обладаютъ тѣмъ большею притягательною силой, чѣмъ рѣзче выраженъ степной характеръ раіоновъ выселенія: изъ сѣверно-черноземнаго раіона сюда идетъ еще всего около одной восьмой части всѣхъ переселенцевъ, изъ трехъ раіоновъ, охватывающихъ весь юго-западъ Россіи,—уже свыше трети, а изъ юго-восточнаго, по преимуществу степного раіона—болѣе двухъ пятыхъ всѣхъ переселенцевъ. Тобольская губернія, разсматриваемая какъ цѣлое, не представляетъ рѣзко выраженнаго преобладанія лѣсныхъ земель надъ степными и наоборотъ: соотвѣтственно этому на долю ея приходится высокій (свыше трети) процентъ выходцевъ изъ нечерноземныхъ губерній, но въ то-же время—и почти одна пятая часть переселенцевъ изъ черноземной полосы. Напротивъ, въ Енисейской губерніи и въ раіонѣ казенныхъ земель Томской лѣсныя и въ частности—подтаёжныя земли замѣтно преобладаютъ надъ степными; а потому эти губерніи въ значительно большей мѣрѣ привлекаютъ переселенцевъ изъ нечерноземной,

нежели изъ черноземной полосы; особенно неохотно идутъ въ Томскую и Енисейскую губерніи выходцы изъ раіоновъ средне-черноземнаго. южнаго степнаго и юго-восточнаго,—и наоборотъ, лучше всего мирятся съ болѣе тяжелыми условіями водворенія въ этихъ губерніяхъ переселенцы изъ промышленнаго и особенно—западнаго раіоновъ Что касается до Алтайскаго округа, то его благопріятныя почвенныя и климатическія условія гораздо сильнѣе привлекаютъ выходцевъ изъ черноземной полосы, нежели изъ нечерноземной; въ частности, особенно стремятся на Алтай выходцы изъ сѣверно- и средне-черноземнаго раіоновъ (до трети всѣхъ переселенцевъ), тогда какъ выходцы изъ раіоновъ юго-западнаго, южнаго степного и юго-восточнаго, хотя не избѣгаютъ Алтайскаго округа, но предпочитаютъ ему акмолинскія степи. Особое тяготѣніе къ Алтаю проявляютъ затѣмъ выходцы изъ нечерноземнаго сѣверо-восточнаго раіона (болѣе двухъ третей),—что объясняется, можно думать, не столько естественными условіями, сколько укоренившимися въ этомъ раіонѣ переселенческими традиціями. Наконецъ, въ распредѣленіи переселенцевъ, идущихъ въ Иркутскую губернію, не замѣчается никакой правильности—слѣдствіе незначительности общаго числа прошедшихъ сюда переселенцевъ, открывающей слишкомъ большой просторъ вліянію случайныхъ обстоятельствъ.

Мы уже упоминали выше объ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи болѣе детальныхъ данныхъ, относящихся къ моменту водворенія переселенцевъ на «новыхъ мѣстахъ». Данныя эти, напечатанныя въ изданномъ министерствомъ земледѣлія «Очеркѣ работъ по образованію переселенческихъ участковъ», не обнимаютъ, къ сожалѣнію, ни переселенцевъ, водворившихся въ Алтайскомъ округѣ, ни тѣхъ, которые приселились къ старожильскимъ селеніямъ, а относятся исключительно лишь къ тѣмъ переселенцамъ, которые водворены въ раіонѣ казенныхъ земель Сибири, на переселенческихъ участкахъ, образованныхъ за 1893—1898 годы.

Прежде, нежели обратиться къ даннымъ собственно о заселеніи участковъ, приведемъ нѣсколько цифръ, могущихъ служить для характеристики отданныхъ подъ заселеніе земель. Въ спискѣ участковъ, напечатанномъ въ приложеніи къ «Очерку», всѣ участки отнесены къ одному изъ слѣдующихъ семи типовъ: степному, съ подраздѣленіемъ на черноземные, солонцеватые и смѣшанные, лѣсисто-степному и лѣсному, съ подраздѣленіемъ по преобладающему характеру насажденій—лиственному, хвойному и мѣшанному [1]). Участки съ лиственнымъ лѣсомъ, сравнительно легко доступные для заселенія и обращенія подъ культуру,—это болѣе или менѣе свѣжія гари, гдѣ коренныя хвойныя породы замѣнились, по преимуществу, березой и осиной; гораздо менѣе

[1]) «Очеркъ», стр 292.

удобные для заселенія участки съ хвойнымъ или мѣшаннымъ лѣсомъ— это либо площади съ невыгорѣвшимъ первобытнымъ лѣсомъ, либо старыя гари, на которыхъ уже успѣли возобновиться, въ чистомъ видѣ или въ смѣси съ лиственными, первобытныя хвойныя породы. Къ типу лѣсостепныхъ участковъ отнесены, съ одной стороны, степныя земли, усѣянныя березовыми колками, съ другой, въ лѣсныхъ раіонахъ,— гари, гдѣ куртины лѣса, по преимуществу лиственнаго, чередуются съ обширными открытыми полянами. Типы эти переходятъ одинъ въ другой совершенно незамѣтно, благодаря чему и самое распредѣленіе участковъ по типамъ имѣетъ въ значительной мѣрѣ условный характеръ.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ приведены погубернскія данныя о распредѣленіи образованныхъ за 1893—1898 гг. участковъ по типамъ [1]):

Въ губерніяхъ:	На каждыя сто душевыхъ долей общей площади образованныхъ участковъ имѣется:					
	Степныхъ.		Лѣсисто-степн.	Лѣсистыхъ съ лѣсомъ.		
	черноземн.	солонц. и смѣш		лиственнымъ.	хвойнымъ.	мѣшаннымъ.
Тобольской	1,7	31,2	36,4	19,0	—	10,6
Томской	9,1	10,1	61,4	17,9	0,2	1,2
Енисейской	4,2	3,8	71,8	5,3	2,1	12,7
Иркутской	—	—	23,6	4,9	15,0	56,1
Акмолинской области	88,1	11,9	—	—	—	—

По Акмолинской области, такимъ образомъ, всѣ безъ исключенія участки имѣютъ чисто степной характеръ. По четыремъ сибирскимъ губернiямъ усматривается, прежде всего, правильная убыль, въ направленіи съ запада къ востоку, относительнаго количества степныхъ участковъ: въ Тобольской губерніи на долю этого типа приходится треть общей площади участковъ, въ Томской—около одной пятой, въ Енисейской—одна двѣнадцатая, въ Иркутской же этого рода участки отсутствуютъ совершенно. Въ томъ-же, приблизительно, направленіи измѣняется характеръ участковъ лѣсного типа. Въ западно-сибирскихъ губерніяхъ преобладаютъ молодыя гари, имѣющія видъ то участковъ съ лиственнымъ лѣсомъ, то лѣсисто-степныхъ,—и только въ Тобольской губерніи довольно значительный процентъ приходится на долю участковъ съ мѣшаннымъ лѣсомъ; участковъ съ преобладаніемъ хвойнаго лѣса въ западно-сибирскихъ губерніяхъ вовсе нѣтъ. Въ Енисейской губерніи преобладаютъ лѣсисто-степные участки, т. е. участки съ изрѣженнымъ лѣсомъ и частыми полянами,—но среди лѣсныхъ преобладаютъ участки съ мѣшаннымъ лѣсомъ, а встрѣчаются и участки съ преобладаніемъ хвойнаго лѣса: въ Иркутской же губерніи къ лѣсисто-степному типу принадлежитъ уже менѣе четверти общаго числа участ-

[1]) Стр. 293.

ковъ; все остальное—лѣсные участки, болѣе половины которыхъ приходится на участки съ мѣшаннымъ лѣсомъ, довольно замѣтный процентъ—на участки съ хвойными насажденіями, и такимъ образомъ преобладаніе въ этой губерніи принадлежитъ участкамъ самыхъ трудныхъ для заселенія и разработки типовъ [1])

По мѣрѣ хода землеотводныхъ работъ характеръ участковъ претерпѣваетъ существенныя измѣненія. Такихъ измѣненій—въ смыслѣ типа участковъ—нельзя замѣтить только по Акмолинской области, гдѣ нѣтъ никакихъ земель, кромѣ степныхъ. Если затѣмъ суммировать данныя по четыремъ сибирскимъ губерніямъ, сведя отдѣльно участки, образованные въ двухлѣтія 1893—1894, 1895—1896, 1897—1898 гг., то распредѣленіе ихъ по типамъ изобразится въ слѣдующихъ процентныхъ величинахъ:

	На каждыя сто душевыхъ долей приходится долей въ участкахъ		
	Степныхъ.	Лѣсисто-степныхъ.	Лѣсныхъ
1893—1894.	33,2	58,3	8,4
1895—1896.	17,2	51,1	41,0
1897—1898	0,9	47,0	52,0

Такимъ образомъ участки степного типа въ первое двухлѣтіе, когда землеотводныя работы сосредоточивались главнымъ образомъ въ раіонѣ западно-сибирской степи, дали треть всего количества заготовленныхъ душевыхъ долей; почти три пятыхъ дали участки лѣсисто-степные, частью въ болѣе богатыхъ колками мѣстностяхъ той-же западно-сибирской степи, частью—въ умѣренно-лѣсныхъ раіонахъ Томской и Енисейской губерній; и всего около одной восьмой дали участки лѣсного типа, заготовлявшіеся въ то время исключительно въ Томской и Енисейской губерніяхъ. Во второе двухлѣтіе степные участки образовывались главнымъ образомъ въ Каинскомъ уѣздѣ, Томской губерніи, и отчасти—въ двухъ юго-западныхъ уѣздахъ Енисейской губерніи; процентъ душевыхъ долей въ степныхъ участкахъ падаетъ поэтому почти на половину противъ предыдущаго двухлѣтія; около половины составляютъ лѣсисто-степные участки, въ большинствѣ—участки съ изрѣженнымъ лѣсомъ въ мѣстностяхъ лѣсистаго характера; чисто лѣсные участки даютъ уже почти треть общаго числа душевыхъ долей. Наконецъ въ послѣднее двухлѣтіе работы сосредоточиваются почти исключительно въ таёжныхъ и урманныхъ раіонахъ; процентъ степныхъ участковъ падаетъ поэтому почти до нуля, и свыше половины общаго числа даютъ участки чисто лѣсного типа, наиболѣе трудные для заселенія и разработки.

---

[1]) Стр. 294

Приведемъ теперь данныя *о степени заселенности участковъ* въ поуѣздныхъ процентныхъ величинахъ, параллельно съ данными о распредѣленіи участковъ по типамъ.

Губерніи и уѣзды	Процентъ участковъ. Степныхъ	Лѣсисто-степныхъ.	Лѣсныхъ.	Процентъ занятыхъ долей по губерніямъ и уѣздамъ.
Тобольская:				
Ишимскій	31,7	68,3	—	91,0
Тюкалинскій	58,9	41,1	—	94,2
Тарскій	13,4	10,4	76,4	47,8
Итого по губерніи . . .	32,9	36,4	29,6	74,9
Томская:				
Томскій	1,3	64,0	34,7	46,7
Каинскій.	29,7	60,9	9,4	65,2
Мариинскій	—	53,8	46,2	48,6
Итого по губерніи . .	19,2	61,4	19,3	58,4
Енисейская:				
Красноярскій.	—	20,0	80,0	59,7
Ачинскій.	15,7	66,7	17,7	75,9
Канскій	—	83,7	16,3	46,3
Минусинскій	18,9	59,5	21,6	55,8
Итого по губерніи . . .	88,0	71,3	20,1	55,5
Иркутская:				
Нижнеудинскій	—	34,0	66,0	17,1
Балаганскій	—	—	100	30,1
Итого по губерніи . .	—	23,6	76,4	18,3
Акмолинская:				
Омскій.	100	—	—	91,2
Петропавловскій	100	—	—	79,3
Кокчетавскій	100	—	—	86,1
Атбасарскій	100	—	—	73,8
Итого по области . . .	100	—	—	80,9.

Въ общемъ по всему колонизаціонному раіону итогѣ процентъ занятыхъ душевыхъ долей къ 1 іюля 1899 года составлялъ 64,8%, или почти двѣ трети общаго числа душевыхъ долей. По отдѣльнымъ губерніямъ и уѣздамъ процентъ заселенности участковъ сильно колеблется въ зависимости отъ ряда условій, изъ коихъ надо отмѣтить, прежде всего, близость къ Европейской Россіи и удобство сообщеній; затѣмъ вліяютъ—какъ видно изъ сопоставленія процента заселенности съ распредѣленіемъ участковъ по типамъ — свойства участковъ и въ частности—степень доступности ихъ для обращенія подъ культуру. Но независимо отъ этихъ обстоятельствъ имѣетъ значеніе еще и время образованія участковъ, а слѣдовательно — продолжительность промежутка, въ теченіе котораго послѣдніе были открыты для заселенія.

Въ Тобольской губерніи, въ уѣздахъ Ишимскомъ и Тюкалинскомъ—ближайшихъ къ Европейской Россіи изъ открытыхъ для переселенія сибирскихъ уѣздовъ и притомъ расположенныхъ при самой желѣзной дорогѣ, участки заготовлены еще въ 1893 и 1894 годахъ и принадлежатъ исключительно къ степному и лѣсо-степному типамъ; естественно, что процентъ заселенности поднимается здѣсь выше, нежели гдѣ-либо; въ Тарскомъ уѣздѣ—участки по преимуществу лѣсные и расположены вдали отъ главнаго переселенческаго пути; заготовлялись они, притомъ, по преимуществу въ самые послѣдніе годы,—и соотвѣтственно этому Тарскій уѣздъ по заселенности участковъ занимаетъ пока одно изъ послѣднихъ мѣстъ. Въ Томской губерніи лучше всего заселены участки Каинскаго уѣзда, что опять-таки находится въ связи съ преобладаніемъ степныхъ участковъ, со сравнительною близостью уѣзда къ Европейской Россіи, а также и съ тѣмъ, что значительный запасъ участковъ имѣется въ этомъ уѣздѣ начиная съ 1894 года; заселенность участковъ въ болѣе отдаленныхъ—Томскомъ и Маріинскомъ уѣздахъ значительно слабѣе, опять-таки въ виду, главнымъ образомъ, преобладанія здѣсь лѣсныхъ участковъ, а также и того, что землеотводныя работы лишь въ самое послѣднее время приняли здѣсь болѣе значительные размѣры. Въ Енисейской губерніи лучше всего заселялись участки Ачинскаго уѣзда, какъ ближайшаго къ Европейской Россіи и въ то-же время представляющаго сравнительно большій процентъ степныхъ и полустепныхъ земель; значительно слабѣе заселенность въ болѣе отдаленныхъ и лѣсистыхъ уѣздахъ—Канскомъ и Минусинскомъ, высокая же цифра заселенности участковъ Красноярскаго уѣзда, при несомнѣнно худшемъ качествѣ земель и трудности ихъ разработки, объясняется, вѣроятно, близостью губернскаго города. Въ Акмолинской области заселеніе участковъ весьма удовлетворительно идетъ по всѣмъ уѣздамъ; первое мѣсто занимаетъ ближайшій къ крупному омскому переселенческому пункту Омскій уѣздъ; за нимъ слѣдуетъ Кокчетавскій, который привлекалъ переселенцевъ задолго до открытія систематическихъ землеотводныхъ работъ; не можетъ не обратить на себя вниманія высокій процентъ занятыхъ душевыхъ долей въ Акмолинскомъ уѣздѣ: уѣздъ этотъ расположенъ вдали отъ желѣзной дороги, заготовленіе участковъ началось здѣсь лишь съ 1897 года, а потому высокій процентъ заселенности участковъ ясно показываетъ, что послѣдніе въ высокой степени отвѣчаютъ требованіямъ извѣстной части переселенцевъ [1]).

Было бы крайне интересно изолировать вліяніе характера участковъ отъ вліянія другихъ обстоятельствъ, которыми опредѣляется степень ихъ заселенности. Для этой цѣли приведемъ процентныя цифры

---

[1]) Тамъ же, стр. 304

заселенности, сведенныя по тремъ главнѣйшимъ типамъ и по времени образованія участковъ [1])

Для участковъ, образованныхъ въ двухлѣтія:	Процентъ заселенности участковъ.		
	Степныхъ	Лѣсо-степныхъ.	Лѣсныхъ.
1893—1894	86,3	84,1	65,4
1895—1896	85,4	70,1	47,7
1897—1898	67,0	61,1	41,8

Ясно, что характеръ участковъ имѣетъ рѣшающее вліяніе на ихъ заселеніе: позже образованные участки являются, въ видѣ общаго правила, и болѣе отдаленными—и несмотря на это степные участки, образованные въ самое послѣднее двухлѣтіе, даютъ даже нѣсколько большій процентъ заселенія, нежели лѣсные участки, образованные въ первомъ двухлѣтіи землеотводныхъ работъ. Если же разсматривать цифры по двухлѣтіямъ, то окажется, что среди какъ наиболѣе раннихъ, такъ и наиболѣе позднихъ по времени образованія участковъ степные даютъ наибольшій, лѣсные—наименьшій процентъ заселенности. Что касается до лѣсо-степныхъ участковъ, то участки этого типа, образованные въ первое двухлѣтіе, заселялись почти такъ же успѣшно, какъ степные, напротивъ, лѣсо-степные участки болѣе поздняго времени по степени заселенности замѣтно уступаютъ степнымъ Это происходитъ оттого, что лѣсо-степные участки перваго двухлѣтія—это, по преимуществу, богатые лѣсными колками участки въ степяхъ Западной Сибири, мало отличающіеся отъ чисто-степныхъ и представляющіе передъ ними даже извѣстныя преимущества; позднѣйшіе участки, отнесенные къ тому-же типу,—это участки, образованные въ лѣсныхъ раіонахъ, только съ изрѣженнымъ лѣсомъ—слѣдовательно, во всѣхъ отношеніяхъ отличающіеся отъ участковъ чисто степного типа и приближающіеся къ лѣснымъ.

Независимо отъ общихъ данныхъ о заселеніи участковъ, «Очеркъ работъ» сообщаетъ данныя и о распредѣленіи водворенныхъ переселенцевъ по мѣстамъ выхода. Недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности остановиться на поуѣздныхъ данныхъ; приведемъ только общій выводъ, сдѣланный на основаніи изученія послѣднихъ [2]). Выводъ этотъ представляется «весьма важнымъ и въ то же время утѣшительнымъ. Извѣстно, что въ отдѣльныхъ случаяхъ переселенцы, сплошь и рядомъ, по неумѣнію оріентироваться въ чуждыхъ имъ условіяхъ Сибири, по недостатку средствъ для болѣе продолжительныхъ поисковъ, изъ нетерпѣнія поскорѣе устроиться и т. п., водворяются на участкахъ, по естественнымъ условіямъ не соотвѣтствующихъ ихъ привыч-

[1]) «Очеркъ работъ», стр. 310

[2]) Стр. 317.

камъ, и это обстоятельство нерѣдко является причиной хозяйственнаго неуспѣха переселенія». Между тѣмъ массовыя данныя о заселеніи участковъ «позволяютъ думать, что подобные случаи не должны быть обобщаемы, и что въ общемъ распредѣленіе переселенцевъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ Сибири совершается въ достаточной степени соотвѣтственно естественнымъ условіямъ этихъ мѣстностей». Выводъ этотъ подтверждается и данными о разселеніи выходцевъ изъ отдѣльныхъ раіоновъ Европейской Россіи по участкамъ различныхъ типовъ Эти данныя показываютъ именно, что болѣе четверти общаго числа душъ, водворенныхъ на степныхъ участкахъ, составляютъ выходцы изъ трехъ южныхъ, болѣе трехъ пятыхъ—выходцы изъ средняго и сѣвернаго черноземнаго раіоновъ,—и всего около одной десятой—выходцы изъ нечерноземной полосы. На лѣсисто-степныхъ участкахъ выходцы изъ трехъ южныхъ раіоновъ составляютъ уже менѣе десятой части водворенныхъ душъ; выходцы изъ сѣверно- и средне- черноземнаго раіоновъ составляютъ и здѣсь болѣе трехъ пятыхъ, причемъ однако на долю сѣвернаго раіона приходится гораздо большій, на долю средняго—гораздо меньшій процентъ, нежели на чисто-степныхъ участкахъ; выходцы изъ нечерноземной полосы составляютъ почти треть,—причемъ 19,2% приходится на долю западнаго раіона, остальные же нечерноземные раіоны и здѣсь представлены небольшими цифрами. На лѣсныхъ участкахъ выходцы изъ западныхъ губерній составляютъ уже болѣе двухъ пятыхъ общаго числа водворенныхъ душъ; довольно замѣтный процентъ приходится затѣмъ на долю сѣверо-восточныхъ заволжскихъ, сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ губерній, а также сибирскихъ, въ общей же сложности «до двухъ третей переселенцевъ, водворенныхъ на лѣсныхъ участкахъ, представляютъ переселенцы, несомнѣнно вполнѣ приспособленные къ жизни въ мѣстностяхъ такого рода»; около четверти приходится однако на долю выходцевъ изъ сѣвернаго и средняго черноземныхъ раіоновъ,—слѣдовательно элементовъ, которые можно считать лишь умѣренно приспособленными для колонизаціи лѣсныхъ земель, и 6,5% составляютъ совсѣмъ мало приспособленные для лѣсовъ выходцы изъ трехъ южныхъ раіоновъ Европейской Россіи.

Къ аналогичнымъ заключеніямъ приводитъ и нижеслѣдующая табличка, показывающая, какъ распредѣляются по участкамъ разныхъ типовъ выходцы изъ каждаго отдѣльнаго раіона выселенія:

Названія раіоновъ выселенія.	На каждыя сто душъ выходцевъ изъ поименованныхъ въ заголовкѣ раіоновъ водворено на участкахъ:		
	степныхъ.	лѣсостепныхъ.	лѣсныхъ
Сѣверно-черноземный	43,6	49,9	7,2
Средне-черноземный	61,2	34,8	3,2
Юго-западный	63,4	33,8	2,8
Южный степной	69,4	25,8	2,8

Названія раіоновъ выселенія	На каждыя сто душъ выходцевъ изъ поименованныхъ въ заголовкѣ раіоновъ водворено на участкахъ:		
	степныхъ.	лѣсостепныхъ.	лѣсныхъ
Восточный и юго-восточный .	79,2	13,6	7,2
Промышленный	42,1	45,5	12,3
Западный	14,9	48,6	36,5
Сѣверо-восточный заволжскій	20,9	30,7	48,7
Сѣверный и сѣверо-западный.	16,3	40,0	43,6
Прибалтійскій	35,1	29,0	35,9
Сибирскій	29,5	24,2	46,2
Прочія губерніи	50,4	22,6	26,6

«И эти цифры—читаемъ мы въ «Очеркѣ работъ по образованію переселенческихъ участковъ» [1])—подтверждаютъ въ главнѣйшихъ чертахъ достаточное соотвѣтствіе между условіями мѣстъ выхода переселенцевъ и характеромъ тѣхъ участковъ, на которыхъ они водворяются въ Сибири. Но эти цифры позволяютъ сдѣлать еще и другой, практически очень важный выводъ». Если именно «сравнивать между собою два преобладающихъ, при работахъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ, типа участковъ, именно чисто степные, нынѣ заготовляемые въ киргизскихъ областяхъ, и лѣсные, составляющіе большинство въ сибирскихъ губерніяхъ, то окажется, что первые, съ особенною силой привлекая степняковъ, охотно заселяются и выходцами изъ мѣстностей промежуточнаго характера и даже изъ лѣсныхъ раіоновъ; напротивъ, лѣсные участки сколько-нибудь охотно заселяются только выходцами изъ лѣсныхъ раіоновъ и вовсе не могутъ разсматриваться какъ колонизаціонный фондъ, пригодный для переселенцевъ изъ южной и даже, въ значительной мѣрѣ, изъ средней Россіи».

Значеніе этого обстоятельства для насъ выяснится ниже,—а пока мы вернемся къ статистическимъ даннымъ о движеніи переселенцевъ и остановимся, въ заключеніе, на *обратномъ переселеніи*.

Въ статьѣ нашей «Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній», напечатанной около трехъ лѣтъ тому назадъ [2]), мы, въ виду быстраго въ то время роста обратнаго переселенія, высказывали убѣжденіе, что «обратное переселеніе будетъ расти и впредь, пока наплывъ въ Сибирь переселенцевъ не сократится до размѣра, соотвѣтствующаго дѣйствительной, очень незначительной и медленно растущей ёмкости страны». Какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ цифръ, дѣйствительность не вполнѣ оправдала наши предположенія:

---

[1]) Стр. 321—322.

[2]) «Сборн. правовѣд и общ. занятій», т. VIII

Годы.	Число семей обратныхъ переселенцевъ			Процентное отношеніе обратныхъ къ числу прошедшихъ въ Сибирь.
	Изъ переселившихся		Всего.	
	Въ томъ же году	Въ прежніе годы		
1895.	780	598	1,378	10,1
1896.	3,222	749	3,971	13,9
1897.	?	?	3,934	38,2
1898.	1,881	1,108	2,989	12,5
1899.	?	?	3,311	11,7
1900.	?	?	6,750	28,0

Такимъ образомъ обратное переселеніе, достигнувъ наивысшей какъ абсолютно, такъ и относительно, величины въ 1897 году, въ слѣдующіе два года возвращается къ меньшей абсолютной и сравнительно совсѣмъ небольшой относительной величинѣ; хотя затѣмъ въ 1900 г. обратное переселеніе опять рѣзко возрастаетъ, но это возрастаніе, можно думать, является результатомъ случайнаго обстоятельства—охватившаго почти всю Сибирь, давно небывалаго по своей интенсивности неурожая. Объясненія этой пріостановки въ ростѣ обратнаго переселенія, при несомнѣнной наличности условій, позволявшихъ ожидать его непрерывнаго возрастанія, слѣдуетъ искать въ развитіи ходачества. Мы знаемъ, что ходачество въ значительной мѣрѣ—благодаря мѣрамъ правительства—достигло небывалыхъ размѣровъ, знаемъ также, что ходоки по большей части возвращаются, не пріискавъ земли. Въ громадномъ большинствѣ подобнаго рода случаевъ посылавшія ходоковъ семьи отказываются отъ мысли о переселеніи, и въ этомъ именно и заключается, какъ мы уже мимоходомъ упоминали, важное и несомнѣнно благотворное значеніе ходачества: употребляя выраженіе Мальтуса, безрезультатное ходачество является «предупредительнымъ препятствіемъ» чрезмѣрному росту переселенія, которое устраняетъ неизбѣжное при иныхъ условіяхъ «разрушительное препятствіе» въ образѣ обратнаго переселенія. Въ самомъ дѣлѣ: не будь ежегодно этихъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ безрезультатно возвращающихся ходоковъ,—и посылавшія ихъ семьи пустились-бы на переселеніе безъ предварительныхъ развѣдокъ; въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ ихъ постигло-бы то-же разочарованіе, связанное однако съ гораздо болѣе тяжелыми послѣдствіями: на мѣсто каждаго ходока, потерявшаго сравнительно небольшое количество времени и сдѣлавшаго лишь небольшія затраты, явилась-бы одна или нѣсколько семей обратныхъ переселенцевъ, ликвидировавшихъ на родинѣ свое хозяйство и—въ видѣ общаго правила—обреченныхъ на окончательное разореніе.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ приводятся погодныя данныя о размѣрахъ обратнаго переселенія изъ отдѣльныхъ губерній и областей Сибири:

Возвращались изъ губерній	Число семей обратныхъ переселенцевъ: 1895		1896		1897	1898		Итого за 1895, 1896 и 1898 гг		Итого за 1895-1898 г
	Изъ переселенцевъ:									
	Того же года	Прежнихъ лѣтъ.	Того же года	Прежнихъ лѣтъ	Всѣхъ вообще	Того же года.	Прежнихъ лѣтъ.	Того же года.	Прежнихъ лѣтъ.	Всѣхъ вообще.
Акмолинской обл. .	239	50	644	150	193	159	182	1,052	382	1,627
Тобольской губ . .	168	26	573	90	297	239	168	980	284	1,561
Томской, казен зем.	65	20	507	81	600	374	144	946[1]	245[1]	1,391[1]
» кабин зем.	139	447	687	305		418	402	1,244[1]	1,154[1]	2,798[1]
Енисейской	1	16	197	56	128	338	74	536	146	810
Иркутской. . . .	—	—	—	—	—	33	3	33	3	36
Приамурскаго края	3	1	1	21	11	10	30	14	52	76
Съ пути	97	4	581	5	830	262	65	940	74	1,844

Откуда получаются слѣдующіе ряды процентныхъ величинъ:

	Изъ каждой тысячи общаго числа обратныхъ переселенцевъ возвращалось изъ поименованныхъ въ боков заголовкѣ губ.					На каждыя тысячу семей, прошедшихъ въ данную губернію, въ томъ же году возвратилось.				Промилле обратныхъ изъ пересел. того же года за 3 года.
	1895.	1896.	1897.	1898	Итого за 4 года	1895.	1896.	1898.	Итого за 3 года	
Акмолинской обл . .	210	199	92	114	156	65	89	49	75	734
Тобольской губ . . .	141	167	141	136	149	49	84	82	75	775
Томской, казен. зем .	62	148	285	173	133	40	126	113	106	795
» кабин » .	425	250		274	262	42	112	44	66	519
Енисейской	13	64	61	138	78	1	66	128	81	786
Иркутской.	—	—	—	12	4	—	—	176	150	917
Приамурскаго края .	3	5	5	13	7	13	3	22	14	212
Съ пути. . .	73	148	391	109	177	—	—	—	—	—

Участіе отдѣльныхъ губерній и областей Сибири въ обратномъ переселеніи не остается, такимъ образомъ, неизмѣннымъ: процентъ обратныхъ переселеній, падающій на долю Акмолинской области, замѣтно убываетъ; нѣкоторая убыль — если сравнивать первый годъ съ остальными тремя — замѣчается и по отношенію къ обратному переселенію изъ Алтайскаго округа; напротивъ, на Тобольскую губернію приходится почти не измѣняющійся процентъ обратныхъ, процентъ же обратныхъ изъ раіона казенныхъ земель Томской и изъ Енисейской губерніи возрастаетъ: по Томской — довольно медленно, по Енисейской — чрезвычайно быстро. Случаи возвращенія переселенческихъ семей съ пути даютъ рѣзкое повышеніе только въ 1897 году, который—какъ могъ замѣтить читатель—во многихъ отношеніяхъ отклоняется отъ правильнаго хода переселенческаго движенія. Объяснить это рѣзкое возрастаніе числа случаевъ возвращенія съ пути можно — думается намъ — энергичнымъ примѣненіемъ въ 1897 году

[1]) Въ этихъ итогахъ цифры за 1897 г вычислены пропорціонально цифрамъ за остальные 3 года.

мѣръ, направленныхъ къ сокращенію столь неожиданно возросшаго въ предшествовавшемъ году переселенческаго движенія. Что̀ касается колебаній въ распредѣленіи обратныхъ между отдѣльными губерніями, то мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ для ихъ объясненія, а можемъ только отмѣтить нѣкоторую пропорціональность этихъ колебаній съ измѣненіями въ направленіи движенія переселенцевъ. Не пускаясь, поэтому, въ область гаданій, перейдемъ непосредственно къ цифрамъ, показывающимъ, какой процентъ прошедшихъ въ каждую данную губернію или область переселенцевъ въ томъ-же году возвратился назадъ. Разсуждая апріорно, можно было-бы ожидать, что процентъ обратнаго переселенія будетъ измѣняться въ зависимости отъ условій, дѣлающихъ отдѣльныя мѣстности болѣе или менѣе привлекательными для переселенцевъ. Въ дѣйствительности этого почти не замѣчается: процентъ обратнаго переселенія почти одинаковъ и для Акмолинской области, и для губерній Тобольской и Енисейской; для Алтайскаго округа онъ правда нѣсколько ниже,—но какъ разъ по Алтайскому округу обратные изъ переселенцевъ того-же года составляютъ — какъ мы сейчасъ увидимъ—въ общей массѣ обратныхъ переселенцевъ гораздо меньшій процентъ. Повышенныя цифры обратнаго переселенія, соотвѣтственно менѣе благопріятнымъ естественнымъ условіямъ, оказываются только по раіону казенныхъ земель Томской и особенно по Иркутской губерніи, причемъ, однако, относящіяся къ этой послѣдней процентныя величины не могутъ претендовать на особое значеніе въ виду незначительности абсолютныхъ цифръ. Мало характерны, въ большинствѣ случаевъ, и погодныя колебанія,—по большинству губерній они не даютъ права заключить объ опредѣленной тенденціи къ возрастанію обратнаго переселенія. Исключеніе составляетъ только Енисейская губернія, дающая, напротивъ, чрезвычайно рѣзкое повышеніе процента обратныхъ. И это совершенно естественно: переселеніе въ Енисейскую губернію въ 1895 году только еще возобновлялось, послѣ довольно продолжительнаго перерыва; прибывшіе въ небольшомъ количествѣ переселенцы могли выбирать между участками, заготовленными въ наиболѣе благопріятныхъ для водворенія мѣстностяхъ; въ слѣдующіе годы наплывъ переселенцевъ въ Енисейскую губернію быстро возрастаетъ, ограниченный запасъ доброкачественныхъ и легко доступныхъ для заселенія участковъ оказывается весьма скоро исчерпаннымъ,—и потому уже въ 1896 году довольно большой, а 1898 году—весьма значительный процентъ переселенцевъ отказывается отъ водворенія въ Енисейской губерніи и возвращается на родину.

Остановимся затѣмъ на цифрахъ послѣдняго столбца нашей таблички, показывающихъ распредѣленіе обратныхъ по времени выхода изъ Европейской Россіи. Среди обратныхъ изъ всего вообще раіона казенныхъ земель Сибири три четверти и болѣе составляютъ пере-

селенцы, возвращавшіеся изъ Сибири въ томъ-же самомъ году, когда они прошли въ передній путь; напротивъ, среди обратныхъ изъ Алтайскаго округа почти половина, среди обратныхъ изъ Амурскаго края— почти четыре пятыхъ составляютъ переселенцы, прошедшіе впередъ въ болѣе ранніе годы. Для Амурскаго края это объясняется просто его отдаленностью. Для Алтайскаго округа причины надо искать въ другомъ обстоятельствѣ: въ раіонѣ казенныхъ земель Сибири преобладаютъ такіе случаи обратнаго переселенія, когда переселенцы, очевидно, даже и не пытались приступить къ обзаведенію; на Алтаѣ гораздо многочисленнѣе такіе случаи, когда переселенческія семьи возвращались лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ неудачныхъ попытокъ обосноваться на новомъ мѣстѣ, — и это различіе находится въ тѣсной связи съ преобладающими способами водворенія переселенцевъ: въ раіонѣ казенныхъ земель послѣдніе водворяются преимущественно на отдѣльныхъ участкахъ, — и, какъ мы сейчасъ увидимъ на цифрахъ, — обратное переселеніе въ большинствѣ случаевъ обусловливается либо несвободностью облюбованныхъ переселенцами участковъ, либо несоотвѣтствіемъ ихъ требованіямъ открытыхъ для заселенія земель; и то, и другое выяснялось, въ большинствѣ случаевъ, очень скоро, и переселенцы, по той или другой причинѣ не водворившіеся на участкахъ, имѣли время въ томъ-же году пуститься въ обратный путь. На Алтаѣ переселенцы по большей части устраиваются въ старожильскихъ селеніяхъ,—и идутъ обратно, въ большинствѣ случаевъ, благодаря невозможности добиться пріемнаго приговора или по недостатку средствъ для обзаведенія, — обстоятельства, которыя выясняются обыкновенно лишь послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ попытокъ добиться пріема или пріобрѣсти необходимыя для обзаведенія средства.

Обратимся теперь къ даннымъ о *причинахъ обратнаго переселенія*, которыми мы, къ сожалѣнію, располагаемъ только за два года — 1895 и 1896. Данныя эти сведутся въ нижеслѣдующую табличку:

Причины обратнаго переселенія.	Число семей, возвратившихся изъ губерній и областей.						
	Акмолинской.	Тобольской.	Томской, съ землей		Енисейской.	Съ пути.	Всего.
			казенн.	кабин			
Неимѣніе разрѣшенія	80	11	15	43	9	30	189
Несвободность участка . . .	194	139	79	70	25	18	533
Дорогіе пріемные приговоры.	4	5	9	143	3	—	165
Недостатокъ средствъ на обзаведеніе	91	111	60	360	29	7	684
Недостатокъ средствъ въ пути.	—	—	—	—	—	401	401
Неудобство почвы.	119	100	187	220	60	—	738
Недостатокъ воды.	358	250	179	185	22	3	1,045
Отсутствіе лѣса	25	35	29	13	7	2	114
Суровый климатъ и т. п. . .	21	31	57	124	97	14	353
Неурожаи.	13	—	—	16	1	—	32
Необозначенныя и случайныя.	177	159	57	371	27	211	951

Причины обратнаго переселенія.	Или въ процентахъ къ общему числу случаевъ.						
	Акмолинской.	Тобольской	Томской, съ землей		Енисейской.	Съ пути.	Всего.
			казенн	кабин			
Неимѣніе разрѣшенія . .	7,4	1,3	2,2	2,8	3,3	4,5	3,5
Несвободность участка. .	17,9	16,2	11,7	4,4	9,3	2,6	10,0
Дорогіе пріемные приговоры	0,4	0,6	1,3	9,1	1,1	—	3,1
Недостатокъ средствъ на обзаведеніе.	8,4	12,9	8,9	22,8	10,7	1,0	12,8
Недостатокъ средствъ въ пути.	—	—	—	—	—	58,4	7,5
Неудобство почвы. . . .	11,0	11,7	27,8	13,9	22,2	—	13,8
Недостатокъ воды. . .	33,1	30,3	26,6	11,8	8,1	0,4	19,5
Отсутствіе лѣса	2,3	4,1	4,3	0,8	2,6	0,3	2,1
Суровый климатъ и проч	1,9	3,6	8,5	7,8	35,9	2,0	6,6
Неурожаи	1,2	—	—	1,0	0,4	—	0,6
Неизвѣстныя и случайныя	16,3	18,4	8,5	23,5	10,0	30,7	17,8

Остановимся прежде всего на случаяхъ возвращенія переселенцевъ съ пути. Почти три пятыхъ этихъ случаевъ являются результатомъ недостатка средствъ для продолженія пути, почти треть входитъ въ общую рубрику «неизвѣстныхъ и случайныхъ причинъ», причемъ, однако, какъ можно думать по аналогіи съ данными о причинахъ безрезультатнаго ходачества, подавляющее большинство случаевъ этого рода должно быть отнесено насчетъ разсказовъ встрѣченныхъ въ пути обратныхъ переселенцевъ; сюда-же, въ сущности, слѣдуетъ отнести и тѣ случаи, которые подведены подъ рубрику «неудобства почвы», «сурового климата» и т. п., такъ какъ обо всемъ этомъ переселенецъ, не добравшійся до мѣста назначенія, могъ, очевидно, узнать лишь по разсказамъ встрѣченныхъ обратныхъ; довольно замѣтный процентъ случаевъ возвращенія съ пути объясняется затѣмъ неимѣніемъ разрѣшенія или несвободностью участка, причемъ оба эти обстоятельства могли выясниться для переселенцевъ, скорѣе всего, изъ объясненій переселенческихъ чиновниковъ, а иногда, можетъ быть, также изъ разсказовъ обратныхъ переселенцевъ. Обратное переселеніе семей, успѣвшихъ достигнуть тѣхъ или другихъ раіоновъ водворенія, слагается почти по каждому изъ нихъ подъ вліяніемъ своеобразной комбинаціи причинъ. Такъ, по Акмолинской области сравнительно замѣтную роль играетъ неимѣніе разрѣшенія—обстоятельство, непосредственно связанное съ тѣмъ предпочтеніемъ, которое оказываютъ этой области самовольные переселенцы; но самою распространенною причиною обратныхъ переселеній какъ по этой области, такъ и по Тобольской губерніи (около трети всѣхъ случаевъ) является недостатокъ воды; на второмъ мѣстѣ стоитъ несвободность облюбованнаго участка (около шестой части всѣхъ случаевъ). Затѣмъ нѣкоторую роль играютъ недостатокъ средствъ для обзаведенія

и неудобство почвы отведенныхъ участковъ, — всѣ же остальныя причины играютъ по Тобольской губерніи и Акмолинской области ничтожную роль. Такимъ образомъ, обратное переселеніе обусловливается здѣсь нѣсколько иною комбинаціею причинъ, нежели аналогичное съ нимъ во многихъ отношеніяхъ безрезультатное ходачество; значительно меньшую роль играютъ такія причины, какъ несвободность участка и особенно отсутствіе разрѣшенія,— что совершенно понятно, такъ какъ переселенцы по большей части идутъ на уже зачисленные участки, къ отсутствію же разрѣшенія у осуществившихъ уже переселеніе семей администрація относится, очевидно, гораздо мягче, чѣмъ когда дѣло идетъ о самовольныхъ ходокахъ, для которыхъ отказъ въ зачисленіи земли не связанъ съ такими гибельными послѣдствіями. Напротивъ, процентъ обратныхъ переселеній по неудобству почвы, по недостатку средствъ для обзаведенія и особенно по недостатку воды, гораздо больше: такія обстоятельства, какъ трудность обзаведенія, неудобство почвы и особенно недостаточность водоснабженія, часто ускользаютъ отъ вниманія ходоковъ и нерѣдко выясняются лишь при окончательномъ водвореніи на «новомъ мѣстѣ». Дальше на востокъ, по Томской и особенно Енисейской губерніямъ, число случаевъ обратнаго переселенія по несвободности участковъ замѣтно сокращается; падаетъ также и число случаевъ возвращенія вслѣдствіе безводности,—хотя по раіону казенныхъ земель Томской губерніи этою причиною обусловливается еще болѣе четверти обратныхъ переселеній; на первый планъ выступаютъ такія причины, какъ неудобство почвы (около четверти случаевъ) и суровость климата; насчетъ этого послѣдняго обстоятельства относится около одной двѣнадцатой части случаевъ обратнаго переселенія съ казенныхъ земель Томской и болѣе трети — изъ Енисейской губерніи; недостатокъ средствъ для обзаведенія, несмотря на бо́льшую дороговизну этого послѣдняго, и здѣсь обусловливаетъ не большій процентъ обратныхъ, нежели по Тобольской губерніи и Акмолинской области. Напротивъ, по Алтайскому округу это обстоятельство выступаетъ на первый планъ: оно стоитъ здѣсь, какъ мы объяснили выше, въ тѣснѣйшей связи съ дороговизною пріемныхъ приговоровъ — причина, и непосредственно объясняющая довольно большое число случаевъ обратныхъ переселеній. Однако, оба эти обстоятельства играютъ въ данномъ случаѣ гораздо меньшую роль, нежели въ объясненіяхъ безрезультатныхъ ходачествъ и, напротивъ, гораздо бо́льшее значеніе пріобрѣтаютъ обстоятельства естественнаго характера — безводность, неудобство почвы и даже суровость климата: очевидно, что при окончательномъ водвореніи даже и въ этомъ переселенческомъ эльдорадо довольно часто обнаруживаются неудобства, ускользнувшія отъ вниманія болѣе или менѣе поверхностно знакомящихся съ «новыми мѣстами» ходоковъ.

Чрезвычайно интересно было-бы, затѣмъ, выяснить зависимость размѣровъ обратнаго переселенія изъ отдѣльныхъ мѣстностей Сибири и вліянія обусловливающихъ его причинъ отъ происхожденія переселенцевъ изъ того или другого раіона Европейской Россіи. Однако, сдѣланная нами попытка построить таблицы съ комбинаціею этихъ признаковъ не привела—можно думать, по незначительности имѣющагося (только за 1895 и 1896 гг.) матеріала—ни къ какому положительному результату. Чтобы покончить съ данными объ обратномъ переселеніи, намъ остается поэтому только привести въ общихъ для всей Сибири итогахъ данныя о числѣ обратныхъ изъ числа уроженцевъ отдѣльныхъ раіоновъ Европейской Россіи.

Переселеніе изъ раіоновъ	Число обратныхъ	Тоже въ % къ числу прошедшихъ переселенцевъ.
Сѣвернаго черноземнаго	2,505	11,8
Средняго черноземнаго	1,435	12,2
Юго-западнаго	112	23,2
Южнаго степного	286	17,0
Восточнаго и юго-восточнаго . .	405	12,2
Промышленнаго.	106	11,7
Западнаго.	254	12,4
Сѣверо-восточнаго	39	(14,1)

Получившіяся относительныя величины представляются по большинству раіоновъ замѣчательно близкими другъ къ другу: степень приспособленности выходцевъ изъ этихъ раіоновъ къ жизни въ Сибири—поскольку показателемъ ея можетъ служить размѣръ обратнаго переселенія—является, слѣдовательно, болѣе или менѣе одинаковою,—обстоятельство, доказывающее лишній разъ, что переселенцы распредѣляются по отдѣльнымъ мѣстностямъ Сибири въ достаточной мѣрѣ сообразно степени соотвѣтствія этихъ мѣстностей естественнымъ условіямъ мѣстъ выселенія. Исключительно высокій процентъ обратныхъ даютъ только два раіона — юго-западный и южный степной, выходцы изъ которыхъ, поскольку можно судить по приведеннымъ цифрамъ, наименѣе способны пріискать въ Сибири мѣста, соотвѣтствующія предъявляемымъ ими требованіямъ

Попытаемся теперь, въ заключеніе нашего анализа цифровыхъ данныхъ о сибирскомъ переселеніи, свести въ одну общую картину тѣ частные выводы, къ которымъ привелъ этотъ анализъ.

Первымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ первостепенно важнымъ, фактомъ является *пріостановка роста переселенческаго движенія* въ Сибирь. Раньше размѣры этого движенія непрерывно возрастали; проведеніе сибирской желѣзной дороги и измѣнившаяся въ благопріятную для пе-

реселенія сторону политика правительства, при продолжающемся дѣйствіи тѣхъ основныхъ причинъ, которыя гонятъ крестьянина на переселеніе, заставляли ожидать еще болѣе быстраго прогрессивнаго его роста, причемъ одни, оптимисты, ожидали отъ этого роста самыхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, другіе, скептически относившіеся къ земельнымъ богатствамъ Сибири, предвидѣли весьма скорое наступленіе здѣсь земельнаго кризиса. Въ дѣйствительности какъ переселеніе въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ и ходачество, продолжали быстро расти лишь въ самые первые годы по открытіи движенія по сибирской желѣзной дорогѣ; съ 1897—1898 гг. этотъ ростъ остановился, и движеніе ходоковъ установилось на ежегодной цифрѣ около пятидесяти тысячъ, движеніе переселенческихъ семей — около 150—170 тыс. человѣкъ.

Мы не могли опредѣленно высказаться относительно обстоятельствъ, вызвавшихъ пріостановку роста *ходачества;* мы видѣли имонно, что размѣры ходачества, въ общемъ для всей Европейской Россіи итогѣ, далеко не достигли наивысшаго возможнаго предѣла, и въ то-же время намъ неизвѣстны обстоятельства, которыя въ послѣднее время могли-бы искусственно задержать ростъ ходаческаго движенія. *Пріостановка роста переселенія* въ собственномъ смыслѣ, несомнѣнно, *стоитъ въ прямой связи съ усиленіемъ ходачества, при все возрастающей его безрезультатности* въ послѣдніе годы лишь меньшинство ходоковъ—четвертая или третья часть — успѣваетъ пріискать землю, остальная масса ходоковъ возвращается, не достигнувъ цѣли, и это безрезультатное ходачество является тѣмъ «предупредительнымъ препятствіемъ», которое успѣшно противодѣйствуетъ дальнѣйшему росту переселенческаго движенія.

Болѣе подробный анализъ данныхъ о результатахъ ходачества выяснилъ намъ затѣмъ тотъ важный фактъ, что процентъ ходоковъ, пріискавшихъ землю, тѣмъ меньше и что онъ убываетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ популярнѣе данный колонизаціонный раіонъ среди мечтающаго о переселеніи крестьянства: хуже всего результаты ходачества по Акмолинской области и по Алтайскому округу, замѣтно лучше—по раіону казенныхъ земель Западной Сибири, а наибольшій и притомъ пока еще не убывающій процентъ случаевъ успѣшнаго ходачества даетъ Енисейская губернія. А данныя о причинахъ безрезультатности ходачества привели насъ къ заключенію, что эта *безрезультатность является*—по крайней мѣрѣ до значительной степени—*прямымъ показателемъ пресыщенія переселенцами наиболѣе излюбленныхъ колонизаціонныхъ раіоновъ и усиливающагося несоотвѣтствія требованіямъ ходоковъ земель, въ послѣднее время предоставляемыхъ подъ заселеніе.*

Какъ слѣдуетъ разобраться въ вопросѣ о томъ «пресыщеніи», о которомъ мы только-что упоминали, мы могли-бы лишь на основаніи

подробнаго изученія исторіи и современнаго положенія землеотводныхъ работъ. И безъ того не въ мѣру разросшіеся размѣры нашего очерка лишаютъ насъ возможности коснуться этого вопроса съ желательною степенью подробности. Но достаточно краснорѣчивыми будутъ и нижеслѣдующіе три ряда цифръ, изображающіе количественные результаты землеотводныхъ работъ въ абсолютныхъ величинахъ и въ ихъ соотношеніи къ размѣрамъ расходовъ и къ количеству затрачиваемаго на образованіе участковъ труда:

Годы	Общее число душевыхъ долей въ заготовленныхъ участкахъ	Среднее число долей на одного чина землеотводныхъ партій	Средняя стоимость отвода одной доли въ копѣйкахъ
1893 [1])	43,060	431	533
1894	85,772	858	233
1895	38,185	378	611
1896	43,512	308	758
1897	56,086	315	837
1898	36,653	182	1,387
1899	44,600	229	1,090

Такимъ образомъ, несмотря на въ два съ половиной раза большіе размѣры издержекъ на землеотводныя работы, несмотря на вдвое большій составъ занятыхъ ими лицъ, результаты этихъ работъ за послѣднія пять лѣтъ выражаются въ цифрахъ, колеблющихся около одного средняго уровня—приблизительно 45 тыс. душевыхъ долей въ годъ,—и значительно уступающихъ цифрамъ перваго двухлѣтія; *заготовлять необходимый запасъ земли удается, слѣдовательно, лишь цѣною все возрастающихъ затратъ труда и все увеличивающихся расходовъ:* отводъ земли на одного переселенца въ настоящее время обходится приблизительно втрое дороже, нежели въ началѣ періода систематическихъ землеотводныхъ работъ, и одному чину переселенческихъ партій удается обмежевать все меньшее и меньшее количество земли. А чтобы лучше оцѣнить значеніе этихъ количественныхъ результатовъ, надо еще принять въ соображеніе то обстоятельство, что и такіе результаты достигаются въ послѣднее время лишь благодаря *пониженію требованій, предъявляемыхъ къ отводимымъ подъ заселеніе землямъ* въ настоящее время, за истощеніемъ запасовъ лучшихъ земель, подъ заселеніе отводятся, а затѣмъ и заселяются, такія земли, которыхъ еще немного лѣтъ тому назадъ совершенно не рѣшались предназначать подъ заселеніе, и которыя, если ихъ случайно замежевывали въ участки, не находили желающихъ селиться.

Необходимо отмѣтить далѣе тотъ фактъ, что землеотводныя работы, первоначально сосредоточивавшіяся въ сравнительно небольшомъ раіонѣ, именно въ ближайшихъ къ желѣзной дорогѣ уѣздахъ Тоболь-

[1]) Въ виду поздняго сформированія партій работы въ этомъ году велись лишь часть полевого времени

ской и Томской губерній и Акмолинской области, въ настоящее время разбросались по чрезвычайно обширной территоріи, захвативъ какъ обѣ средне-сибирскія губерніи и Приамурскій край, такъ и болѣе удаленные отъ желѣзной дороги уѣзды Западной Сибири и киргизской степи, и распространившись также на Тургайскую область и на губерніи Пермскую и Вологодскую; лишь разбросавъ работы по такому громадному пространству, охватывающему одиннадцать губерній и областей, оказывается возможнымъ удовлетворить тому-же, приблизительно, спросу на переселенческіе участки, который первоначально съ избыткомъ обезпечивался земельными запасами немногихъ уѣздовъ ближайшихъ къ Европейской Россіи частей Сибири.

Это—одна сторона дѣла. А другая, не менѣе важная, заключается въ томъ, что *центръ тяжести землеотводныхъ работъ все болѣе и болѣе переносится въ лѣсные и въ частности—таежные раіоны.* Собственно въ сибирскихъ губерніяхъ запасъ земель степного характера уже совершенно исчерпанъ; чисто лѣсные участки въ 1897—1898 годахъ составляли уже болѣе половины, въ настоящее же время составляютъ, несомнѣнно, еще бо́льшую долю общей площади образуемыхъ участковъ. Землеотводныя работы передвинулись изъ степныхъ въ лѣсные уѣзды западно-сибирскихъ губерній и въ средне-сибирскія губерніи, отличающіяся, вообще, и большею лѣсистостью земель, и болѣе суровымъ климатомъ; въ этихъ лѣсныхъ раіонахъ, какъ можно думать, землеотводныя работы, мало по малу углубляясь въ тайгу, еще немало лѣтъ будутъ давать нѣкоторый запасъ участковъ. Запасъ земель степного характера имѣется въ настоящее время исключительно въ киргизскихъ областяхъ; но запасъ этотъ—какъ теперь выяснилось—сравнительно не великъ и будетъ исчерпанъ въ самые ближайшіе годы,—и такимъ образомъ мы стоимъ весьма недалеко отъ того момента, когда подъ заселеніе, во всемъ обширномъ раіонѣ сибирской желѣзной дороги, будутъ отводиться исключительно земли лѣсного и, главнымъ образомъ, таежнаго характера.

Между тѣмъ мы знаемъ изъ предыдущаго, что лѣсные участки заселяются, въ общемъ, менѣе охотно, нежели степные: ходоки стремятся по преимуществу туда, гдѣ еще есть степныя земли, причемъ наплывъ ихъ въ такія мѣстности значительно превышаетъ запасъ участковъ, могущихъ быть отданными подъ заселеніе, а потому все возрастающему проценту ходоковъ приходится возвращаться безъ результата за несвободностью облюбованныхъ участковъ; напротивъ, *лѣсные раіоны гораздо слабѣе привлекаютъ ходоковъ, и эти послѣдніе здѣсь гораздо чаще отказываются отъ зачисленія по неудобству почвы, суровости климата и т. п. условіямъ,* несмотря на совершенную достаточность, въ количественномъ смыслѣ, запаса заготовленныхъ въ такихъ раіонахъ участковъ. О томъ-же предпочтеніи переселенцевъ

къ землямъ степного типа говорятъ и данныя о заселеніи участковъ: заселенность отдѣльныхъ уѣздовъ, говоря вообще, прямо пропорціональна преобладанію въ нихъ участковъ степного характера и обратно пропорціональна степени распространенности лѣсныхъ,—а сведенныя по типамъ участковъ данныя о заселеніи показываютъ, что лѣсные участки, даже образованные въ самомъ началѣ періода систематическихъ землеотводныхъ работъ, заселены слабѣе, нежели степные участки, образованные въ самое послѣднее время; другими словами — степные участки разбираются нарасхватъ, тогда какъ лѣснымъ участкамъ, большею частью, приходится довольно долго ждать, пока найдутся охотники заселять ихъ.

Такое предпочтеніе, оказываемое степнымъ землямъ передъ лѣсными, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ распредѣленіемъ переселенцевъ по мѣстамъ выхода: *степные участки*, соотвѣтствуя по преимуществу требованіямъ выходцевъ изъ южныхъ раіоновъ черноземной полосы, пригодны также, хотя въ меньшей мѣрѣ, и для переселенцевъ изъ нечерноземной полосы,—другими словами, они *могутъ болѣе или менѣе успѣшно заселяться при всякомъ подборѣ переселенцевъ;* напротивъ, *лѣсные участки*, хорошо заселяясь выходцами изъ нечерноземной полосы, уже гораздо менѣе охотно заселяются переселенцами изъ черноземныхъ губерній средней Россіи, для выходцевъ же изъ южныхъ, степныхъ губерній они совершенно непригодны, слѣдовательно, *могутъ заселяться лишь при опредѣленномъ подборѣ переселенцевъ.* Между тѣмъ въ дѣйствительности болѣе четырехъ пятыхъ общаго числа переселенцевъ составляютъ именно выходцы изъ черноземныхъ раіоновъ, и только одну пятую—выходцы изъ нечерноземной полосы; *значительное большинство, такимъ образомъ, составляютъ элементы, наименѣе пригодные для колонизаціи лѣсныхъ земель*, и только незначительное меньшинство—элементы, достаточно приспособленные для поселенія въ сибирскихъ лѣсахъ. Естественно, что *по мѣрѣ перемѣщенія центра тяжести землеотводныхъ работъ въ таежные раіоны, отводимыя подъ заселеніе земли все менѣе и менѣе соотвѣтствуютъ требованіямъ подавляющей массы переселенцевъ*,—ихъ пригодность для заселенія становится все болѣе ограниченною,—и скоро настанетъ время, когда въ Сибири останутся лишь земли, болѣе или менѣе исключительно пригодныя для выходцевъ изъ нечерноземной Россіи.

«Думать о широкомъ развитіи переселенія въ Сибирь—писали мы три года тому назадъ — безусловно нельзя; переселеніе, силою вещей, осуждено возвратиться къ прежнимъ ничтожнымъ размѣрамъ, а можетъ быть временно и вовсе прекратиться,—и всякія мѣры, направленныя къ широкому развитію переселенія, другими словами—къ увеличенію числа переселяющихся, повели бы только къ увеличенію той массы горя и разоренія, которое находитъ себѣ рельефное вы-

раженіе въ обратномъ переселеніи». Факты послѣднихъ лѣтъ заставляютъ насъ внести въ этотъ нашъ выводъ нѣкоторыя поправки: прежде всего, призракъ обратнаго переселенія съ тѣхъ поръ, до извѣстной степени, утратилъ свое устрашающее значеніе: на мѣсто обратнаго переселенія, этого «разрушительнаго препятствія» дальнѣйшему росту переселенія, становится, въ значительной мѣрѣ, «предупредительное»— но столь-же дѣйствительное препятствіе въ видѣ безрезультатнаго ходачества, которое уже остановило ростъ переселенія въ Сибирь и въ ближайшемъ будущемъ приведетъ, надо думать, и къ сокращенію его размѣровъ. Другая, болѣе существенная поправка относится къ возможности совершеннаго -хотя бы временно—прекращенія переселенія въ Сибирь. *Такого прекращенія—по крайней мѣрѣ на ближайшее время—предвидѣть нельзя*, потому что въ таежныхъ раіонахъ Сибири еще въ теченіе ряда лѣтъ, какъ показали «открытія» послѣдняго времени, будутъ отыскиваться болѣе или менѣе обширныя площади, пригодныя для заселенія. Въ остальномъ новѣйшія данныя не только не колеблютъ, но, напротивъ—вполнѣ подтверждаютъ тѣ наши заключенія, которыя три года тому назадъ имѣли до извѣстной степени предположительный характеръ. Мы можемъ нынѣ съ достаточною увѣренностью сказать, что размѣры переселенія въ Сибирь, достигнутые въ послѣдніе годы, не будутъ превзойдены,—что *ограниченность земельныхъ запасовъ Сибири уже поставила предѣлъ дальнѣйшему росту если не вообще переселенія, то во всякомъ случаѣ — движенія въ Сибирь крестьянъ земледѣльцевъ.* Въ лучшемъ случаѣ размѣры сибирскаго переселенія продержатся на современной высотѣ въ теченіе еще нѣсколькихъ лѣтъ, но затѣмъ они неизбѣжно должны будутъ сократиться. Въ частности— и это особенно важно- – *Сибирь должна будетъ утратить свое нынѣшнее значеніе главнаго пріемника для избыточнаго населенія черноземной полосы Европейской Россіи.* Уже и теперь все большую роль въ переселенческомъ движеніи начинаютъ играть выходцы изъ нѣкоторыхъ раіоновъ нечерноземной Россіи. Въ настоящее время эти элементы еще теряются, правда, среди подавляющаго большинства выходцевъ изъ черноземной полосы. Но скоро, съ окончательнымъ истощеніемъ запасовъ степныхъ и даже полустепныхъ земель, движеніе въ Сибирь переселенцевъ изъ черноземной полосы (за исключеніемъ, можетъ быть, сѣверно-черноземнаго раіона) должно будетъ если не совершенно прекратиться, то во всякомъ случаѣ—свестись до ничтожныхъ размѣровъ,— и избытку населенія изъ южныхъ раіоновъ Европейской Россіи придется искать себѣ какого-либо иного исхода.

